

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ
ЦЕННОСТЕЙ
В ЯЗЫКАХ
И КУЛЬТУРАХ

Москва 2011

inслав

Российская академия наук
Институт славяноведения

Эволюция ценностей
в языках и культурах

Москва 2011

*Издание осуществлено при поддержке
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Историко-культурное наследие
в языках, литературах и фольклоре народов России»*

Отв. редактор: *И. А. Седакова*

Эволюция ценностей в языках и культурах. — М.:
Пробел-2000. — 240 с.

ISBN 978-5-7576-0246-2

В сборнике на материале русского, польского, южнославянских, итальянского и др. языков рассматриваются базовые социокультурные ценности, которые с течением времени и под влиянием общественных изменений подвергаются трансформации. Анализируется иерархия ценностей в традиционном и современном обществах; обозначается типология контекстов, которые меняют аксиологическую сущность понятий (*старость, appetitum*); определяется роль межкультурных и межязыковых контактов в расставлении оценочных акцентов. Значительное место в сборнике отводится аксиологическому изучению актуальных для современности концептов в их взаимодействии (*толерантность, любовь, успех и деньги, dolce vita* и др.). В специальном разделе помещены исследования системы ценностей в экстремальных условиях и «лагерные» мемуары В. Л. Горбуновой (Номикос), проведшей в ГУЛАГе 8 лет (публикация и комментарий Т. М. Николаевой).

Работы представителей Московского семиотического круга и Люблинской школы этнолингвистики, опубликованные в сборнике, будут интересны широкому кругу гуманитариев.

ISBN 978-5-7576-0246-2

© Коллектив авторов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (И. А. Седакова)	4
<i>И. А. Седакова. Метаморфозы социокультурных ценностей:</i>	
Вводные замечания.....	7
<i>Вяч. Вс. Иванов. Толерантность и ее значимость для XXI века .....</i>	19
<i>Н. Н. Запольская. Спасение, любовь, милосердие:</i>	
К вопросу о языковом моделировании	
культурных ценностей.....	37
<i>Е. Бартминский. Место ценностей в языковой картине мира.....</i>	51
<i>С. Небжеговская-Бартминская. Конститтивные ценности</i>	
польского народного сонника	81
<i>М. А. Осипова. Ценности, деньги и дискурс.....</i>	92
<i>М. Еленевская. Дорогие наши столицы:</i>	
Образ российского мегаполиса в Рунете	101
<i>С. А. Сиднева. Концепты <i>dolce vita</i> и <i>dolce far niente</i></i>	
в русской лингвокультуре: аксиологический аспект.....	135
<i>М. М. Макарцев. Проблема идентичности и система ценностей</i>	
у носителей славянского говора <i>in statu moriendi</i>	151
<i>И. А. Седакова. Аксиологический статус вещи</i>	
(по материалам книги Е. Гинзбург «Крутой маршрут»)....	169
<i>Т. М. Николаева. Эволюция ценностей в экстремальных условиях.</i>	
Комментарий к воспоминаниям	
Валентины Леонидовны Горбуновой (Номикос)	185
<i>Т. М. Николаева. Воспоминания В. Л. Горбуновой (Номикос).</i>	
Заметки публикатора	194
<i>В. Л. Горбунова. Воспоминания о тюрьме и лагере</i>	
(март 1937 – июнь 1945)	196

Предисловие

Этот сборник составлен из ряда статей, которые, хотя и посвящены, казалось бы, разным ценностным концептам в разные эпохи и основываются на разном материале, служат канвой для анализа эволюции базовых ценностей в языках и культурах. В текстах разных эпох и разных жанров ценности являются ориентирами как для сакральной, так и для профаний культуры. Обозначить и исследовать реестр ценностей, находящихся в центре и на периферии современной лингвокультурной ситуации, можно лишь в широкой исторической перспективе, с учетом их модификаций и метаморфоз.

Публикации в сборнике носят интердисциплинарный характер с применением социолингвистических, этнолингвистических, социологических, литературоведческих и культурологических методов. Доминирующим методом является семиотический, основы которого в московской школе этого направления («Московский семиотический круг») заложили публикующие в этом сборнике свои статьи Вяч. Вс. Иванов и Т. М. Николаева. Использование семиотических оппозиций — как более общих «культура — природа», «материальное — духовное», так и более конкретных «радость — горе», «здравье — болезнь», «красота — уродство» и др. — всегда составляло ядро структурно-семиотических исследований. В данном сборнике бинарные оппозиции как методологический прием классификации играют особую роль, в силу специфики категории «ценность», значение которой актуализируется нередко только через ее противоположность или через негацию.

Статьи Вяч. Вс. Иванова, Т. М. Николаевой, Н. Н. Запольской и И. А. Седаковой были написаны в рамках Программы Президиума РАН (проект «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: исто-

рия и современность», 2009–2011). Общие положения этих статей, а также и публикаций других авторов этого сборника обсуждались на Международной конференции «Язык и общество в современной России и в других странах» в 2010 году на специальном заседании по теме проекта и на других социолингвистических конференциях.

Вяч. Вс. Иванов в своей работе представляет историю формирования принципа толерантности, одного из самых актуальных и проблематичных для наших дней. Н. Н. Запольская показывает существование и конкуренцию церковной и секулярной аксиологии, анализируя важнейшие для богословия термины (*спасение, любовь, милосердие*) с учетом моделирования их семантики и pragmatики.

В сборнике представлена польская аксиологическая и этнолингвистическая наука. Помещенные в книгу статьи хорошо известных в России филологов — Е. Бартминьского и С. Небжеговской-Бартминьской не публиковались ранее на русском языке, хотя они служат фундаментом для понимания достижений польской филологии в области изучения языковой картины мира.

Несколько статей более ярко выраженной социолингвистической направленности демонстрируют динамику ценностей в четкой зависимости от ряда условий. Так, М. А. Осипова обращается к анализу концепта *деньги* в современном российском дискурсе. М. Еленевская сравнивает системы ценностей, по которым конкурируют две столицы России — Москва и Санкт-Петербург, показывая в своей работе, что само понятие ценности как ориентира, руководства к действию появляется там, где есть сравнение, оппозиция и противостояние.

С. А. Сиднева, анализируя представления о «сладкой жизни» и «сладком ничегонеделанье» затрагивает проблему заимствования, моды и престижности концептов вместе с их ценностным наполнением (ит. *dolce vita, dolce far niente*). М. М. Макарцев обращается к актуальной теме ценности «малого языка», языка небольшой диаспоры, окруженного иным языком. Хорошее владение родным языком в иноязычном окружении, как отмечают многие исследователи, является важной ценностью, которая коррелирует с идентич-

ностью и религиозностью человека, базовыми ориентирами в выборе поведенческой стратегии члена диаспоры.

И наконец, последний раздел книги посвящен иерархии ценностей в «лагерной» прозе. Т. М. Николаева публикует и комментирует рукопись своей тети — Валентины Леонидовны Горбуновой (Номикос), которая провела в ГУЛАГе 8 лет. Исследуя систему ценностей в этом тексте, Т. М. Николаева предлагает типологию эволюции оценки при тотальном изменении образа жизни человека в экстремальных условиях. И. А. Седакова на материале «лагерной» прозы Е. Гинзбург обращается к проблеме материальных ценностей в тюремном заключении, в которых «витальная» составляющая дополняется культурными, эмоциональными и интеллектуальными ассоциациями.

Как кажется, важность статей о современной иерархии ценностей, публикуемых в этом сборнике, состоит в том, что они отчасти отражают взгляд на ценности в России начала второго десятилетия XXI века. Возможно, аксиологическая картина значительно изменится вместе с изменениями политической жизни в стране и ростом протестных настроений в обществе и получит новое содержание и новую прагматику.

И. А. Седакова

*И. А. Седакова
(Москва)*

Метаморфозы социокультурных ценностей: Вводные замечания*

Среди многих специфических черт в социокультурных ценностях особенно выделяется их динамика (метаморфозы, эволюция), непостоянство даже самых, казалось бы, постоянных базовых ориентиров. Ценность как переменная категория модифицируется в зависимости от многих факторов — религиозности или нерелигиозности общества, политических и идеологических установок власти, наличия кризисной ситуации (эпидемия, война, восстание и пр.), а также возрастной, гендерной и др. принадлежности определенной группы людей и пр. Изменениям подлежат и общественные, и индивидуальные ценности, причем официальная их иерархия нередко фальсифицируется [Архангельский 2006]. В наши дни картина ценностей разительно отличается от той, что пропагандировалась еще 30 лет назад. Теперь на смену идеологической пропаганды пришла коммерческая реклама, взявшая на себя функции индоктринации общества, своеобразное «новое учение о жизни»¹. Реклама не отделима от СМИ, которые, с учетом новых технологий, Интернета, значительно увеличили широту охвата аудитории и для многих становятся, действительно, «сетью», из которой трудно выпутаться (о ценностной картине новостей и об аксиологии в СМИ

*Статья написана в рамках Программы Президиума РАН (Направление 6. «Историко-культурное наследие в языках, литературах и фольклоре народов России», проект «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: история и современность», 2009–2011).

¹ Сопоставление оценки концепта «достойной» жизни в рекламе и СМИ с аксиологией концепта *жизнь* в экстремальных условиях (на примере «лагерной» прозы) см. [Седакова 2010].

см. [Keeble 2005; Brighton, Foy 2007]. Если судить по видимой и «громко звучащей» окружающей нас языковой действительности, ряд ценностей, особенно имеющих отношение к идеологии, политике, морали и этике, стали нерелевантными или превратились в антиценность, что находит эксплицитное и имплицитное отражение в языках и культурах России и других стран [Магун, Руднев 2010; Кравченко, Покровский 2001]. Через какое-то время, однако, гражданские ценности могут не только стать релевантными, но даже и доминирующими в общественном дискурсе (ср. события декабря 2011 года в России).

Меняются не только ценности, но и их репрезентация и способы их подачи. Одной из заметных и ярких тенденций развития окружающего нас языка (в широком смысле слова) с конца 80-х – начала 90-х годов XX века стало обращение к духовности, обрядности и фольклору. Включение «этнографических» фактов в различные дискурсы считается теперь престижным, и знание народной традиции (теперь) входит в ряд самых важных социокультурных ценностей. Новую «жизнь» народная традиция обретает в Интернет-ресурсах, как официальных и общественных (в газетах, журналах, на коммерческих сайтах), так и неофициальных, личных (см. Интернет-блоги, чаты, дискуссии, форумы). Апелляция к «народному», магии и суевериям, включение фольклорных жанров типично и для радио- и телепередач², эти темы развиваются в публичных выступлениях, в интервью с известными людьми и т. д.

Обозначим несколько тенденций в развитии современного общественного языкового дискурса, которые делают некоторые компоненты фольклора и обрядности особенно ценностными:

1. Популяризация представлений о национальном и об идентичности, которая идет «сверху» (государственная политика и пропаганда) и «снизу» (интерес общества к традициям и фольклору).

² Оставляем в стороне анализ специальных сайтов оккультных услуг, неоязычников и пр., об этом подробнее см. [Седакова 2008].

2. Усиление вербализованной суеверности общества (в речи политиков, «звезд» и др., в том числе на радио и телевидении, см. [Sedakova 2001]), об увеличивающемся количестве веряющих в приметы, вешние сны и пр. (не без воздействия СМИ и Интернета) по данным социологических опросов подробнее см. <http://www.levada.ru/press/2008071803.html>.
3. Ритуализация повседневной жизни и вычленение новых знаковых моментов (создание мест поминования, связанных с терактами, гибелью на дороге и пр.).
4. Усиление игрового начала, стремление к наслаждению, тема любви и романтики (сезонизация «любви» — февраль-март, включая день св. Валентина, 23 февраля и 8 марта)³.
5. Восстановление старых (церковных — Рождества, Пасхи, Троицы и пр.) и появление новых праздников, как общегосударственных (День народного единства 4 ноября, День семьи, любви и верности 8 июля), так и локальных (День огурца в Суздале, праздники бабы Яги в Кукобое и мн. др.). Последняя тенденция способствует реструктуризации постсоветского пространства в духе туристической коммерции с привлечением фольклорных данных, спр., например, проект «Сказочная карта России» и пр.
6. Лакуны в стилистике после отказа от идеологического «советского языка», поиски новой выразительности, появление новых тем для обсуждения и пр.

Этот список можно продолжить. Важно то, что процессы привлечения «народных» сведений сопровождаются снижением и упрощением фольклора («попсовизацию» и искажение ценностей классической литературы, музыки, православия отмечают многие исследователи, см. [Николаева 2007]). Прецедентные тексты используются в соответствии с меняющейся иерархией ценностей,

³ В США такая сезонизация праздников и их тематических символов (с их коммерциализацией в духе консументизма), отражающих основные ценности преимущественно гедонистического плана, отмечалась уже в 70-е годы XX в. [Santino 1996: 19].

о чем пишут исследователи-фольклористы и этнографы, лингвисты и литературоведы, социологи и философы многих стран, особенно пост-социалистических.

Значительно меняются и оценочные коннотации лексики, что свидетельствует об эволюции общественных ценностей. Анализируя изменения в аксиологическом словаре русского языка, Е. Л. Березович пишет: «Сдвиги в системе ценностей отражаются в лексическом составе языка “экстенсивно” (появление новых слов) и менее очевидно, “интенсивно” (изменение коннотаций, частотности употребления уже имеющихся в языке лексических единиц, возникновение новых смысловых линий, тем в их семантике). “Интенсивный” путь наиболее интересен для лингвистического анализа — не только из-за естественного для науки предпочтения неочевидного очевидному, но главным образом потому, что новации в семантике “старых” слов с наибольшей наглядностью позволяют увидеть эстафету ценностей» [Березович 2010]. Исследовательница обращается к нескольким темам, которые наиболее ярко демонстрируют изменения в современной лексике и семантике: социальная адаптированность, «личное», pragmatism и финансовая состоятельность, «душевное здоровье» и «антагидеализм» и др. (см. и другие работы в этой области: [Березович 2008; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2008; Левонтина 2010]). В свою очередь Т. М. Николаева на примере собственных наблюдений за последние несколько десятилетий описывает трансформацию ценностей, группируя их в четыре сферы: индивидуальной личности, семьи, общества и церкви [Николаева 2010]. Подобных индивидуальных «прочтений» динамики ценностей в современной науке немало.

Как видно из вышесказанного, ценности дают неограниченные возможности для их интерпретации — как с точки зрения их экспликации или импликации, так и с точки зрения их содержания. Классификаций и дефиниций ценностей немало ([Maslow 1959; Goldthwait 1985, 1996; Спиридонова 2004; Бартминский 2005; d'Andrade 2008] и мн. др.), что обусловлено сложностью этих понятий и вхождением их в разные сферы научного знания. Поскольку ценность может выступать синонимом концепта, особое значение приобретают семиотические, когнитивные, этнолингвистические

и собственно аксиологические исследования (работы Ю. Д. Апресяна, школы «Логический анализ языка» Н. Д. Арутюновой). Разнообразие в подходе к ценностям связано отчасти, как кажется, и с их динамикой и метаморфозами.

Рассмотрим несколько ярких примеров сдвигов в аксиологии двух витальных концептов, сравнив традиционную (патриархальную, сельскую) и современную (городскую, технократическую) картины мира. Похоже, что самые значительные изменения в наши дни претерпела интерпретация *старости*. На примере динамики этой ценности можно проанализировать некоторые общие черты аксиологии, прежде всего, взаимосвязанность элементов внутри системы. Так, концепт *старость* ассоциируется с другими важными общественными ценностными категориями, такими как традиционность, иерархия, уважение, авторитет, мудрость, язык⁴ и пр. Однако здесь раскрывается и еще одна важная черта аксиологии — зависимость оценки концепта от его семантического наполнения. И многие концепты в этом плане оказываются не безусловными ценностями. В термине *ценность*, позитивном, содержится намек или кивок (по терминологии Владимира Николаевича Топорова) на антиценность, то есть отрицание ценности. Так, в *старости* кроме позитивных ассоциаций (опыт, традиционность и др.) выделяются и негативные черты (изменение характера к худшему, слабость памяти и др.). Если следовать постулатам польской аксиологии и этнолингвистики и включать в значение слова (или стереотип) все его коннотации, *старик* будет соотноситься и с мудростью, и с дряхлостью [Бартминьский 2005: 159]. Важно то, какие коннотации будут доминировать в конкретном контексте, в конкретном социуме. Это выводит нас и на третью особенность аксиологии — зависимость оценки от градации свойства (см. ниже). Оценка детерминирована и вектором — так, в саморефлексии стариков до-

⁴ Язык людей старшего поколения — кладезь фольклора и народных знаний (обрядов, поверий, примет, пословиц и афоризмов), которыми они делятся с детьми и молодежью. Добавим, что в речи старшего поколения сохраняются диалектные черты и другие компоненты языкового «золотого фонда», столь ценные для лингвистов [Maxim, Вгуан 1994].

минируют негативные факторы (жалобы на здоровье, отсутствие памяти и сообразительности и др.)⁵, тогда как в оценке социума могут сочетаться и позитивные, и негативные черты.

В традиционном обществе старость воспринимается как логическое развитие, естественный процесс, идти наперекор которому считалось невозможным, а если и возможным, то только «продав душу дьяволу»: вечная молодость, по поверьям, обреталась с помощью демонических сил. В современном же обществе наблюдается геронтофобия [Лишаев 2007], старость воспринимается как болезнь, неестественное состояние, деградация, и ей объявлена война, что особенно откровенно проявляется в рекламе: борьба со временем и его влиянием на человеческий организм под лозунгами «Победим старость», «Наперекор времени» и мн. др. Общество, неуклонно стареющее (планета уже называется «серебряной» из-за увеличения продолжительности жизни)⁶, отодвигает возрастные границы старости всеми возможными средствами. Несмотря на политкорректность во многих западных странах (вместо слов ‘старый’, ‘старость’ используются «щадящие» описательные конструкции⁷), возрастает ценность молодости, ее культ [Крючкова 2006]; примеров здесь множество — от сложности в трудоустройстве немолодых людей (ср. и объявление о приеме на работу) до визуального ряда рекламы⁸.

⁵ Таких реплик особенно много в диалектных словарях («самообзываение»: *старая кокора*, *старый пень* и др.; жалобы *Стара я стала, выронила все из головы, совсем памяти нет* и др.), то есть у сельского населения. В России вообще, как отмечают наши социологи, по сравнению с западной Европой, у пожилых людей очень низкая самооценка.

⁶ О старении планеты как демографической проблеме см. специальный номер журнала «Отечественные записки», 2005, № 3.

⁷ В России, однако, по-прежнему пенсия присуждается «по старости», что и записано в пенсионных удостоверениях женщин и мужчин, достигших соответственно 55 и 60 лет.

⁸ Образы пожилых людей, пенсионеров в российской рекламе очень далеки от тех реальных старииков, которые сейчас проживают в нашей стране (это скорее европейские, благополучные жизнерадостные «молодые пенсионеры», с иным качеством жизни).

Между тем, старость прежде и даже в советские годы⁹ была одной из важнейших ценностей. Преемственность традиций осуществляется через стариков, в старости видится время и линейное, и циклическое (по М. Элиаде). В наши дни в патриархальной среде, как подтверждают полевые исследования в сельской местности, старость по-прежнему ценится высоко. Особенно это характерно для общин старообрядцев, о чем свидетельствуют многочисленные публикации ([Анастасова 1998; Никитина 2008; Толстова 2004] и др.). В наших исследованиях культуры и языка старообрядцев, проживающих на территории Болгарии и Румынии¹⁰, удалось зафиксировать важнейшие компоненты, формирующие ценностную семантику старости (подробнее см. [Седакова 2009]). Современные старообрядцы начиная с 50-летнего возраста и старше¹¹ утверждают: «Как родители прожили, так и нас благословили»¹²; «Как миме бабушка учила, так вечно я живу». В вопросах веры и повседневного поведения, воспитания и передачи ценностей они опираются на опыт старших: «А мы по-своему держим, как наши держали»¹³. Отметим, что в самообозначении старообрядцев («Я старообряд») акцентируется старость. Очевидно, что здесь релевантны оба

⁹ В СССР последовательно декларировалось уважение к старшим и по-жилым, ср. советскую песню: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет».

¹⁰ Полевые исследования велись в 2006–2008 гг. в рамках проекта ОИФН РАН «Русские села на Балканах: архаика и заимствования в народной культуре» (рук. А. А. Плотникова) и проекта Президиума РАН «Статус фольклора в изменяющемся мире: архаизм и инновации» (рук. Т. В. Михайлова).

¹¹ Здесь уместно напомнить об уже подмеченной типологии современных староверов [Никитина 2008: 42] и о переходе староверов с возрастом из одной страты, удаленной от церковной жизни, в другую, более близкую к церковной элите. Изменение ценностных ориентаций отмечается в любых социологических опросах: в возрасте 55–64 года такие ценности как вера, внимание к людям, милосердие, мир и др. становятся доминирующими [Рябов, Курбангалеева 2003: 31].

¹² Список информантов см. в [Седакова 2009]. Диалектные черты в цитатах сохраняются.

¹³ Ср. почти буквальное выражение в записи С. Е. Никитиной: «Живём, как деды и правдеды (*sic!*) завещали. Что завещано, то и держим, а наперёд не знаем» [Никитина 2008: 36].

основных значения корня *стар-*, которые становятся явными в оппозициях: ‘молодой’ и ‘новый’. Соединение ‘старого’ как возраста и ‘старого’ как приверженности традиции характерно для аксиологии старости в любом патриархальном обществе, но в старообрядческой среде особенно.

Среди ценностных характеристик стариков и старших родственников у староверов выделяются такие как *набожный, мудрый, строгий, умненький, хитренъкий* (=умный, сообразительный) и др.; старушек в селе называют ласково: *взросленькая, глубокенъкая*. Одной из важнейших установок воспитания в семье по-прежнему является передача разного рода сведений, маркируемых как ценности или антиценности (*грех, погано*). Наиболее ценными качествами, которые развивали в детях, были трудолюбие, скромность, стремление помочь, служить людям, чистота и аккуратность, честность (*брехать запрещали, воровать – «не лакомитесь»*) и др. От старших родственников идет все культурно-бытовое, конфессиональное знание, которое (несмотря на сопротивление и даже «бунты») усваивается молодыми в старообрядческой среде даже сейчас. Но истинная ценность знаний, полученных от стариков, осознается и вербализуется информантами, лишь когда они сами становятся главой семейства, хозяином / хозяйкой, матерью / отцом, дедом / бабкой, начинают выполнять те функции, которые исполняли их старшие родственники.

Обратимся к фольклорным и этнографическим сведениям по аксиологии старости вне конфессиональной принадлежности. Культурной антропологии возрастных изменений посвящена только одна известная мне работа — это статья венгерской исследовательницы Т. Турай [Tura 2008], в которой автор на основе полевых работ в румынской деревне описывает и интерпретирует отношение к старению в традиционном обществе. Здоровье, одежда, трудовые обязанности, семейное положение (вдовство) в патриархальном обществе подвергаются оценке и в связи с этим определяются социальный статус стариков и их роли (в том числе и обрядовые). Представляется, что многие из описываемых аксиологических характеристик, связанных со старением, характерны и для других европейских народов, в том числе русского.

Так, только пожилые люди могли исполнять особые социальные и обрядовые функции (лишь старые или вдовы обмывали покойников; главой семьи и исполнителем домашних обрядов был старик; повитухой могла быть женщина после выхода из reproductive периода и др.). При этом в традиционной оценке старости присутствовала амбивалентность. Старость рассматривалась в контексте смерти, близости к ушедшим из жизни и «тому свету». В соответствии с этим старые люди воспринимались через призму культа предков, которые могли помогать, но могли и наказывать. Старость ассоциировалась с божественным и святостью (в легендах Господь Бог предстает стариком), но кроме того, и со сферой демонологического [Мороз 2011]. Многие мифологические образы рисуются в облике стариков (домовой, леший и пр.) и обозначаются через лексику ‘старости’ (дед ‘черт, домовой, колдун, знахарь’), и, наоборот, обсценная лексика включает в себя семантику ‘старости’: *старый черт, старая ведьма* и пр. Здесь, как представляется, необходимо отметить и народные представления о «веке» и «норме» продолжительности человеческой жизни. «Зажившиеся» старики, достигшие преклонного возраста, «заедают» чужой век, согласно поверьям, их посмертная судьба предполагает превращение в демонов [Седакова О. 2004: 214]. Таким образом, для «оценки ценности» очень важно понятие нормы, любое отклонение может считаться антиценностью.

Повторим, что оценка *старости* в современной картине мира сильно отличается от описанной выше. В современной городской картине мира превалируют отрицательные признаки стереотипа. Так, в рекламе эксплицируется негация позитивных свойств старости, оставляя ей единственную нишу — соединение с традицией, экологичностью и аутентичностью (косметические продукты «Рецепты бабушки Агафьи», молочные продукты «Домик в деревне» и др.).

Проиллюстрируем коренное изменение аксиологии в контексте традиционного и современного обществ на примере еще одной ценности — *аппетита*. Не останавливаясь подробно на анализе этой категории, обозначим только общие для эволюции ценностей понятия. Как и *старость*, аппетит логически соотносится с иными

базовыми позитивными ценностями — такими как работоспособность, здоровье, красота. Однако в наши дни и аппетиту, как страсти, объявлена война — рекламируются таблетки и пр. средства, направленные на уменьшение потребности в еде в соответствии со стереотипами красоты «худого» тела. И это несмотря на явное повышение престижности темы еды, получения удовольствия от выбора, вкуса пищи и разнообразия кулинарных изысков (ср. многочисленные передачи наподобие «Готовь всегда», «Кулинарный поединок»; а также гастрономические туры; ресторанные обзоры и пр.)

В традиционном обществе отсутствие аппетита (рус. *диал. выть* и др.) рассматривалось как заболевание (развившееся, в частности, и в результате колдовства, сглаза, любовной магии), признак приближающейся смерти («Долго не протянет — выть уже потерял»), а также контактами с нечистой силой (посещение «ходячего» покойника и др.) и специально лечилось. И здесь, как и в других концептах, важную роль играет понятие нормы. С помощью экспрессивной лексики в диалектах обозначаются как люди, не имеющие аппетита, так и, наоборот, люди «ненасытные». В традиционном обществе эти крайности ассоциируются с демоническим (ср. прожорливость как характерная черта многих мифологических персонажей) или с «природным», звериным, в противовес «культурному» (*волчий аппетит*).

Итак, сравнение некоторых ценностей в архаической и современной картинах мира демонстрирует, насколько различна аксиология концептов и механизмов их pragmatики, насколько сильно они меняются в зависимости от восприятия реальности (представления о «демоническом»), моды, социокультурных ориентиров, вектора оценки и пр.

ЛИТЕРАТУРА

- Анастасова 1998 — Анастасова Е. Старообрядците в България: Мит. История. Идентичност. София, 1998.
- Архангельский 2006 — Архангельский А. Н. Базовые ценности: инструкции по применению. СПб., 2006.
- Бартминьский 2005 — Бартминьский Ежи. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.

- Березович 2008 — Березович Е. Л. «Отцы и дети» в лексической семантике (о «поколенческих» различиях в значениях слов аксиологической сферы в языке современного города) // Язык современного города. Тез. докл. междунар. конф. «Восьмые Шмелевские чтения». М., 2008. С. 25–28.
- Березович 2010 — Березович Е. Л. Ценности в русском языке начала XXI в.: новые темы в семантике старых слов // Язык и общество в современной России и в других странах. Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 года. Материалы и сообщения. М., 2010.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2008 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Эволюция ключевых концептов русского языка в ХХ веке: аспекты изучения // Вестник РГНФ. 2008. № 1. С. 120–127.
- Иванов 2010 — Иванов Вяч. Вс. Проблемы урбанистической лингвистики // Язык и общество в современной России и в других странах. Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 года. Материалы и сообщения. М., 2010.
- Кравченко, Покровский 2001 — Кравченко С. А., Покровский Н. Е. Традиционные и новые ценности. М., 2001.
- Крючкова 2006 — Крючкова Н. В. Концепт «молодость» в политическом дискурсе // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы. В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Т. 1. Казань, 2006.
- Левонтина 2010 — Левонтина И. Б. Русский со словарем. М., 2010.
- Лишаев 2007 — Лишаев С. А. Старость и современность // Вестник Самарской академии. Серия: Философия. Филология. 2007. № 1. С. 71–81.
- Магун, Руднев 2010 — Магун С. В., Руднев М. Г. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика. 2010. № 9–10. С. 65–72.
- Мороз 2011 — Мороз А. Б. «Старичок». Опыт описания мифологического персонажа // Славянский и балканский фольклор. Виноградье. М., 2011.
- Никитина 2008 — Никитина С. Е. Устные жанры в конфессиональной культуре (Старообрядцы в сопоставлении с молоканами и духоборами) // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008.
- Николаева 2008 — Николаева Т. М. // Классическая и массовая литература в пространстве СМИ (Клише. Цитаты. Заимствование). М., 2008.
- Николаева 2010 — Николаева Т. М. Личность. Семья. Общество. Конфессиональные позиции: полувековая динамика концептосферы // Язык и общество в современной России и в других странах. Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 года. Материалы и сообщения. М., 2010.

- Рябов, Курбангалиева 2003 — Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалиева. М., 2003.
- Седакова 2008 — Седакова И. А. Цитация в рекламе // Классическая и массовая литература в пространстве СМИ (Клише. Цитаты. Задимствование). М., 2008. С. 28–60.
- Седакова 2009 — Седакова И. А. Семья как ценность и семейные ценности в нарративах старообрядцев Болгарии и Румынии // Категории родства в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2009. С. 225–244.
- Седакова 2010 — Седакова И. А. Базовые ценности и их метаморфозы: жизнь (от выживания до «искусства жить») // Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 года. Материалы и сообщения. М., 2010.
- Седакова О. 2004 — Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Спиридонова 2004 — Спиридонова В. А. Проблемы ценностей в социологии: Историко-теоретический аспект. Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004.
- Толстова 2004 — Толстова Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск, 2004.
- d'Andrade 2008 — d'Andrade R. A Study of Personal and Cultural values: American, Japanese and Vietnamese. New York, 2008.
- Brighton, Foy 2007 — Brighton P., Foy D. News values. London, 2007.
- Goldthwait 1985 — Goldthwait J. T. Value, Language & Life: An Essay on Theory of Value. Prometheus books, 1985.
- Goldthwait 1996 — Goldthwait J. T. Values: what they are and how we know them. Prometheus books, 1996.
- Keeble 2005 — Communication ethics today /Ed. Richard Keeble. Leicester, 2005.
- Lemos 1995 — Lemos R. M. The Nature of Value. Axiological Investigations. Univ. of Press, Florida, 1995.
- Maslow 1959 — New Knowledge in Human Values / A. Maslow (ed.). Harper and brothers publishers. New York, 1959.
- Maxim, Bryan 1994 — Maxim J., Bryan K. Language and the Elderly. 1994.
- Santino 1996 — Santino J. New old-fashioned ways: holidays and popular culture. Knoxville: University of Tennessee Press, 1996.
- Sedakova 2001 — Sedakova I. Folk Religion and Politics in the Time of Transition // Actae ethnografica Hungarica, 46 (1–2). Szeged, 2001. P. 131–136.
- Turaj 2008 — Tünde T. Growing old, being old, conceptions (inner and outer viewpoints) behind the notions of old, elderly // Actae Ethnografica Hungarica. An International Journal of Ethnography. Vol. 53. № 2. Szeged, 2008. P. 343–359.

Вяч. Вс. Иванов
Лос Анджеles — Москва

Толерантность и ее значимость для XXI века*

Из многих проблем, связанных с чрезвычайно существенным для нашего времени принципом *толерантности*, я рассмотрю ниже главные вехи подхода к нему у мыслителей последних столетий и преломление этих идей в новейшей литературе.

Важнейшим утверждением не только в христианстве и иудаизме (и в связанных с ними философских учениях), но и в других системах мировоззрения и религиях, была и остается расширенная формула любви к Ближнему и *толерантности* (терпимости), распространяемая на государственные, этнические, религиозные, расовые, языковые группы.

Современный подход к толерантности основан на понятии *диалога*. Философская антропология в работах Фейербаха, раннего Маркса, Когена, Дильтея, Бахтина, Бубера пришла к такому пониманию объединений людей, в основе которого лежит их отношение друг к другу.

Согласно идее Л. Фейербаха, развитой М. Бубером в его основной книге [Buber 1954], «отдельный человек, как нечто обособленное, не заключает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты... Истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя <говорящего> с самим собой, это диалог между Я и Ты» [Фейербах 1955].

* Статья написана в рамках Программы Президиума РАН (Направление 6. «Историко-культурное наследие в языках, литературах и фольклоре народов России», проект «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: история и современность», 2009–2011).

Исходным остается соотношение «Я» и «Ты». Бубер и Бахтин сформулировали его как *диалогический принцип*. Из него вытекает роль Другого (*Ближнего — der Nächste* немецких философских работ) в антропологии, как и в тех принципах иудео-христианской религиозной философии, на которых основывалось повлиявшее на Бахтина этическое учение Когена. По Когену, «*Der Andere ist nicht eine Anderer; er steht in der genauer Correlation, vielmehr in der Continuitatsbeziehung zum Ich. Der Andere, der alter Ego ist der Ursprung des Ichs*» [Другой (Ближний) — это не один из многих других; он находится в точном соотношении, более того, в отношении продолжения по отношению к Я. Другой, иное Я представляет собой начало Я] [Cohen 1904: 201] (перевод здесь и далее мой. — В.И.).

Для истории преломления идей Когена в русской культуре существенны сравнительно недавно опубликованные конспекты его этических сочинений, сделанные Борисом Пастернаком. Согласно формулировке начинаящего поэта, изучающего этику Когена перед поездкой к нему в Марбург: «*Warum setzen wir denn gerade das Du als ein Gegenstück zum Ich?.. Auf das Du, welches ich anspreche, kommt es an. Ohne diesen Anspruch kann man überhaupt zu keinem Selbstbewusstsein kommen. Die Nähe des Nächsten, gleichsam die Grenze des Ich, ist für dessen dich Bestimmtheit des letzteren nötig. Die Liebe aber taugt nicht für diejenige gedankliche Ermittelung, [welcher] wir nach der Methode der Reinheit bedürfe für die Reinheit des Selbst. Nicht den Nächsten der Nächstenliebe; einen anderen brauchen wir als seine notwendige Ergänzung des Ich, um zu dem vollständigen Selbst erst recht zu gelangen*» [Почему тогда мы устанавливаем именно Ты в качестве противоположения Я?.. Приобретает значение Ты, к которому я обращаюсь. Без этого обращения вообще нет смысла говорить о каком бы то ни было самосознании. Близость Ближнего, выступающего как граница Я, необходима для определения Ты для последнего. Однако любовь не годится для того мыслительного опосредования, которое при соблюдении метода чистоты нам нужно для выявления чистого (самого) Я. Мы нуждаемся не в Ближнем, о котором говорим по поводу любви к Ближнему. Нам для того, чтобы достичь совершенно самого Я, нужен дру-

гой Ближний в качестве необходимого дополнения Я] [Fleischman, Harder, Dorzweiler 1996 II: 376].

Как я пробую показать в ряде публикаций последних лет [Иванов 2009: 159, 221], эти идеи Марбургской школы оказали влияние на сравнительно недавно найденную остававшуюся в черновиках «Поэму о Ближнем», начатую Пастернаком тогда же, когда он стал писать содержащую сходные мысли повесть «Детство Люверса», впервые опубликованную несколько лет спустя. В тексте повести содержится близкая к идеям Когена интерпретация Евангельских заповедей. О героине повести автор говорит: «...в ее жизнь вошел другой человек, третье лицо, совершенно безразличное, без имени или со случайным, не вызывающим ненависти и не вселяющим любви, но то, которое имеют в виду заповеди, обращаясь к именам и сознаниям, когда говорят: не убий, не крадь и все прочее — “не делай ты, особенный и живой — говорят они, этому, туманному и общему, — того, чего себе, особенному и живому, не делаешь”» (курсив Б. Пастернака. — В. И.).

Поясняя близкую к этому кругу идей формулировку «сознание себя самого все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, “для себя” на фоне “я для другого”» [Бахтин 1963: 277] в качестве иллюстрации приводил слова Тихона из опущенной (цензурой и автором) и оттого Пастернаку при написании им его повести неизвестной главы «У Тихона» в «Бесах» Достоевского: «Если кто простил вас за это и не чтоб из тех, кого вы уважаете или боитесь, а незнакомец, человек, которого вы никогда не узнаете, молча, про себя читая вашу страшную исповедь, легче ль вам было от этой мысли или все равно?». Бахтин так комментирует приведенный вопрос Тихона Ставрогину: «Этот другой человек — незнакомец, человек, которого никто никогда не узнает, выполняет свои функции в диалоге вне сюжета и вне своей сюжетной определенности, как чистый человек в человеке, представитель всех других для я. Вследствие такой постановки другого общение приобретает особый характер и становится по ту сторону всех реальных и конкретных социальных форм» [Бахтин 1963]. Эти идеи Бахтина, как и их развитие в его трудах по истории культуры [Бахтин 1965] имеют огромное значение для более широкого понимания толерантности.

Одним из первых с начала XX в. диалогический принцип выдвигает М. Бубер. В его сочинениях можно угадывать продолжение двух источников — немецкой философской традиции и еврейской традиционной мудрости.

Эти идеи не являются особенностью одного уединенного мыслителя или одной религиозной или философской школы. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить постановку и решение проблемы «одушевленности Другого» в буддийской логике (в трактате на эту тему [Дхармакирти 1922], переведенном Ф. И. Щербатским) и в экзистенциальной философии (раздел «Существование Другого» в третьей части книги Сартра «Бытие и ничто»). Формулировка Сартра «Мне необходим другой для того, чтобы я мог целиком охватить все структуры моего бытия. Для-себя отсылает к Для-другого» [Сартр 2000] точно совпадает с приговаренным выше замечанием Бахтина, развивавшего идею Когена.

Мысль, по которой отношение к Другому основано на том, чтобы всегда видеть в нем Ближнего, составляет фундамент общечеловеческой нравственности и толерантности. Ее распространение на отношение между разными странами, культурами, религиями, этническими и социальными группами указывает на возможность выхода из тупика, в котором оказалось современное человечество.

* * *

Общественный договор как философская проблема, поставленная Руссо (в котором Леви-Строс видел основателя всей современной антропологии), в настоящее время может быть распространен с одной страны или одного сообщества на сообщество всех стран и народов.

Исключаются любые насилистственные и особенно вооруженные конфликты между ними, в частности, доминирование или военное и экономическое преобладание одного государства или даже группы государств над всеми остальными. Главным препятствием на пути к реальному объединению человечества, необходимому для спасения вида, является неуклонное и быстрое нарастание религиозных, этнических и других различий между странами и их группами. В той мере, в какой гуманитарные и

социальные науки антропологического цикла могут повлиять на уменьшение этих тенденций, их практическая роль может оказаться значительной.

Идея всеобщего мира обосновывалась еще такими философами, как Кант. Весь опыт больших мировых войн прошлого века и малых локальных войн последних лет говорит о живучести тех сторон человеческой коллективной психики, которые должны быть преодолены прежде чем всерьез можно будет думать о реализации философской идеи всеобщего мира и практической задачи достижения единства человечества.

Проблема толерантности или терпимости в отношениях между людьми и группами людей (расовыми, этническими, национальными, классовыми, партийными, кастовыми, религиозными) становится все более жгучей. В новых исследованиях по молекулярной биологии обосновывается вывод о единстве человечества по происхождению: все мы — родственники, пусть обычно дальние. Этот вопрос представляет интерес и в историческом, и в практическом планах. Сейчас, в начале столетия и тысячелетия, кажется, что мы максимально далеки от решения той задачи объединения человечества, для которой в двадцатом веке было сделано много теми, кто с переменным успехом создавал сперва Лигу Наций, а потом — Организацию Объединенных Наций. В какой степени будущее человечества может планироваться научно?

Рассмотрение возможности успешной коммуникации при общении разных культур представляется одной из главных проблем, решение которых необходимо для понимания основной тенденции развития современного человечества. Если в духе номогенеза академика Л. С. Берга можно говорить о направленности биологической эволюции, она, начиная с самого раннего этапа, соответствовавшего выдвинутому физиками антропному принципу, ведет в сторону разума. Закономерность усматривается и в развитии биосферы, образовавшейся на геосфере, в направлении ноосфера — сферы разума (детали этого развития толкуются по-разному Тейяр де Шарденом, академиком В. И. Вернадским и их последователями). Отдельный человек в эпоху глобализации представляет собой часть ноосферы и не может быть от нее изолирован.

Обнаружение зеркальных нейронов открыло возможность исследования эволюционных истоков единства сообщества людей как мыслящих существ. Что же касается каждой отдельной культуры, к которой тот или иной человек принадлежит, она может существенно отличаться от других, с нею соседящих или хронологически совпадающих. Здесь особенно интересными представляются открытия школы Л. С. Выготского (прежде всего исследования А. Р. Лурия в Узбекистане, выполненные в 1930-е годы, но опубликованные тремя десятилетиями позднее). Из этих открытий вытекает возможность далеко идущего расхождения между культурами в понимании таких основных исторически обусловленных категорий, как пространство. Но соответственно может быть поставлен вопрос и о возможном устраниении подобных различий, которые могут быть помехой при коммуникации представителей разных культур.

* * *

Одним из результатов глобализации в настоящее время является то, что около половины всех имущественных ценностей на Земле принадлежит меньше чем тысяче человек — их на планете всего примерно пятьсот (т. е. ситуация «олигархов» в России не специфическая, а соответствует общемировым глобалистическим тенденциям нынешней стадии капитализма, вспомним положение Билла Гейтса в США и т. п.). Важнейшей задачей представляется предупреждение грозящей опасности насильтственного перераспределения богатств (условно говоря, согласно архетипу Парижской Коммуны), для чего необходимо филантропическое и социальное (в том числе и в согласии с социал-демократическими идеалами) использование значительной части этих личных накоплений (напомню пример того же Билла Гейтса и его жены, в частности, их недавнюю помощь детям всей планеты в получении вакцины от эпидемических заболеваний). Пока остаются и растут нищета и голод, богатые и сытые люди и страны не могут быть уверены в своем будущем и в будущем своих детей и внуков. Борьба с коррупцией и с избыточным разрастанием государственного аппарата (в большей мере заменимого общественными организациями) должна быть частью целостной программы сокращения непроиз-

водительного и социально опасного расходования средств на личные нужды и увеличения расходов на общее дело. Это оказывается необходимой предпосылкой внедрения толерантности в отношения между разными группами людей, отличающимися по имущественным возможностям.

Лет пятнадцать назад только еще начиналось обсуждение тогда назревавшего вопроса о том, как сытый Север мог бы накормить голодный Юг. Степень срочности решения задачи не была понята теми, от кого зависели решения. Я был в группе экспертов, приглашенных ООН для подготовки совещания в верхах в Копенгагене, посвященного этой теме в 1995 г. На него не приехали тогдашние президенты России и США — Б. Н. Ельцин и Б. Клинтон. Жители европейских столиц, не участвовавшие в обсуждении плана помо-щи Севера Югу, вскоре увидели жизненное осуществление дискуссии: жители тех южных полугододных (или совсем голодных) областей, о которых не захотели заботиться их преуспевающие северные соседи, стали у них непрошеными гостями.

Север не накормил Юг и не пригласил его к столу: тот сам к нему пожаловал, и отделаться от него теперь нелегко.

Собравшиеся на наше предварительное совещание в Словении в месте с древнеславянским именем Триглав эксперты не были подавлены последовавшим за ним провалом Копенгагенской встречи в верхах. Мы были обескуражены, но продолжали работу, начатую перед ней. Мы образовали постоянно действующую группу ученых и политических деятелей, называющуюся «Триглав». Мы пробуем продолжать обсуждение мировых социальных и экономических проблем, собираясь в расширенном составе (на протяжении нескольких лет мы встречались в Копенгагене при поддержке Датского правительства и негосударственных организаций, а также и соответствующих общеевропейских установлений, в последнее время нам оказывают гостеприимство некоторые университеты США). Члены «Триглава» обмениваются обзорными докладами и статьями, печатают статьи и книги, где большое внимание уделяется вопросам толерантности.

Подобные группы ученых и заинтересованных лиц возникают в разных странах. По мере развития последних кризисов и

конфликтов, порожденных природой современного глобального капитализма, особое значение приобретает работа по преодолению обостряющихся противоречий между группами, различающимися имущественным положением и производственными отношениями.

Экономисты предлагают (и отчасти начали осуществлять — в Аргентине на заброшенных заводах и в некоторых других местах Латинской Америки) эксперименты в области такой некапиталистической «экономики соучастия», которая отчасти опирается на анархический принцип взаимопомощи. Наряду с подобными поисками принципиально нового подхода к экономике в большинстве развитых капиталистических стран для предупреждения грозящих кризисов имеет смысл использовать результаты достаточно хорошо разработанной экономической теории, в частности, циклов или «волн» Н. Д. Кондратьева [Кондратьев 1993]. Теория Кондратьева создает основу для построения, охватывающего разные стороны исторического процесса. Согласно выводам Кондратьева, «Войны и революции возникают на почве реальных, и прежде всего экономических условий... на почве повышения темпа и напряжения конъюнктуры экономической жизни, обострения экономической конкуренции за рынки и сырье... Социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых экономических сил» [Кондратьев 1993]. Кондратьеву самому удалось сделать существенные выводы о преобладании войн и революций в начальной повышательной фазе длинной волны. Более подробно соотношением этих социальных катастроф и кондратьевских волн (или «К-волн», как их сокращенно называют в огромной современной литературе на разных языках, им посвященной) занялись те современные ученые, которые пробуют придать большую осознательность сторонам теории Кондратьева, касающимся войн и других следствий открытых им циклов. На основании кондратьевских идей американскими историками экономики были несколько лет назад предложены, в частности, периодизации циклов развития США (см. таблицу). Эти предположенные по общим соображениям схемы могут представить интерес в настоящее время по мере выявления острых форм недовольства существующим по-

ложением (демонстрации в десятках американских городов осенью 2011 г.). Будущее США и других наиболее развитых стран в эпоху глобального капитализма в значительной степени зависит от того, удастся ли сохранить определенный порог толерантности при нарастании социальных противоречий, прямо связанных с повышением уровня несправедливости распределения результатов работы всей трудящейся части общества.

Таблица

Гипотетическая периодизация циклов истории США

Spring (expansion)	Summer (recession)	Autumn (plateau)	Winter (depression)
1784–1800	1800–1816 (War of 1812)	1816–1835 ("Era of Good Feelings")	1835–1844 (Mexican American War)
1845–1858	1859–1864 (American Civil War)	1864–1874 ("Reconstruction")	1875–1896 (Spanish American War)
1896–1907	1907–1920 (World War I)	1929–1949 ("Roaring 20's")	1929–1949 (Word War 2)
1949–1966	1966–1982 (Vietnam War)	1982–2000 ("New World Order")	2000– (Word of Terror? Or?)

Схема циклов Кондратьева имеет большое значение и для разработки путей выхода из кризиса. Развитие техники на основе быстрого внедрения наиболее перспективных новых научных открытий и технических изобретений может (в соответствии со схемой «волн Кондратьева») помочь, используя потенциал ноосферы, преодолеть экономические трудности. Нужно развернуть действенную пропаганду способов научно обоснованного выхода из экономического спада или его предупреждения. Предпринимателям и правительственный чиновникам следует систематически объяснять необходимость инвестиций в большие проекты, нужные для решения основных общих задач программы предотвращения финального кризиса: скажем, использование и создание альтернативных источников энергии (энергии Солнца, ветра, разные варианты управляемого термоядерного синтеза, на ранних этапах разработки которого успешно участвовали А.Д. Сахаров и другие наши фи-

зики), внедрение робототехники в производство (задача, особенно важная для стран с такими демографическими трудностями, как Россия; замена людей — при условии получения ими соответствующих компенсаций и пенсий — роботами в таких опасных видах работы, как шахтерская, могла бы устраниТЬ важный источник социального недовольства). При нынешней глобальной ситуации вкладывание денег в часть подобных проектов может замедляться или затрудняться параллельными традиционными разработками, которые не предполагают использование принципиально неожиданных идей, в этом смысле менее рискованны и не могут кончиться совсем негативным результатом. Поворот от проторенных дорог в таких областях к более новаторским поискам требует определенного изменения настроения не только ученого мира и специалистов в соответствующих видах техники, но и представителей деловых кругов, которые должны быть готовы пойти на известный риск (в частности, это кажется необходимым на современном этапе построения квантовых компьютеров). Кажется возможным, что в отдельных подобных случаях пользу может принести и умелое использование средств массовой информации.

В качестве одной из неутопических научно-технических задач, которые могут объединить разные страны и все человечество, можно было бы выделить международную подготовку космических станций и полетов к ближайшим участкам Солнечной системы с целью их исследования и возможного освоения.

В гуманитарной плоскости противостоять глобализации и вызванному ей усреднению способов описания и осмыслиения мира могут опыты сохранения с помощью современной техники (звукозапись, видеофильмы и т. д.) исчезающих индивидуальных черт отдельных культур и языков, все быстрее заменяемых ширпотребом, чему способствует телевидение и другие аудио-визуальные средства; в качестве альтернативы, например, исчезновению 90% существующих 6000 языков (прогноз на середину века) предлагается широкое внедрение автоматического перевода с языка на язык. Тем самым будут облегчены возможности языкового общения, что очень существенно и для повышения уровня толерантности.

Уже сейчас в университетах, колледжах и других учебных заведениях (даже в начальных) преподаватели могли бы развернуть работу по оживлению и внедрению в сознание молодежи принципов толерантности и взаимной помощи, на которых должно быть основано мировое общежитие. Это представляется одной из главных целей деятельности интеллигенции. Литература, искусство, средства массовой информации могли бы пробовать изменить в эту сторону эмоциональные предпочтения широких слоев населения, особенно молодых. Необходимое для молодежи самовыражение нужно бы направить в эту сторону.

Следует обдумать пути начала реальной общественной борьбы с нарастающими эпидемиями таких болезней, как СПИД, которые, если не будут приняты меры, требующие уже сейчас очень крупных затрат, к середине этого столетия могут начать уничтожать население целых континентов (Африки) и стран (в том числе России). С этой задачей прямо связано ограничение и искоренение наркомании и других форм неконтролируемого разумом поведения (в том числе алкоголизм), способствующих невиданному росту преступности.

В самом общем виде необходимо внедрять в сознание возможно большего числа людей значимость Разума как основного оправдания истории, придающего ей смысл и лишающего ее абсурдности. Движение в сторону сферы Разума — Ноосферы кажется программой, которая заслуживает самого широкого обсуждения и пропаганды. Структурированный (для облегчения пользования им) Интернет мог бы стать мощным орудием ноосферы.

* * *

В какой степени изложенные выше соображения об актуальности самого понятия толерантности могут оказаться практически применимыми? Не ставя перед собой задачи полного обзора многочисленных проблем, которые надо бы затронуть при сколько-нибудь серьезном освещении вопроса, коснусь лишь некоторых, самых очевидных.

Первой из них оказывается проблема «порога толерантности». В связи с обзором деятельности разного рода существую-

ших у нас общественных организаций типа скунхедов, откровенно противоречащих идее толерантности, ее подробно рассмотрел в специальном двухтомном исследовании этнолог В. Шнирельман [Шнирельман 2011]. Очевидно, что и у нас в стране, и в значительном числе других стран мира, допустимый порог толерантности не принадлежит к числу реально действующих.

Одной из основных трудностей, отмечаемых не только в научных трудах, но и в лучших литературных произведениях, остается проблема нарушений толерантности, наследуемой от уже устаренных режимов, которые строились на фактическом отрицании взаимного уважения в пределах допустимой толерантности в поведении разных социальных групп по отношению друг к другу.

Из многих возможных примеров остановлюсь на романе Нобелевского лауреата по литературе Дж. Кутзее (Coeiz-e) «Бесчестье» (или «Позор», англ. «Disgrace» [Кутзее 2005]). Хотя книга, как разные другие подлинные литературные художественные сочинения, допускает разные интерпретации, то, что возможна и лежащая в обсуждаемой плоскости тема толерантности, подтверждается биографией автора — через несколько лет после окончания романа Кутзее эмигрировал из Южно-Африканского Союза (в 2006 г. он стал гражданином Австралии).

Фабула романа связана с переходом власти в этой стране от богатого белого меньшинства к черному большинству. Апартеид, означавший полное отсутствие толерантности по отношению к черным, был отменен. В большой степени это произошло благодаря воздействию мирового общественного мнения, настаивавшего на необходимости соблюдения в Южно-Африканском Союзе, как и во всех других цивилизованных странах, принципов толерантности. Движение, руководимое Манделой и другими лидерами черного большинства, добивалось признания своих прав, в то время полностью отмененных. Поддержка извне способствовала решительной победе этого движения. На первых порах результат представлялся существенным достижением на пути к утверждению принципов толерантности в мировом масштабе. В 1997 г. я был приглашен на первое собрание «Форума 2000», организованного в Праге тогдашним президентом ставшей независимой Чехии известным писате-

лем Вацлавом Гавелом. Поставленной перед участниками (среди которых были находящийся в изгнании лидер тибетского буддизма Далай-Лама, норвежский путешественник Тур Хейердал, русский правозащитник Ковалев) задачей было обсуждение главных ценностей и путей их достижения в наступающем веке и тысячелетии. В этом обсуждении принимали участие и главные общественные деятели тех двух сторон, которые оказались во взаимной конфронтации в Южно-Африканском Союзе. В то время большинству участников Пражского форума, да и многим другим, казалось, что с отменой апартеида решение найдено. Не только роман Кутзее, но и многочисленные другие литературные, журналистские и научные публикации свидетельствуют об обратном. Толерантность нередко нарушается теперь представителями того черного большинства, права которого были совсем недавно восстановлены. Ситуация в большой степени осложняется частично еще сохраняющимся общественным распределением функций, при котором ведущие ключевые позиции в финансовых и научных организациях по-прежнему находятся в руках тех самых белых, которые из положения преследователей во многих секторах жизни переходят в положение потенциально преследуемого или угнетенного меньшинства. Поэтому от этой части общества, отчасти склоняющейся к эмиграции, зависит сохранение страной того исключительно высокого положения, которое она в последнее время занимала в мировой экономической системе, что и привело к проведению реформ.

Второй проблемой, которая возникает при попытке оценить характер борьбы за толерантность в современном мире, является способ организации такой борьбы. Начнем с казалось бы наиболее простой попытки решения вопроса. Речь пойдет о создании специального общественного учреждения, на которое возлагается функция пропаганды и поощрения толерантности.

В нашей стране один из последних опытов в этом роде был связан с предложениями итальянского финансового деятеля и ученого Дж. Базоли. В соответствии с его проектом весной 2005 г. в Константиновском дворце на Стрельне под Петербургом состоялось учредительное заседание Международного объединения «Толерантность». В заседании приняли участие многие видные писа-

тели (среди них Б. Ахмадулина и В. Аксенов), актеры и режиссеры театра (Додин, Лавров, А. Васильев, позднее покинувший страну из-за чинимых его творческой работе препятствий) и кино (в том числе Сокуров, тогда говоривший о намерении создать особый фильм на соответствующую тему), иерархи церкви (не всем им пришелся по вкусу мой короткий очерк истории идеи, напечатанный на пригласительном билете и отчасти в расширенном варианте воспроизведенный выше — в начале предлагаемой статьи), ученые (психологи, историки), директора музеев (такие, как И. Антонова).

Именно участие последних определило успех первых продолжений этого мероприятия: ими были выставки шедевров русского искусства разных веков, прошедшие в Италии. Я был в числе участников первого заседания. С самого начала нашу работу в Константиновском дворце возглавлял В. С. Черномырдин, этим занятием увлекшийся. Он пригласил на первую распорядительную встречу (в совсем узком кругу) перед главным заседанием моего давнего друга С. П. Капицу и меня. Я с интересом увидел в действии этого выдающегося государственного деятеля, много значившего для страны в переломные минуты новейшей истории. Смерть Черномырдина была одной из причин полной остановки едва начавшейся деятельности этого сообщества сторонников толерантности. В качестве одного из них попробую ответить на вопрос об уместности и нужности подобного начинания.

Я склонен думать, что сообщество видных деятелей («мастеров» в смысле статей М. Горького) культуры могло бы привлечь внимание к значению толерантности. Но для этого нельзя было бы ограничиться только пусты и блестящим по составу заседанием в закрытом для публики президентском дворце. Надо было бы систематически обращаться к широкой аудитории, искать у нее поддержки и сочувствия. Задача состоит не столько в выражении нашего понимания толерантности и ее значения для истории всей земной цивилизации. Нужно постараться убедить как можно больше людей в том, как необходима нам всем терпимость в разных ее формах. Успех будет достигнут только в том случае, если от культуры элитарной мы перейдем к массовым формам. Поэтому было

бы важно преодолеть настороженное или двойственное отношение к этой проблеме в руководстве русской православной Церкви. В конечном счете нужно попытаться охватить основную часть населения страны, найдя доходчивый язык, доступный для каждого из тех, к кому мы обратимся.

В самом конце 1980-х годов в одном из последних моих разговоров с Генрихом Бёллем во время очередного его приезда в СССР зашла речь об изменении его взгляда на христианскую религию (о ней он говорил со мной в каждую нашу встречу, понимая, насколько для нас обоих важна эта тема). В тот раз Бёлль говорил о том, почему его перестали устраивать традиционная католическая церковь и Папа римский как ее руководитель (эта перемена только что в нем произошла). Ему стало казаться, что все те основные мысли, с которыми он продолжал соглашаться, должны быть высказаны заново на таком новом языке, который был бы понятен современному человеку. В то время его заинтересовала антропософия Штайнера. Он видел в ней попытку подобного осовременивания главных религиозных идей. Но, продолжал Бёлль, стиль Штайнера ему не был близок. Попробую пояснить: я думаю, что для Бёлля Штайнер был слишком человеком начала двадцатого века. А Бёлль и те читатели, о которых он думал, пережили (он как солдат разбитой гитлеровской армии) Вторую мировую войну и тот ужас послевоенной разрухи, из которого Германия медленно выбиралась. Обращение крупного писателя к антропософии напоминает мне об Андрее Белом и его «Петербургге», в символике которого уже сказалось воздействие Штайнера.

Антрапософские знаки, даже самые остроумные, приходится разгадывать. А Бёлль хотел найти способ прямого обращения к тем, кому нужны высказанные по-новому христианские мысли. Среди главных, как мне представляется, были бы и идеи толерантности.

Мы подходим к одному из самых сложных вопросов: на каком языке сегодня нужно говорить о толерантности, чтобы быть понятым максимальным числом читателей в разных странах. Попробую подойти к этому вопросу эмпирически, сравнивая между собой разные художественные книги, вышедшие в России за последние

годы и касающиеся будущего (а отчасти и прошлого) человечества и страны в аспекте затронутых выше проблем. Удивляет значительность числа книг нового жанра, совмещающего сатирический гротеск с фантастической антиутопией. За последние десять лет вышли дюжины романов этого рода, в том числе несколько принадлежащих одному и тому же автору (Д. Быкову, В. Бенигсену) из числа специализирующихся на сочинениях этого жанра. В романе Д. Быкова «ЖД» сделана попытка в фантастической гротескной форме обсудить истоки тех противоречий, которые вели в истории России за последние тысячелетия к понижению порога толерантности в отношениях не только между разными этническими группами, но и между идеологическими установками, связавшимися с каждой из них. Один из главных героев принимает в качестве основного исконное различие варягов, служащих условным обозначением северно-европейского (или индоевропейского) начала в его противопоставлении хазарам, знаменующим полярно противопоставленное первому южное (в частном случае семитское и иудейское или иудаистическое) начало. По его словам, «у варягов не было эсхатологии, что и является первым признаком народа-вируса. Ни о каком собственном апокалипсисе не могло быть и речи. Мечтания варягов и хазар простирались ровно до того момента, когда будет осуществлена их главная цель — подчинение прочего мира. После этого хазары ждали своего мессию, варяги — всеобщего конца. На вопрос о последствиях прихода мессии хазары удивленно пожимали плечами; варяги на вопрос о конце своей миссии возводили очи горе. Ни те ни другие не брались ответить. Главным условием бурного функционирования варяжества и хазарства было именно темное пятно на месте эсхатологии, отсутствие представления о цели — она должна была мистическим образом открыться в момент ее достижения; никто не смел заглядывать за черно-звездную завесу, пока длится путь. Лишь очень немногие варяги и вовсе единичные хазары могли представить себе, что за темной завесой нет решительно ничего, кроме самоуничтожения, — оно и есть высшая форма власти над миром, та стадия, на которой мир становится не нужен... но до этого почти никогда не доходило. Все они ждали генерального сражения, не представляя,

за что сражаются. Это было даже забавно» [Быков 2006]. В этом придуманном пародийном противопоставлении нашли развитие те традиционные для русской культуры бинарные оппозиции, которые в ранней форме были высказаны основателями славянофильства и западничества, а позднее у таких продолжателей славянофилов, как Данилевский и князь Н. С. Трубецкой (в его историософских трудах, законченных и напечатанных впервые заграницей, но обдуманных и написанных вчерне гениальным юношей еще до эмиграции) выступают как отличие традиционной русской культуры от западноевропейской «романо-германской» (Ivanov 2008). Сама по себе попытка отождествления определенной страны или народа с конкретным (этническим, лингвистическим, конфессиональным) сообществом и его историей восходит к идеям немецкого предромантизма и романтизма и фактами в большинстве случаев не подтверждается. В упомянутом романе и других сходных с ним по фабуле авторы-фантасты чаще всего обращаются к условным моделям случайно формируемых групп людей, отобранных по вероятностным или непонятным признакам (например, все пришедшие на премьеру в романе того же Д. Быкова «Списанные», все участвовавшие в одном литературном альманахе в романе В. Бенигсена «ВИТЧ», в этом смысле воспроизведявшем фабульную схему более старого романа В. Аксенова «Скажи “изюм”» и его жизненного прототипа — истории альманаха «Метрополь»). Подчеркивание случайности или абсурдности критериев определения состава выделяемой группы делает очевидным отрицание каких бы то ни было оснований для критики или осуждения каждого отдельного участника такой группы. Можно надеяться, что начатое этими авторами критическое осмысление причин *противодействия* толерантности будет успешно продолжено.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин 1963 — Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.
- Бахтин 1965 — Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Гослитиздат, 1965.

- Быков 2006 — *Быков Д. ЖД.* М.: Вагриус, 2006.
- Дхармакирти 1922 — *Дхармакирти. Обоснование чужой одушевленности / Пер. Ф. И. Щербатского.* Пг., 1922.
- Иванов 2009 — *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. VI. История науки : недавнее прошлое (XX век). М.: Знак, 2009.
- Кондратьев 1993 — *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Т.1–2. М., 1993.
- Кутзее 2005 — *Кутзее Дж.* Бесчестье. М.: Амфора, 2005.
- Сартр 2000 — *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. В. И. Колядко. М.: «Республика», 2000.
- Фейербах 1955 — *Фейербах Л.* Основные положения философии будущего. Избранные философские произведения. Т. 1. М.: Политиздат, 1955.
- Шнирельман 2011 — *Шнирельман В.* Порог толерантности. Идеология и практика нового расизма. Комплект в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Buber 1954 — *Buber M.* Ich und Du. Die Schriften über das dialogische Prinzip. Heidelberg, 1954.
- Cohen 1904 — *Cohen H.* Ethik des reines Willens. Berlin: Bruno Cassirer, 1904.
- Fleischman, Harder, Dorzweiler 1996 — Boris Pasternaks Lehrjahre. Неопубликованные философские конспекты и заметки Бориса Пастернака. (Stanford Slavic Studies. 11. Vol. I, II) / L. Fleischman, H.-B. Harder, S. Dorzweiler (Eds.). Stanford: University Press, 1996.
- Ivanov 2008 — *Ivanov Vyacheslav.* Russia between East and West // Russian Journal of Communication. Vol. 1. 2008. № 2. P. 113–126.

Н. Н. Запольская
(Москва)

Спасение, любовь, милосердие:
К вопросу о языковом моделировании
культурных ценностей*

«Языковое моделирование культурных ценностей» [Топоров 1995: 432] включает формирование социокультурного словаря, отражающего базовые категории культуры, а также специфику семантики, форм и сферы употребления эксплицирующих эти категории языковых элементов. В процессе становления и развития определенного типа культуры оформленные в языке культурные смыслы гармонизируют культурную память, формируя представление о культурной идентичности и преемственности. Происходящие в «пороговые» исторические эпохи изменения типа культуры, государственной власти и идеологии могут приводить к деформации культурной памяти, к нарушению культурной идентичности и преемственности, к смене «помнящей культуры» [Ассман 2004: 30] «культурой непомнящей». Соответственно, движение категорий культуры в историческом времени предстает как процесс изменения их состава, содержания и ценностного статуса, что проявляется в изменении состава, текстопорождающей силы и семантической структуры препрезентирующих их языковых единиц. Одной из форм выражения концептуальных изменений является реализованная в разные культурно-исторические периоды лингвистическая рефлексия над «ключевыми словами» культуры.

В статье рассматриваются опыты концептуальной лингвистической рефлексии в церковнославянском и русском языках.

*Статья написана в рамках Программы Президиума РАН (Направление 6. «Историко-культурное наследие в языках, литературах и фольклоре народов России», проект «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: история и современность», 2009–2011).

Определившая конфессиональный тип культуры христианизация славянских народов в IX–X вв., начатая на уровне идеологии и продолженная на уровне сознания, проявилась и в «христианизации языка» [Топоров 1995: 429]: основной функцией созданного книжного славянского (церковнославянского) языка стала литургическая функция, а лексической основой — слова-понятия, отражающие христианские ценности. Состав христианской лексики формировался посредством заимствования и калькирования греческих, латинских и еврейских религиозных терминов, а также посредством семантического усложнения / изменения славянских слов. Вне зависимости от происхождения языковые единицы, выражавшие базовые христианские категории, наделялись особой идеосемантикой, позволяющей различать мир духовный и мир тварный.

Формальную фиксацию славянская лингвистическая рефлексия получила в более позднее время — в XVI–XVII вв., когда наряду с образцовыми текстами начали функционировать метатексты — словари, грамматики, орографические трактаты. Концептуальная лингвистическая рефлексия представлена, например, в азбуковнике *Кни́га гла́мала алфавітъ...*, в орографическом трактате *Сыла соúществу книжного писма*, в анонимном грамматическом трактате *Кни́га гла́мала въквы гра́мотичнаго оученіа*, находящемся в грамматическом сборнике 1620 г., в грамматике Мелетия Смотрицкого *Грамматіки Славенскія правилное Синтагма* 1619 г. и в грамматических трактатах Ф. Поликарпова (около 1720 г.).

Императивом христианской культуры стала идея *спасения*, поскольку именно в христианстве Бог предстал как сила *спасительная*, и это «действие» Бога Сына в тварном мире ознаменовало новый этап во взаимоотношениях человека с Богом. Через Ветхий Завет проходила надежда на грядущее спасение (Пс 13.7; 84.8, 10; 118.81; Ис 46.13; 56.1), которое в Новом Завете было дано Богом в Иисусе — «*Спасителе миру*» (Мк 1.15; Ин 3.16; Гал 4.4). Христианство разделило *спасение телесное*, т. е. избавление от опасностей, испытаний, угрозы смерти (Суд 10.1; 1Ц 11.13; Евр 11.7), и *спасение духовное*, т. е. прощение грехов (Лк 1.77), от которых и происходят все несчастья тварного мира.

Соответственно, славянские книжники, вслед за другими христианскими книжниками, стремились раскрывать и транслировать идею духовного спасения в своем языке, в лексемах *съпастъ/съпастель, съпасеніе, съпас\ати (сѧ)*.

В азбуковниках лингвистическая мысль была направлена на раскрытие особой идеосемантики и особого характера употребления имени *Иисус* применительно к Богу Сыну. Имя *Иисус* как имя Бога Сына толковалось как «Спаситель всех» и было представлено как самостоятельное имя, а имя *Иисус* как имя человека было представлено в именной формуле, указывающей на конкретного носителя имени: «*ісъ, ісъ имѧ єѡ евреинско, а толкується ісъ спсъ... // ісъ наввинъ, т. спсъ мирныи, (так как) навва, мирныи*» [Ковтун 1989: 195, 201, 231].

Грамматики демонстрировали морфологические и синтаксические особенности лексем *съпасеніе* и *съпас\ати (сѧ)*: например, в грамматике М. Смотрицкого указывалось на омонимию Т. ед. = Д. мн. у существительного *спасеніе*, которая снималась посредством дифференциации графических дублетов: «*е, ё, є, различествѹтъ ѿномъ въ подобныхъ падежахъ множественныи, ѿномъ же ёдинственныи служащъ... тѣмъ спсениемъ, тымъ спсениїи*», и определялся характер сочетаемости глаголов *спасати, спасти*: «*къ вините нагѡ со гломъ сочиненію воносятъся гли притяжаніе знаменѹющи*» [Смотрицкий 1619: л. 9 об., л. 214 об.].

В анонимном грамматическом трактате *Кніга глемага вѣквы гра"мотичнаго обученія* была представлена лингвистическая рефлексия над словесной формулой *Спаси бже люди своя*, которая была направлена на снятие грамматической синонимии, возникающей при семантическом неразличении притяжательных местоимений «твой»/«свой»: *Спсъ людіи своя, или твоя, іно есъ и ино. Первое молебно єо людехъ глетса е* Спсъ людіи своя. Второе* повѣдате*но о людехъ глетса, еже спсоша людіи твоя. Тымже достоитъ на" разсуджа" еже гдѣ рещи своя, или твоя* [Грамматический сборник 2002: 98]. В качестве дифференцирующего признака автор трактата рассматривал тип высказывания, в формировании которого участвовали разные формы глагола *съпасти* и разные притяжательные местоимения. Высказывание, представляющее собой молитвенное

обращение к Богу (*молебно є о людех гла̄тсѧ*), строилось на семантической соотнесенности формы повелительного наклонения глагола *спасти* и притяжательного местоимения «свой»: местоимение «свой», с одной стороны, снимало формальную избыточность в выражении субъекта-адресата, на который однозначно указывала глагольная форма, а с другой стороны, усиливало идеосемантику — значение интимности молитвенного приобщения к вере. Основными жанрами, реализующими данный тип высказывания, являлись псалом, молитва, тропарь, кондак. В высказывании, представляющем собой повествование для Бога или для человека (*повѣдате̄но о людех гла̄тсѧ*), употреблялись формы изъявительного наклонения глагола *спасти* и притяжательное местоимение «твой»: разный характер субъектов требовал их формального выражения и в глагольных, и в местоименных формах. Основными жанрами, использовавшими этот тип высказывания, являлись Евангелие, проповедь, житие.

В орфографических трактатах формулировалось правило, в соответствии с которым написание слов под титлом и без титла определялось наличием/отсутствием в семантике компонента «сакральности» [Успенский 2002: 314–315]: к сакральной лексике, безусловно, относились слова *спасть*, *спаситель*, *спасение*. Орфографическая «неустойчивость» касалась только глаголов *спасти*, *спасати*, поскольку конкурировали два правила. В соответствии с одним правилом под титлом писались только имена, а в соответствии с другим правилом под титлом писались и имена, и глаголы: «...спово йма, спсь, спсе, спсéніе наše ... покрыто пиши. 'А ёже спаси єже люди своѧ, і спасе нась і спастї і спастїса і спасаєть всѧ такова складомъ пиши і смотрай ѿ сихъ прилежно... [Ягич 1896: 426], // «Гитло полагаетса ... не токмо на^а 'имены, но і на^а речми» [Грамматический сборник 2002: 171].

Идея *спасения* непосредственно соотносилась с идеей *любви*, поскольку, когда Бог послал «Сына Спасителем миру» (1 Ин 4: 14), тогда явилась и любовь Бога, ибо «Бог есть любовь» (1 Ин 4: 8, 16). Движение от ветхозаветного понимания *любви* до новозаветного откровения *любви* предстало как движение от тварного понимания любви к духовному пониманию любви. Религиозные искания

оказались направлены на решение вопроса о соотношении любви Бога и любви человека. Любовь Бога выразилась в событии, природа которого особенна, поскольку приход Иисуса явил собой любовь Бога и человека, а крестной смертью Иисуса все человечество удостоилось безграничной любви Бога. В свою очередь, любовь человека предстала как «действие» Бога в человеке, и через любовь к ближнему человек получил возможность любить Бога: «Любя братьев своих, мы любим самого Бога» (Мф 25: 40).

Стремясь выразить различие между любовью Бога и любовью человека, славянские книжники идеосемантически дифференцировали грамматические варианты существительного любовь, представленные в Им. ед.: форма любы употреблялась для выражения любви Бога, а форма любовь для выражения любви человека. Так, М. Смотрицкий в своей грамматике использовал форму любовь в иллюстративных текстах, содержание которых относилось к состоянию человека: «Съществителнаѧ недоумѣннагѡ знаменованіѧ... ёгда дѣйство или притажаніе знаменуют / притажателнымъ сочинаютъ... Любовь моѧ... Егда же страданіе знаменуютъ Родителны притажатъ... Любовь мене» [Смотрицкий 1619: л. 209 об.]. Ф. Поликарпов в своем грамматическом трактате использовал авторитетные тексты, в которых была представлена идеосемантическая оппозиция форм любы // любовь: «Аще хощеши ѿбо винти вжинъ вѣчнѹю долженствѹешъ вѣдати и хранити заповѣди его, чрезъ та же показається любы бжїѧ и любовь ближняго» [Поликарпов 2000: 139]. Соответственно, в иллюстративных примерах для определения любви как человеческой добродетели Ф. Поликарпов использовал форму любовь: «...имена добродѣлей, іакѡ, смиренїе, чистота, послушаніе, любовь...» [Там же: 289].

Идея любви предопределяла идею милосердия, поскольку «любовь Божия пребывает только в тех, кто проявляет милосердие» (1 Ин 3: 17). Вопрос о соотношении любви Бога и любви человека включал в себя вопрос о соотношении милосердия Бога и милосердия человека. Бог есть «Отец милосердия» [2 Кор 1: 3], обещавший милость свою всем верующим [Мф 5: 7]. Люди, обращая милосердие друг на друга, нуждаются в милосердии Бога, даруемом через праведность от веры.

Разделение идеи милосердия Бога и идеи милосердия человека получило формальное выражение на уровне славянской орографии, а именно, в написании слова «милосердие» под титлом и без титла: «*Млтвъ і мртвость хрттовъ твлеснъю юже претерпѣ нашега ради спснїа, і млтъ і млрдїе єго і мтрь бжїю мрїю і мчнквъ хрттовык по взмѣто пиши*» [Ягич 1896: 424] (*милосердие — возможная калька с древневерхненемецкого *miltherzi* — см. [Gusmani 1982–1983]).

Таким образом, категории *спасение, любовь, милосердие*, явившиеся базовыми духовными ценностями для конфессиональной культуры, были эксплицированы в церковнославянском языке лексемами, семантическая структура которых включала в качестве основы компонент «сакральность», на раскрытие и трансляцию которого была направлена лингвистическая мысль.

Процесс *секуляризации*, начавшийся в России в XVIII в., означал легитимацию светских ценностей как на уровне идеологии, так и на уровне сознания людей. При этом христианские категории, утратив доминирующие позиции в жизни общества, оставались неотъемлемой частью этой жизни. Секуляризация культуры определила и «секуляризацию» языка, поскольку переход от конфессиональной культуры к секулярной сопровождался переходом от церковнославянского языка к русскому литературному языку. Однако смена типа культуры и типа литературного языка не исключила культурной и языковой преемственности, т. е. произошел переход к «помнящей культуре». В сложившихся культурно-языковых условиях базовые категории культуры демонстрировали «совмещение» светских и религиозных ценностей.

Так, категория *спасение* оказалась «совмещенной» ментальной единицей, поскольку значимым оказывалось и *спасение духовное* как избавление человека от грехов, и *спасение телесное* как избавление человека от внешних обстоятельств. Рефлексия над словами *спасти, спасение, спаситель*, выражающими идею *спасения* в русском литературном языке, была направлена на объяснение как «сакрального», так и «тварного» компонентов значения.

«Гибридная» лингвистическая рефлексия над словами *спасти*, *спасение*, *спаситель* получила выражение и в толкованиях слов, и в подборе иллюстративного материала в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля (первое издание 1863–1866 гг.):

Спасать, спасти — освобождать, выручать, обронять, заступиться, подать помошь, избавить от беды.

Спасти утопающего. Болезнь спасла меня от докучливых праздничных приемов.

Не лекарь спасает, а Бог. «Аминь человека спасает». Спаси и помилуй ты меня, Мать Пресвятая Богородица, а живу я в крайней избе на селе.

// помогать в достижении небесного царства, вести праведным путем.

Вера спасет. Не спасут дела, не спасет и вера.

// (-ся) Искать спасенья, помоши в беде, в гибели, рваться всеми силами из опасности...

Я едва спасся от смерти, от разбойников, от ложного доноса.

// Стремиться жизнию своею достигнуть вечного блаженства, искать душе спасенья, спасать душу свою.

Спасенье — дейст. по гл. Спасенье, состояние спасенного. Спасенье души, праведность, вечное блаженство.

Бог, сошедший на землю ради нашего спасенья. Одно спасенье: пост да молитва.

Спаситель — спасающий либо спасший что-то, кого-либо, избавитель, благодетель.

// Иисус Христос, Бог во плоти. Богочеловек. Искупитель.

[Даль 1994: 431–434].

Равным образом *любовь* и *милосердие* как культурные ценности включали *любовь и милосердие Бога* и *любовь и милосердие человека*. Однако в словаре Даля толкования значений слов *любовь* и *милосердие*, в отличие от иллюстративного материала, не были уже направлены на объяснение духовной составляющей. Кроме

того, Даль различал формы *любы* // *любовь* как лексемы двух разных языков — церковнославянского и русского:

Любовь (црк. **любы**, род. любве) — состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность, вожделение, охота, расположение к чему-л.

Любовь безумит. Божья любовь безгранична. Союз истины и любви рождает мудрость. Покоряй сердца любовью, а не страхом. Любовь человеческая себя любит, а Божеская друга. Где любовь, там и Бог. Дай Бог вам любовь да совет [Даль 1994: 732].

Милосердие — сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро вся кому, жалостливость, мягкосердость.

Нет больше милосердия, как в сердце царевом. Пуще Божьего милосердия (изобью, покараю) [Там же: 852].

Смена государственного строя в России начала XX в. явилась исторической мотивацией процесса *дехристианизации* как радикальной формы секуляризации, заключавшейся в отказе от христианских ценностей на уровне идеологии и на уровне сознания. Отрицание культурных смыслов прошлого привело к деформации культурной памяти, к появлению «непомнящей культуры»: утрата связи с духовно-религиозной традицией вызвала «нечувствие» к высшим смыслам и главным ее ценностям [Топоров 1995: 7]. Категории, являвшиеся базовыми в христианской культуре, потеряли свой статус, а эксплицирующие их лексемы переместились в языковую периферию или изменили семантические параметры. Лингвистическая рефлексия оказалась в строгих границах, поскольку лексика, включавшая в свой семантический объем компонент «сакральности», игнорировалась или маргинализировалась. Такое состояние лингвистической мысли демонстрируют наиболее широко распространенные советские толковые словари — «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (первое издание 1935–1940 гг.), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова (первое издание 1949 г.) и «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [Малый академический словарь].

Так, в этих словарях для лексем **спасти**, **спасение**, **спаситель** как основное или единственное фиксируется значение, актуальное для светской жизни, т. е. *спасение* понимается как избавление человека от внешних обстоятельств — природных катализмов, болезней, голода, нищеты, при этом наблюдается стереотипность не только объяснений, но и иллюстративного материала:

Спасти

(Словарь Ушакова): «Уберечь от опасности, избавить от кого-чего-н., представляющего собой какую-н. опасность.

С утопающего. Спасти чью-н. или кому-н. жизнь»;

(Словарь Ожегова): «Избавить от чего-н. С. утопающего. Сохранить в целости, уберечь. *Спасти кому-н. жизнь»;*

(Словарь Евгеньевой): «Уберечь, избавить от гибели, уничтожения, какой-л. опасности, беды. *Спасти жизнь»;*

Спасение

(Словарь Ушакова): «Действие по глаголу **спасти**. *Спасение утопающих. Избавление от опасности; способ спастись»;*

(Словарь Ожегова): «избавление от опасности, несчастья. *Спасение пришло неожиданно»;*

(Словарь Евгеньевой): «Действие по глаголу **спасти, спастись**. *Спасение утопающих. Возможность спастись, избавиться от чего-л. неприятного»;*

Спаситель

(Словарь Ушакова): «Человек, избавляющий или избавивший кого-что-н. от опасности, несчастья»;

(Словарь Ожегова): « тот, кто спас, спасает кого-л.»;

(Словарь Евгеньевой): « тот, кто спас, спасает кого-л.»;

Сохранивая общие установки на маргинализацию «сакрального» значения и его адаптацию посредством использования в качестве иллюстративного материала текстов художественной литературы, словари все же различались «степенью редукции» компонента «сакральности» и корректностью толкований:

	Словарь Ушакова	Словарь Евгеньевой	Словарь Ожегова
Спасение	Действие по глаголу спасти во 2-м знач., религ. <i>Спасение души.</i>	—	—
Спасти	В христианском вероучении — подвижничеством, постом, молитвой, отшельничеством избавить (душу) от вечных мук в загробной жизни (церк.). <i>Спасти свою душу.</i>	В христианском вероучении — подвижничеством, постом, молитвою избавить себя от вечных мук в загробной жизни. <i>На предложенье поступить в монахи и спасти свою душу он ответил улыбкой и словами «Я вам не товариц» (Чехов. Без заглавия).</i>	—
Спаситель	В христианском вероучении Христос (церк.). <i>А за грехи, за темные деянья, Спасителя смиленно умоляют</i> (Пушкин).	В христианском вероучении — искупитель грехов человечества, одно из названий Христа. <i>Перед громадным образом спасителя купец три раза перекрестился и положил земной поклон</i> (Гарин-Михайловский).	В христианстве и иудаизме божественный избавитель человечества от грехов. <i>Пришествие Спасителя. Христос Спаситель.</i>

Для лексемы **любовь** в словарях фиксируется набор значений, свидетельствующих о понимании любви как чувства привязанно-

сти человека к чему-либо или к кому-либо, при этом выстраивается своеобразная «иерархия чувств», демонстрирующая подчинение «частного» «общему» в жизни советского человека:

(Словарь Ушакова) — чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. *Любовь к родине.*

— чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. *Братская любовь. Любовь к людям.*

(Словарь Ожегова) — чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. *Любовь к родине, к родителям, к детям. Любовь к ближнему.*

(Словарь Ефремовой) — чувство глубокой привязанности, превращенной кому-л., чему-л., основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу или спасению, сохранению кого-л., чего-л.

Различия в толкованиях проявляются только при характеристике любви как чувства, объединяющего двух людей: актуализируется либо физическая, либо душевная близость:

(Словарь Ушакова) — чувство, основанное на половом влечении, отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. *Несчастная любовь. Счастливая любовь.*

(Словарь Ожегова) — глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. *Чары, ожидание, муки любви.*

(Словарь Ефремовой) — чувство, основанное на взаимной симpatии и половом влечении.

Равным образом для лексемы **милосердие** фиксируется только значение, определяющее отношения между людьми, т. е. милосердие как сострадание:

(Словарь Ушакова) — готовность из сострадания оказать помощь тому, кто в нем нуждается. *Проявлять милосердие. Взывать к милосердию.*

(Словарь Ожегова) — готовность помочь кому-н. или простить кому-н из сострадания и человеколюбия. Проявить милосердие. Взывать к чьему-н. милосердию.

Произошедшие в последние десятилетия изменения государственной политики и мотивированный этими изменениями поиск новой идеологии и нового способа национально-культурной идентификации определили процесс **рехристианизации**, проявляющийся в попытках возвращения на уровне идеологии и на уровне сознания к христианским ценностям. Новые культурно-языковые условия повлияли и на характер лингвистической рефлексии, одним из объектов которой вновь стала христианская лексика. Показательным примером такой рефлексивной «переориентации» стал «Словарь православной церковной культуры» Г. Н. Скляревской (первое издание — 2000 г.), в котором, по словам автора, «лексика православия впервые представлена и описана не только как принадлежность замкнутой (церковной) сферы употребления, но, главным образом, как составная часть *современного русского языка*» [Скляревская 2008: 6]. Толкования и иллюстративный материал, взятый из богословских и философских сочинений, придают включенными в словарь лексемам характер религионимов, в частности, лексемам **спасение, спасти(сь), спаситель**:

Спасение — Обретение вечной жизни и вечного блаженства: освобождение от греха, зла и смерти через искупительную жертву Иисуса Христа. На нескольких страницах пред нами проходит величественная трагедия: распятие праведника, погребение Бога, невыразимая скорбь Матери, отчаяние учеников. Но предел человеческой скорби и человеческого ужаса смягчается смирением Божества и предвозвещаемою радостью воскресения и спасения всей твари (О. Павел Флоренский. Плач Богоматери...).

Спаситель — Бог, Иисус Христос, спасающий душу и тело человека от вечной смерти. ...Таково было обещание и оно было исполнено в день Пятидесятницы. В этот день маленькая группа учеников получила силу свидетельства; свидетельства

не только о жизни и чудесах Учителя, но о том, что он есть Спаситель, Царь и господь мира (Прот. Александр Шмеман. Исторический путь православия).

Спасти — Обрести Спасение. Бог не осуждает; Он зовет, Он поддерживает. Чтобы мы опомнились. Он ставит нас в условия, которые наглядно говорят нам о том, что мы погибаем, что нам надо спасти. И он остается нашим Спасителем, а не Судьей! (Митрополит Антоний Сурожский. Беседы о вере и Церкви).

Автор словаря различает посредством двух разных статей *милосердие человека и милосердие Бога*.

Милосердие — сострадательная помощь ближнему как христианская добродетель:

В проповедях я постоянно говорю о необходимости помогать близким, особенно больным и страждущим, па во время чаепития речь идет об оказании помощи конкретным людьми. Незаметная работа в области милосердия началась (Экономцев. Записки провинциального священника).

Милосердие Божие — доброта, прощение грехов, исходящие от Бога:

Отчаиваться не надо, ибо нет греха, превышающего Божие милосердие (Письма валаамского старца).

Любовь толкуется в словаре как добродетель, а приведенный иллюстративный материал различает любовь Бога и любовь человека.

И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь до того совершенства достигает в нас, что имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он (1 Ин 46: 16–17).

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется

неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1 Кор 13: 4–7).

Таким образом, изменения лингвистической рефлексии над лексемами, эксплицирующими категории *спасение, любовь, милосердие*, позволяют рассматривать культурно-исторические метаморфозы этих ценностей как фрагмент общей ментальной истории России.

ЛИТЕРАТУРА

- Ассман 2004 — Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
- Грамматический сборник 1620 — Грамматический сборник 1620 г. Издание и исследование Е. А. Кузьминовой // Aion — Slavistica. Annali dell' Istituto universitario Orientale di Napoli. № 1. 2002.
- Даль 1994 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4, М., 1994.
- Евгеньева 1981–1984 — Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984 (МАС).
- Ковтун 1989 — Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв., Л., 1989.
- Ожегов 1993 — Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993.
- Поликарпов 2000 — Федор Поликарпов. Технологія. Искусство грамматики / Изздание и исследование Е. Бабаевой. М., 2000.
- Скляревская 2008 — Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008.
- Смотрящий 1619 — /Смотрящий/ Мелетій Смотрицкій. Грамматіки Славянська правилное Синтагма. 1619. Переиздано: Киев, 1979.
- Топоров 1995 — Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис. Школа «языки русской культуры», 1995.
- Успенский 2002 — Успенский Б. А. История русского литературного языка. М.: Аспект-пресс, 2002.
- Ушаков 1935–1940 — Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Ягич 1896 — Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. Berlin, 1896.
- Gusmani 1982–1983 — Gusmani R. Il modello del paleoslavo milosrudu// Incontri Linguistici. 1982–1983.

E. Bartmiński
(Люблін)

Место ценностей в языковой картине мира

1. Две концепции лингвистической аксиологии

В обсуждении лингвистами темы ценностей в языке — и соответственно объема и метода аксиологических исследований в языкознании — сформировались два противоположных подхода, назовем их резидуальный (дополнительный) и холистический (системный). Согласно первому подходу, ценности входят в язык как отдельный набор языковых фактов, согласно второму — они относятся ко всему языку.

Эти две концепции базируются, соответственно, на структурной и когнитивной теориях языка, в польской лингвистике их с определенной долей упрощения можно связать с именами Ядвиги Пузинины и Томаша Кшешовского.

Набор вопросов, представленных в работах пропагандистки аксиологической лингвистики в Польше Я. Пузинины, публиковавшихся на протяжении последних двадцати лет и собранных в книгах «Язык ценностей» [Puzynina 1992a] и «Слово — ценность — культура» [Puzynina 1997] предполагал, что предметом исследования языковеда-аксиолога должен быть «способ и сфера выражения ценности единицами языковой системы» [Puzynina 1989: 185]. Ответы должны быть даны на следующие вопросы: «1) что означает оценка, 2) кто оценивает, 3) что оценивает, 4) для кого нечто является ценностью, 5) является ли выражение чисто оценочным (или точнее: первично оценочным) или описательно оценочным (или вторично оценочным), 6) к какой ценностной категории относится, 7) является ли эмоционально маркированным, 8) является ли маркированным по отношению к интенсивности, 9) если выражение описательно оценочно, то является ли оценочный компонент дефинитивным или коннотативным?» [Puzynina 1992b: 61].

Я. Пузынина приняла расширенную типологию ценностей, восходящую к типологии Макса Шелера, ставя наверху иерархии ценности трансцендентные и когнитивные, а внизу — витальные и чувственные. Таким образом, определение ценностей и оценочных лексем (ложь, манипуляция, толерантность и т. д.) опирается на теорию значения в понимании Апресяна, т. е. выделяются характеристики дефинитивные как «обязательные и достаточные» и коннотативные, основанные на употреблении. Оценка может быть частью самой дефиниции, но чаще выступает как «коннотация», сопровождающая значение, тем самым играет роль скорее элемента прагматики, чем семантики языковых знаков. Анализы разнообразных названий ценностей, представленные в публикациях Я. Пузыниной, базируются на классическом разделении языковой системы и текстуального употребления, а также на структурно-функциональной концепции значения. С течением времени больше внимания уделяется и более новым задачам в рамках когнитивной лингвистики.

«Аксиологическая семантика» Т. Кшешовского, основанная на теории американских лингвистов Лакоффа и Джонсона, предполагает более близкую связь языка с ценностями и эмотивных содержаний с дескриптивными. Т. Кшешовский следует за Ч. Осгудом и Г. Сухецким и утверждает, что эмоции и ценности определяют информационные процессы и структуру понятий [Krzeszowski 1997: 9], а также, что «ценности становятся незаменимым компонентом описания значения», понимаемого как концептуализация действительности [Krzeszowski 1999: 18].

Важнейшим элементом этой теории является утверждение, что аксиологический параметр или оппозиция *добрый/злой* имеет первостепенное значение и уже встроены в предпонятийные схемы воображения. Эти схемы основываются на ориентационных оппозициях *верх/низ*, *перед/зад*, *правая сторона/левая сторона* и на небольшом количестве базовых противопоставлений типа *часть/целое*, *центр/периферия*, *источник/путь/цель* и т. д.¹

¹ Такая модель, построенная на оппозициях, не является новой в науке. Напротив, она была ядром структуралистского (якобсоновского) бинаризма, эквивалент которого по отношению к культуре путем экстраполяции создал К. Леви-Стросс. Варианты таким образом построенной модели содержатся

Кшешовский различает две координаты в области ценностей: горизонтальную, формирующую шкалу положительных и отрицательных ценностей, и вертикальную, иерархическую, опирающуюся на опыт реальности как «великой цепи бытия», с Богом и людьми на верху, и животными, растениями и неорганическими предметами внизу. «Иерархия ценностей изоморфична по отношению к Великой Цепи Бытия» [Krzeszowski 1997: 34].

Отказываясь от разделения коннотации и денотации, автор утверждает, что «все качества, характеризующие “эмотивные” или “коннотативные” аспекты значения слов должны, в конечном итоге, рассматриваться в рамках гештальтов, создающих идеализированную когнитивную модель, по отношению к которой и определяются слова» [Krzeszowski 1994: 30]. Принимая «опытный миф», он предполагает, что базовыми являются ценности соматические, сенсомоторные, так как в основании как конкретных, так и абстрактных понятий лежит телесный опыт [*Ibid.*]. Он утверждает, что на основании этого опыта при помощи метафорического расширения возникают абстрактные значения, в том числе этические понятия.

2. Ценности и язык: СФЕРА И КАЧЕСТВО ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗЫВАЮЩИХ ЯЗЫК И ЦЕННОСТИ

В этой статье, говоря о ценностях, я имею в виду то, что в свете языка и культуры люди считают ценным, и не обращаясь к общей типологии ценностей и разделению на ценности абсолютные и субъективные, декларированные или приобретенные из опыта. Меня больше интересуют характеристики вещей и сами вещи, в том числе понятийные сущности, положения, состояния

в этнографических работах Иоанны и Рышарда Томицких [Tomiccy 1975], Людвика Стоммы [Stomma 1986] и российских семиотиков Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова [Иванов, Топоров 1965; 1974], Т. В. Цивьян [Цивьян 1990], Н. И. Толстого [Толстой 1995]. Дуализм картины мира в работах этнологов является жизненно-практичным отпечатком, но обязательной оппозицией было и есть противопоставление *sacrum/profanum* [Иванов, Топоров 1965].

и ситуации, правила, функционирующие как «идеи-проводники», являющиеся предметом стремлений или желания обладать, мотивирующие состояния и положения людей, также вдохновляющие их на определенную деятельность. Можно сказать, что я понимаю ценности в рамках народной философии².

В понятие языковой картины мира входит набор закрепленных (стереотипных) представлений о человеке и мире, которые можно восстановить с помощью разных типов языковых данных — грамматически-системных (флексийные, словообразовательные, предложенческие, текстовые категории), семантически-системных (значения слов и многословные единицы), использованных (следует помнить, что индивидуальные тексты имеют свой текстово-грамматический и окончательно-конвенциональный аспект, не являются лишь окказиональными явлениями), а также

² Согласно Пузынине, «ценности <...> всегда касаются самых общих понятийных характеристик, положений и поведения каких-либо объектов, в том числе, конечно, людей. <...> Говоря языком предикативно-аргументативной семантики, оценка в своем первичном смысле всегда является предикацией высшей степени, предикацией с событийным аргументом» [Рузунина 1989: 194]. Этот тип ценности расположен на очень высоком уровне абстрактности. Автор, тем не менее, не отказывается от обычного понимания ценности, заявляя: «Существует, однако, огромная шкала деривации того, что люди осознают или же ощущают как ценности. Ценностью для нас прежде всего является сам субъект характеристик или оценочных поведений; на этом основании мы говорим, что ценностями являются бог, человек, дом, друг, автомобиль и т. д. Если ценностью является какой-либо предмет или живое существо, то его части тоже приобретают оценочные коннотации — порог дома, глаза человека, фонарь автомобиля — либо на основании собственных положительных характеристик, либо обозначения ценности предмета, либо просто наличия в нем чего-либо, что имеет (имело) какую-нибудь значимую связь (сюда относятся памятные вещи). Ценность или антиценность соотносится с профессиональной деятельностью людей, оцениваемых положительно: врач, учитель, священник. Ценностями, в конце концов, могут для человека быть место и время, связанные с положительными переживаниями: дом, семейный край, детство, молодость, канникулы и т. д. Так происходит перемещение ценностей на окружающий мир» [Ibid.: 194–195]. Эти наблюдения Пузыниной дают нам возможности использовать аксиологические исследования, предпринятые в Люблине в духе антропологической лингвистики, признающей примат повседневного мышления (и стиля) над мышлением (и стилем) научным, профессиональным.

«доязыковых» релевантных для эффективной коммуникации данных, основанных на вере и поведении (ср. [Когзык 1999]).

В этой работе я привожу аргументы в пользу того, что языковая картина мира (ЯКМ) зависит (производна) от фиксированной, явным или скрытым образом, системы ценностей. Они связаны с точкой зрения и перспективой взгляда на мир. Ценности являются фактором, который управляет построением видения действительности через опытный (экспериенцер) и концептуализирующий субъект, т. е. через сообщество носителей языка или единицу творения, таким образом формируя фактор, интегрирующий элементы языковой картины мира, принятых в традиции. В результате ценности определяют культурную и общественную тождественность носителя языка³.

Многие исследователи указывали на то, что связь естественного языка с ценностями имеет характер внутренний и общий. До Кшешовского вездесущность ценностей в языке точнее всего определил М. Гловиньский: «Создание или передача ценностей, введение аксиологического фактора является постоянным компонентом нашей речи, любой речи. Я говорю не только о фактах, не только выражаю свои убеждения, я также включаю их в оценочные схемы. Мне не нужно явно тематизировать оценочный аспект, но я многократно апеллирую к нему подсознательно и неосознанно. Это происходит еще и потому, что материал, который я использую для построения высказываний (слова, фиксированные фразеологические обороты) наполнен ценностями или по меньшей мере не является нейтральным» [Głowiński 1986: 180]. Гловиньский использует здесь результаты философских дискуссий о возможности построения языка, свободного от оценок (*Wertfreiheit*), которые закончились утверждением, что это невозможно [Pawłowski 1978: 6].

То, что ценности представляют собой обязательный, релевантный элемент языка и ЯКМ, однако, не означает, что все в языке аксиологически одинаково маркировано, а означает лишь то, что ценности всегда каким-то образом присутствуют в языке. Вопросом

³ То, что я понимаю под картиной и видением мира, пунктом видения и перспективой взгляда, представлено в других работах [Bartmiński, Niebrzezowska 1997; Bartmiński 1990a].

для обсуждения остается то, в каком виде (открыто или скрыто) и на каком уровне лингвистической организации представлены ценности.

Иногда подчеркиваются различия в аксиологическом маркировании отдельных языковых стилей. «Тяготение к оценкам», особенно эмоциональным, рассматривается как важная характеристика повседневного поведения и разговорного языка, в то время как официальные, научные и формальные контексты теоретически свободны от оценок. Эта точка зрения справедлива только по отношению к уклонению от эмоциональных оценок, что, однако, не тождественно полному отсутствию оценок. Научный стиль, безэмоциональный по своей сути, следует своей собственной системе ценностей, в которую входят, в первую очередь, когнитивные ценности, связанные с понятием истины, но также эвристические, праксеологические, моральные, а иногда и эстетические ценности (ср. [Gajda 1993]). Похожим образом сухой стиль официальных документов, не допускающий никакой экспрессии, стремится к точности и основывается на таких ценностях для граждан или членов некой институции как справедливость и общественный порядок [Wojtak 1993].

Фокусируясь на холистическом явлении, я бы хотел более подробно рассмотреть, что значит формула «язык пронизан ценностями». Прежде всего потому, что всеобъемлющие и разнообразные связи между языком и ценностями имеют дифференциированную природу.

В названии своей основной работы, а также в других работах, Я. Пузынина использует синтетическую формулировку «язык ценностей» [Puzyolina 1992a]. Это формулировка одновременно удобна и многозначна. Можно сказать, что она удобна, именно потому, что она намеренно многозначна. На мой взгляд, по сути это выражение отсылает по меньшей мере к трем разным типам отношений между языком и ценностями⁴, которые могут быть охарактеризованы в следующих формулировках: ‘язык — это средство оценки’;

⁴ Я обращал на это внимание, рассказывая о проекте по созданию аксиологического польского словаря (Bartmiński 1989). Русский перевод см. [Бартминьский 2005: 115–130] (примеч. ред.).

‘язык — это источник информации о ценностях, принятых говорящими’ и ‘язык — это носитель (субстрат) ценностей’.

Прежде всего, язык можно рассматривать как средство оценки, так как именно в языке можно найти целый арсенал средств, необходимых для оценивания. Такой тип отношений исследуется наиболее часто. Внимание обычно обращают на тот факт, что оценка достигается с помощью слов, грамматики, структуры текста и фонологических характеристик. Также важно отметить, что очевидность и эксплицитность оценки имеет разную степень. Различие между эксплицитными и имплицитными, прямыми и скрытыми оценками, очень важно. Позже я вернусь к этой проблеме.

Во-вторых, мы можем рассматривать язык с точки зрения познания, задать вопрос о том, что язык говорит о ценностях, какую информацию о них мы можем получить из языка. Этот подход основан на предположении, что ценности некоторым образом «хранятся» в языке, в значении слов (слова обычно упоминаются в первую очередь) и их комбинациях (словосочетаниях и фразеологических единицах), а также в текстах, особенно стереотипных — таких, например, как пословицы. Конечным результатом такого исследования может быть реконструкция системы ценностей, переданной через язык в определенный момент его развития, в текстах конкретных стилей и жанров: разговорных, журналистских, эссеистических и политических. Ценности всегда являются чьими-то ценностями, конечной точкой референции является *Homo loquens*, который в своей речи концептуализирует и оценивает действительность, свою ментальность.

И наконец, в-третьих, язык можно исследовать с точки зрения того, носителем каких ценностей выступает сам язык и какие ценности приписываются ему или реализуются в нем как в субстрате, какие ценности проявляются в языке, высказываются о языке и его текстовых манифестациях. Язык описывается как ‘ясный’, ‘точный’, ‘красивый’, ‘элегантный’, ‘возвышенный’, ‘свободный’, или как ‘неясный’, ‘некрасивый’, ‘плохой’, ‘агрессивный’, ‘грубый’ и т. д. Этот подход характерен для лингвистов, которые исследуют развитие национальных языков, оценивают точность и эффективность языковой практики и кодифицируют языковые нормы.

Например, В. Дорошевский считал самой важной ценностью, основой истинности и красоты языка ясность⁵; Пузынина главное место отводит честности и правдивости языка [Puzyrina 1997: 123], а А. Марковский — адекватности и функциональности [NSPP 1999]. Поэты, например Ю. Словацкий, Ч. Милош или С. Бараньчак ценят язык «гибкий», «энергичный», одновременно емкий и содержательный. Для других ценностью языка может быть его красота, понятая как мелодичность и образность. И так далее.

Каждый из этих трех типов отношений открывает возможность новой исследовательской программы. В антропологическо-культурном исследовании языка, которое главным образом касается познания ментальности определенной коммуникативной общности, носителей некоторой культурной формации, язык рассматривается как источник знания о ценностях, системе принятых оценок и культурных моделях, об идеалах, важных для данного сообщества (народного и не только).

3. Язык как источник информации о ценностях: Названия ценностей

Самая важная информация о ценностях исходит из их названий, которые в культуре функционируют как «главные слова» [Pisarek 2002], «коллективные символы» [Fleischer 1995, Fleischer 1998] или «ведущие идеи», традиционно представленных в форме триад типа «добро — истина — красота», «вера — надежда — любовь», «свобода — равенство — братство», «бог — честь — отечество» и т. д. Эти ключевые слова стали предметом большого количества семантических исследований на основе разнообразных методов анализа [Zaron 1985, Puzyrina 1992, Puzyrina 1993, Puzyrina 1997, Bednarek 1989, Bednarek 1996, Abramowicz, Karolak 1991, Bartmiński, Mazurkiewicz-Brzozowska (reds.) 1993, Wierzbicka 1992, Wierzbicka 1997, Grzegorczykowa, Waszakowa (reds.) 2000, Jedliński 2000 и др.]. Пока что ограничусь только их перечислением. Термины оценки часто используются в социологических

⁵ Ясность — это достоинство мысли, красоту которой передают слова. Красота ясного стиля благоприятствует и <...> общественной эффективности и приносит пользу (цит по: [Пузынина 1999: 20]).

исследованиях, посвященных иерархиям ценностей в различных социальных группах. Важным направлением является исследование изменений в семантике названий (анти)ценностей, например, достоинство и честь, толерантность, свобода и либерализм, работа, забастовка, безработица, карьера и успех, солидарность, справедливость и конкуренция, общество и народ, власть, государство и правительство, регион и регионализм, отечество, патриотизм и уверенность, «европейскость» или глобализация⁶.

4. Прямая оценка, ее критерии: предполагаемый идеал человека

4.1. Способы прямой оценки относительно хорошо определены [Pubynina 1992a (раздел «Средства выражения оценок в языке и тексте», с. 11–130), Laskowska 1993, Kamińska-Szmałj 2001, Ożóg 2001]. Основным средством языковой оценки выступают слова, многие из которых имеют характер «чисто оценочных» или «первоначально оценочных» (Я. Пузынина), положительно или отрицательно. Важной характеристикой «чисто оценочных» слов является то, что они функционируют на основе глобального контраста (*добрый / злой, положительный / отрицательный*). В современном польском языке фиксируется превосходство отрицательных оценок над позитивными в том смысле, что «существует больше слов для определения отрицательных состояний чем положительных» [Brzozowski 1989: 360] или «словарь отрицательных выражений и фразеологизмы богаче позитивных» [Laskowska 1993: 129]. Это не является характеристикой лишь польского языка, хотя рост критики и самокритики поляков в последнем десятилетии (заметный одинаково в ежедневных разговорах и в публицистике и художественной прозе 1990-х гг.) выделяет нас на фоне соседей. Особенно заметна в последние годы негативная оценка,

⁶ Изменения семантики названий ценностей, произошедшие в последнем десятилетии среди студентов Люблина, стали предметом двух анкетных исследований в 1990 и 2000 гг. Были опрошены 1000 человек. Результаты были подготовлены к публикации группой исследователей: Е. Бартминский (руководитель), М. Бжозовская, И. Гардзель, У. Майер-Барановская, И. Лаппо, Б. Живицкая (грант KBN на 2001–2003 гг.).

направленная на людей, которая часто принимает вид оскорблений и вульгаризмов (ср. [Tokarski 1990, Grochowski 1995, Stomma 2000, Kamińska-Szmałj 2001]).

4.2. Прежде всего четкая оценка касается этического аспекта (честный / нечестный) и общественного (дружелюбный / недружелюбный), эпистемологического (правдивый / ложный) и гедонистического (приятный / неприятный), а также эстетического (красивый / некрасивый). Лексико-семантические поля этих категорий строятся на антонимических парах имен, отсылающих к ценностям и антиценностям: добро–зло, любовь–ненависть, справедливость–несправедливость, верность–предательство, свобода–несвобода, надежда–отчаяние, правда–ложь / вранье, наслаждение–неприятность, красота–уродство. Обязательность функционирования в оппозициях, в основании которой лежит, по определению Богуславского, «необходимость симпатии или антипатии», можно рассматривать как критерий для выделения набора канонических ценностей (хотя антонимия в языке используется не только для оценки) из более широкой группы названий для «хороших вещей» и «носителей ценностей». Реконструкция языковой картины мира должна апеллировать к критериям, находящимся в основе оценочной лексики и иерархии этих критериев.

4.3. В рамках лингвистической аксиологии интересно рассмотреть слова, которые используются для обозначения «более» или «менее» важных людей, особенно ругательства, используемые в спорах. Например, это оценки людей, находящихся в позиции человека, европейца, католика, рыцаря, мужчины, как свидетельствуют негативные оценки в следующих выражениях: *zwierzę nie człowiek* ‘зверь, а не человек’; *Azjata* ‘азиат’, *heretyk* ‘еретик’, *baba nie chłop* ‘баба, а не мужик’; *zniewieściałec* ‘неженка’ [Tokarski 1990]. Более внимательный анализ семантики этих выражений показывает, что критерии, используемые говорящим, являются скорее моральными и социальными, нежели эстетическими. Предпочитается честность, доброжелательное отношение к другим людям, находчивость, физическая и интеллектуальная подготовка, как свидетельствуют выражения, осуждающие в людях черты, противоположные названным выше: *szmata* ‘тряпка’, *hetera* ‘мегера’, *rajac* ‘клоун’,

nierzgula ‘неуклюжий человек’, *osiol* ‘осел’, *cymbal* ‘остолоп’ [Bartmiński 1990a, b]. В разговорном языке осмеивается глупость (*jełop* ‘олух’), связанная с наивностью и непрактичностью (*naiwniak* ‘простофилия’, *frajer* ‘простак’, *lajza* ‘недотепа’, *popapraniec* ‘недачник’), маркированная нечестностью (*szuja* ‘прохвост’), достижением цели за счет других (*oszust* ‘обманщик’, *naciągacz* ‘надувала’, *efekciarz* ‘человек, рассчитывающий на внешний эффект’). Эти данные помогают реконструировать образ определенного идеала человека, который задает основание для оценок [Bartmiński 1993]. Так можно установить, что оценка происходит от утвержденной обществом языковой картины мира, согласно которой маркирование трактуется как соответствующее норме или от нее отклоняющееся. Язык польской политики 1990-х гг. с готовностью обращается к оскорблению типа: *aferzysta* ‘аферист’, *oszust* ‘мошенник’, *maniak* ‘маньяк’, *aparatczyk* ‘аппаратчик’, *beton partyjny* ‘твердолобые, досл. партийный бетон’, *kretyn* ‘кретин’, *kretacz* ‘пройдоха’, *nieudacznik* ‘неудачник’, *rżnąć głupą* ‘нести чушь’ и т. п., см. [Kamińska-Szmaj 2001], которые отсылают к служащему мерой оценки образцу честного, интеллигентного и разумного человека. Стоит добавить, что тем не менее ругательства быстро теряют семантику и описательное содержание и становятся выражениями для негативной эмоциональной оценки, средствами унижения противника (ср. [Stomma 2000]).

5. ОЦЕНКА НА ОСНОВАНИИ ЗАДАННЫХ СИМВОЛИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Существуют определенные речевые жанры, главной целью которых является оценка. В массовой популярной культуре такими жанрами являются сонники и гороскопы. Исследования народных интерпретаций снов в польской традиции показало, что сны (объекты, события и их качества) обязательно оцениваются в рамках противопоставления хорошо–плохо, наложенного на характеристики, которые присваиваются образам на основании стереотипных представлений. Говоря более общо, любое, что является молодым, ярким, ясным, жирным, спелым, законченным,

одетым; зрелым и сделанным из металла объясняется как признак здоровья, юного возраста, достатка, хорошего урожая, гармонии, посещения долгожданных гостей, счастья и радости; в то время как все, что старое, темное, грязное, худое, неспелое, нецелое, голое, вареное и сделанное из бумаги, рассматривается как признак плохих вещей, например, болезни, смерти, старого возраста, бедности, плохого урожая, несогласия, нежеланного гостя, несчастья и печали. Наилучшими считаются такие ценности как жизнь, здоровье и радость [Niebrzegowska 1996]⁷.

6. СКРЫТЫЕ ОЦЕНКИ В ЯЗЫКОВЫХ СТЕРЕОТИПАХ

Аксиологические интерпретации снов являются прекрасным примером непрямой оценки, спрятанной в периферийной сфере значения. Этот тип непрямой оценки представлен описательными выражениями, например, в словах типа *oko* ‘глаз’, *głowa* ‘голова’, *chleb* ‘хлеб’, *miód* ‘мед’; *koń* ‘лошадь’, *osioł* ‘осел’, *świnia* ‘свинья’; *ojciec* ‘отец’, *matka* ‘мать’, *dom* ‘дом’, *wieś* ‘деревня’, *region* ‘область’; *bajka* ‘сказка’, *poezja* ‘поэзия’, *gawęda* ‘беседа’; *roszczenia* ‘претензии’, *strajk* ‘забастовка’, *kariera* ‘карьера’ и т. д. Здесь мы подходим к дискутируемому вопросу о способе трактовки лексического значения — в традиции структурно-семантических исследований, ограниченного «обязательными и достаточными» характеристиками (см. критику в [Bartmiński 1984]), в конечном добавлении коннотативных характеристик [Mielczuk, Jordanskaja 1988, Danielewiczowa 1993], в то время как в антропологическо-когнитивном течении включаются не только категориальные, но и стереотипные характеристики, т. е. значение трактуется максимально широко (но в границах языковой релевантности) [Putnam 1975, Bartmiński 1980, Wierzbicka 1984, Brzozowski 1989]; (ср. [Krzeszowski 1999: 10–11]).

Хорошим примером аксиологизации первично дескриптивных единиц являются отыменные прилагательные типа *chlopski*

⁷ См. статью С. Небжеговской-Бартминьской в этом сборнике (прич. ред.).

‘крестьянский’, *pański* ‘барский’, *mieszczański* ‘мещанский’; *psi* ‘собачий’, *koci* ‘кошачий’, *wilczy* ‘волчий’; *drewniany* ‘деревянный’, *żelazny* ‘железный’, *złoty* ‘золотой’, которые делают актуальными периферийные семантические свойства стереотипов, соответственно, ‘крестьянин’, ‘барин’, ‘мещанин’, ‘собака’, ‘кошка’, ‘волк’, ‘дерево’, ‘железо’ и ‘золото’.

На чисто относительное значение прилагательных ‘относящийся к данной вещи, характерный для данной вещи’ обычно накладываются качественные характеристики, появляющиеся в результате функционирования в обиходе стереотипов о данной вещи (группе людей), стереотипов, содержащих чисто оценочные элементы: *chlopski rozum* ‘крестьянский ум’ является не столько характеристикой ума крестьян, сколько ‘здоровый, трезвый, неспекулятивный, свободный от сомнений’, *pański gest* ‘господский жест’ характеристика не только господина или учителя, но любого, кто великодушен и щедр; *mieszczański* значит не только ‘характерный для городского жителя среднего класса’, но ‘материалистический, консервативный’ и т. д. и т. п. Оценка может быть положительной или отрицательной в зависимости от контекста: *wiejskie maniery* ‘деревенские манеры’ — поведение, которое низко оценивается говорящим, в то время как *wiejski serek* ‘деревенский сыр’, *wiejskie masło* ‘деревенское масло’, *wiejska kielbasa* ‘деревенская колбаса’ оцениваются современными экологически настроенными покупателями положительно. Словосочетания *drewniany stół* ‘деревянный стол’ и *drewniany język* ‘деревянный язык’; *psi węch* ‘собачий нюх’ и *psia pogoda* ‘собачья погода’; *złota rączka* ‘золотые руки’ и *złota młodzięź* ‘золотая молодежь’ также располагаются на шкале со знаками плюс и минус схожим образом и т. д.

Словарные дефinitionи лишь с недавнего времени начали включать «необязательные» характеристики (с таксономической точки зрения), описательные и/или оценочные, традиционно определяемые как так называемые культурные коннотации⁸. Теории и

⁸ Под влиянием книги Х. Патнэм [Putnam 1975], введшей стереотипный компонент в значение слова и понятие стереотипа в инвентарь основных понятий лингвистической семантики.

методологии исследования стереотипов посвящено уже немало и лингвистических работ (ср. [Anusiewicz, Bartmiński 1998]).

7. Аксиология пространства

Примеры стереотипных представлений с яркой аксиологической нагруженностью можно с легкостью найти среди географических названий [Piętкова 1989, Adamowski 1999]. Новая ментальная карта мира [Chlebda 2002] строится на основании не только физических и географических, но также и аксиологических осей. Две, особенно важные для польской культуры, оппозиции Европа–Азия и Запад–Восток безусловно получают оценочные характеристики.

Представление о Европе и видение отношений между Европой и Польшей в высшей степени идеалистично и основывается на социальных стремлениях и системе ценностей. Доминирующее чувство заключается в восхищении западным уровнем жизни, достичь которого мечтают многие поляки. Антиевропейские высказывания не получили распространения в обществе во время президентских выборов 2000 г. Они также не являются популярными и сегодня, несмотря на взгляды «евроскептиков». Самое четкое провозглашение идеалистического понимания Европы (которые, между прочим, не соответствуют гораздо менее энтузиастскому, а иногда даже откровенно критическому отношению ряда чешских политиков, таких как Вацлав Гавел или Вацлав Клаус) была дана «от имени» поляков польским политиком В. Бартошевским в его речи в немецком парламенте в Бонне в 1995 г.: «Европу не стоит понимать в чисто географическом смысле... Это слово приобрело цивилизационное значение и стало общим символом фундаментальных принципов и ценностей. Европа, прежде всего, означает свободу индивидуальности и права человека, как политические, так и экономические. Она символизирует эффективную экономику, основанную на принципе частного предпринимательства и инициативы. В то же время Европа является отражением человеческой судьбы и морального порядка, происходящего из иудейско-христианской традиции. Она также является вечной красотой культуры» [Gazeta Wyborcza, № 101, 1995].

Этот взгляд на Европу отличается от институализированного понимания в Германии и географического понимания, характерного для российского общественного дискурса [Zinken 2002].

Запад остается в представлениях поляков центром культуры и цивилизации, главной опорой стабильности, демократии и благосостояния, в противоположность Востоку, который ассоциируется с агрессивностью и бедностью [Bieńkowska 1983, Bartmiński 2001].

8. Изменения в современных национальных стереотипах

Изменения в некоторых национальных стереотипах, их когнитивное содержание и оценка связаны с изменениями в официальной политической ориентации Польши после 1989 г. Я ограничу свои комментарии по проблеме связи ЯКМ с ценностями на паре наиболее показательных примеров.

В социальной системе ценностей западные ценности pragmatizma и консумеризма получают все большее распространение.

В отношении лингвистических стереотипов заметно улучшение стереотипного представления о немце [Bartmiński 2001] и ухудшение представления о русском. Стереотипное представление об американце неизменно высоко положительно. Что поляки любят и не любят в других нациях? Основная характеристика в представлении поляков о немцах — это трудолюбие и достаток последних, хотя немцы все еще рассматриваются общительными поляками как надменные и заносчивые. Для более молодого поколения поляков немцы являются богатыми и образованными европейцами, обладающими качествами, особенно высоко оцениваемыми в новой польской реальности.

Доминантой в современном представлении поляков о русских является нищета и неряшливоность, а среди психическо-интеллектуальных черт — грубость и агрессивность: таково представление поляка об азиате [Bartmiński 1997].

Американцы представляются как богатые, предприимчивые, самоуверенные и беззаботные, таки образом хорошо соответствую-

ют системе ценностей, доминирующей среди поляков, особенно среди молодого поколения.

Прилагательные *немецкий, русский, американский, по-немецки, по-русски, по-американски* косвенно приобретают эти положительные или отрицательные коннотации, даже если они формально не закреплены.

Сравнение польских и немецких стереотипов о поляках, чехах и русских показывает субъективную и этноцентристскую природу оценки.

Польские студенты явно противопоставляют характеристики чеха и русского, например, в отношении таких качеств как ‘аккуратный/неопрятный’, ‘богатый/бедный’, ‘культурный/некультурный’, которые частично являются результатом более общих противопоставлений, чрезвычайно важных для польского восприятия мира в рамках Восток–Запад или Азия–Европа. Немецкие студенты, в свою очередь, приписывают многие общие черты всем трем нациям — как славянам, представителям востока. Польское восприятие чехов более положительное, чем немецкое: чехи рассматриваются как более западные или «более европейцы». Русские же, наоборот, воспринимаются как более восточные или «азиаты» (в отрицательном смысле) [Bartmiński 1997].

9. ГЛОБАЛЬНЫЕ И АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ

В социологическом опросе, посвященном стереотипам, стандартной частью обычно является общий вопрос о принятии других наций. Примером может служить основание для опросника 2002 г., подготовленного Центром исследований общественного мнения, относительно польского представления о евреях, в котором главной обобщающей категорией было ‘антисемитизм’, т. е. отрицательное отношение [Sułek, Kublik 2002]⁹.

Это огромное упрощение. Если в исследовании о стереотипах обратиться к более детальному уровню и задавать вопросы о кон-

⁹ Жаль однако, что не было предпринято попыток исследовать позитивное отношение к евреям, или филосемитизм, все более и более популярный, особенно среди молодых поляков.

крайних чертах и их оценке, то окажется, что один и тот же представитель некоторой группы имеет амбивалентную оценку: что-то он принимает, а что-то отрицает. Так, поляки не любят немцев, считая их замкнутыми и заносчивыми, но восхищаются их повседневным поведением, например, пунктуальностью и трудолюбием. Русские оцениваются отрицательно за агрессивность и желание доминировать, но положительно за любовь к общению, открытость и музыкальный талант. Польское отношение к евреям также амбивалентно: они рассматриваются отрицательно в общественном аспекте — из-за нечестности в торговле, но положительно в личных качествах — высоко ценятся их религиозность, умственные способности и предпримчивость. Амбивалентность также существует в представлении поляках о себе: они оценивают себя положительно в личных, психических качествах, отмечая такие черты как смелость, гордость, ум, образованность и мудрость, но критикуют себя в бытовом аспекте за леность, невоздержанность и порой непредсказуемое поведение [Bartmiński 1995].

10. Две плоскости оценки: говорящий / участник

Оценивающий субъект может находиться на разных семантических уровнях высказывания: интерактивном и/или объектном. Субъектом может быть как говорящий, так и участник представляемого события. Рассмотрим следующие случаи. «Быть обязанным чем-то кому-то» (пол. *Zawdzięczać coś komuś*) означает «находиться с кем-то в таких отношениях, когда некто сделал что-то хорошее для нас и мы готовы сделать что-то хорошее для него». Аксиологический элемент прототипически представлен как на уровне понимания говорящего, так и на уровне участника события (то же самое для говорящего или нет): «Я обязан ему должностью, авансом, успехом, стипендией и т. д. Результат действия, совершенного X и заставляющее Y благодарить, рассматривается говорящим Z как нечто ценное для Y и схожим образом оцениваемое Z. Эта пересекающаяся положительная оценка события участником (Y) и говорящим (Z) является обязательной. Использование

в позиции дополнения антиценности («Я обязан ему своим падением, неудачей, банкротством и т. п.») дает иронический эффект, перемены знаков ценностей или же приводят к изменению значения глагола «быть обязанным» на чисто каузативное: «быть причиной чему-либо», и как следствие деаксиологизации¹⁰.

Однако оценка с точки зрения говорящего (Z) не обязывает участника Y, который может не согласиться с оценочным суждением говорящего, а наоборот быть не благодарным: «Дети обязаны своим хорошим финансовым положением родителям, но они этого не ценят», «Спортсмены проголосовали против своего тренера, хотя обязаны ему очень многим». Даже в этих предложениях, однако, говорящий предполагает существование объективной обязанности, не зависимой от субъективного суждения участника.

Разница между оценками говорящего и участника события особенно ясна, когда эти двое находятся в противопоставлении друг к другу. Когда используются глаголы *schlebiać* ‘льстить’, *podlizywać się* ‘подлизываться’, *przymilać się* ‘лебезить’, *kadzić* ‘подхалимничать’, *wynosić pod niebiosa* ‘превозносить до небес’, говорящий дистанцируется от позитивной оценки, отношения или поведения участника и рассматривает их негативно. Похожая отрицательная, дистанцированная позиция может быть принята, когда участник оценивает кого-то отрицательно; ср., выражения *oczerniać* ‘очернить’, *szkalować* ‘клеветать’, *obrzuszać błotem* ‘обливать грязью’ и т. д.

Говорящий может отрицательно оценивать поведение участника, когда объективно существующие ценности работают в независимости от отношения участника. Подобное понимание ценностей лежит в основе таких понятий как предательство или измена [Bednarek 1996]: «Политик предал общественный интерес ради собственного частного интереса» и т. д.

¹⁰ Обычно эту роль выполняет предлог *благодаря* (чему-либо) — пол. *dzięki (czemuś)*. Например, в логически неправильном предложении *Благодаря болезни я не участвовал в пробеге* более широкий контекст — описание благополучного исхода — добавляет в высказывание позитивную оценку: *Благодаря болезни я не участвовал в пробеге и избежал несчастного случая*.

11. ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР, УПРАВЛЯЮЩИЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЕЙ И ПРОФИЛИРОВАНИЕМ

Ценности регулируют процесс категоризации. Целебные травы, зерновые или сорняки выделяются в мире растений как множества с особой (инструментальной) ценностью для жизни людей, так как они могут быть использованы в качестве лекарства или еды. Сходным образом, инструментальный, функциональный и в конечном счете аксиологический компонент присутствует в таких понятиях как ‘игрушка’, ‘инструмент’, ‘устройство’, ‘средство передвижения’, ‘оружие’, ‘одежда’ или ‘декорация’, определения которых принимают во внимание цель, с которой они были сделаны [Wierzbicka 1999: 109]. Человеческие действия также управляются ценностями. Ценности, таким образом, являются активным элементом при установлении основы для концептуализации, которая отражается в процессе определения через выбор гиперонимического *genus proximum*. Василек можно рассматривать как растение, траву или цветок в зависимости от аксиологически мотивированной точки зрения [Bartmiński 1993]. Предварительная стадия категоризации определяет выбор других характеристик, определяющих объект, его образ, и, таким образом, оказывается в некотором смысле на металингвистическом уровне.

Ценности, принятые говорящим, определяют функционирование базовых понятий на уровне дискурса; их формирование связано со стилем и жанром высказывания, и таким образом с коммуникативным намерением говорящего [Bartmiński 1991]. Коммуникативное намерение говорящего, в свою очередь, всегда связано с его ценностями¹¹. Этот тезис подтверждает анализ ког-

¹¹ Обращаю внимание, что в моем определении стиля [Bartmiński 1981] я использовал слово *ценность* в кавычках («ценности стиля» — это группа из четырех элементов: рациональности, точки зрения, коммуникативной интенции и стилистические принципы). Ценность меня интересовала в смысле фр. *Valeur*, вошедшая в обиход благодаря Соссюру и особенно Мартине (ср. [Greimas, Joseph 1979: 414–415]), а не в чисто аксиологическом понимании ценностей в смысле, представленном в данной работе. Различие этих двух

нитивной структуры польского понятия родины [Bartmiński 1989b, Bartmiński 1998] или перемены польского представления о рае и аде [Bartmiński, Niebrzegowska 1999].

12. ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЮ. НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ РОДИНЫ

Разные способы понимания (и профилирования) польского понятия Родины коррелируют с разными ценностями и системами ценностей. Составляющие концептосферы (термин Д. Лихачева) Родины включают прежде всего измерения пространства (прежде всего, страна, Польша как государство) и сообщества (прежде всего, народ, общество родственников), интегрированные в плоскость ценностей.

Дискуссии вокруг понятия Родины и формы патриотизма, отвечающего эпохе европеизации и глобализации, очевидцами которых мы были во время президентских выборов 2000 года, раскрывают динамический характер понятия Отчизны. Оно подвергается постоянной реинтерпретации, происходят его идеологические изменения, в народно, иногда националистическом, или обывательском, или региональном духе. Популярность приобрела концепция «малой родины». Родиной для среднего поляка может быть не только страна под названием Польша, но и ее небольшой район, область, родительский дом, иногда (довольно редко) наоборот, большая – Европа или даже весь мир. Родиной могут быть все территории, связанные некоторой концентрированной целостностью. На основании чего принимается решение? Выбор производится на основании ценностей. Три главных звена в реконструированной цепочке: дом–страна–мир или семья–народ–человечество связаны

значений слова обсуждает Кшешовский [Kszeszowski 1997: 17–18], определявший ценности традиционно для использования в аксиологической семантике, т. е. в более узком смысле. В то же время критика моего понимания стиля, представленная в работах Т. Скубала [Skubala 1995: 228–229], вследствие недопонимания основывалась на подмене узкого значения стиля более широким, что лишает эту критику правомерности.

между собой отнесенностью к определенным ценностям. Дом и семью связывают приветливость, любовь, ощущения безопасности и того, что тебя принимают; страна и народ объединены такими ценностями как безопасность, свобода, независимость, равенство, справедливость; мир и человечество как сообщество самого высокого ранга соединены такими ценностями как отсутствие войны, солидарность, прогресс ([Bartmiński 1989a, Bartmiński 1998]). Природу этих зависимостей определил В. Стружевский (Stróżewski 1981: 294), обозначив их терминологически как «заданные ценности», т. е. такие, в названии которых некоторое сообщество «локализовано» на какой-то территории и достигает своей цели, определяя свою идентичность.

Постулат чистоты окружающей среды, воздуха, земли и воды направлен на малое пространство или область. Ощущение безопасности и местонахождения «у себя» переносится на самое близкое окружение и семью; развитие, требование суверенных решений распространяется на народное сообщество, государственную, гражданскую организацию; желание мира как самой высокой ценности — на широкое международное сотрудничество по всему континенту или даже земному шару. В основании разных концепций и пониманий родины стоят определенные потребности и стремления, предпочтения для определенных ценностей, которые человек выбирает как самые важные, которые принимает и за которые в определенной степени отвечает. Существует ряд вариантов (профилей) базового понятия Родины: семейно-домашний, локальный, областной — это «малые» родины; народная родина, наиболее развитый вариант родины, а также его специфические варианты: государственный, общественный и культурный (ср. [Bartmiński 1999]). Выбор ценностей влияет на выбор оставшихся составляющих понятия, ведет к их выделению или элиминации, связанной своеобразной конфигурацией с четкой логикой внутренних связей¹².

¹² Родина может стать «дорогой», как выразился поэт К. Войтыла в поэме «Думая: Родина» (Bartmiński 1989b: 170).

13. ЧТО О СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ И ИХ ИЕРАРХИИ ГОВОРЯТ ПОРЯДОК ЧЛЕНОВ В ТЕКСТЕ?

Аллюзии на ценности и связи между ними провозглашаются в том порядке, в каком слова находятся в выражениях и в целых текстах. Йоланта Шпыра [Szpyra 1996] провела интересный анализ словарных комбинаций типа *za i przeciw* ‘за и против’, *tu i tam* ‘здесь и там’, *dziś i jutro* ‘сегодня и завтра’, *żyć nie umierać* ‘жить не умирать’, в котором порядок элементов фиксирован и первый элемент кажется более важным. Систематический анализ примеров из трех языков польского, английского и венгерского выявил системы ценностей, лежащую в основе этих выражений. Этими ценностями являются жизнь (*sprawa życia lub śmierci* ‘дело жизни и смерти’, *człowiek i świat* ‘человек и мир’), мужественность (*mąż i żona* ‘муж и жена’, *dziad i baba* ‘дед и баба’), взросłość (*ojciec i syn* ‘отец и сын’), пространственная и времененная близость (*z kraju i ze świata* ‘домашние и мировые (новости)’, *teraz i zawsze* ‘сейчас и всегда’), положительность или подтверждение (*tak czy nie* ‘да или нет’, *za i przeciw* ‘за и против’, *blaski i cienie* ‘плюсы и минусы’) и др. Автор суммирует свои наблюдения следующим образом: «Это мир, основанный на традиционных характеристиках европейских обществ, таких как патриархальная природа (с определенными элементами галантности по отношению к женщинам), доминирующая позиция родителей перед детьми или старших людей перед молодыми. В центре этого мира находится человек, самый важный компонент, источник силы и действия, подчиняющий остальную часть мира, как животных, так и неодушевленные предметы» [Ibid.: 70].

Принцип аксиологической доминанты первого элемента с высокой степенью постоянства присутствует в фольклорных текстах, которые как продукты общественного творчества отражают более общие регулярности текстов и картин мира. Например, одна из самых популярных польских народных свадебных песен рассказывает о молодой невесте, которая прощается с домом и семьей. С аксиологической точки зрения оказывается важным, к кому и в каком порядке она обращается: отец, мать, брат, сестра.

Последовательность отражает семейную иерархию, принятую в обществе [Bartmiński 1990a, Bartmiński 1990b, Niebrzegowska 1998].

Другая аксиологически нагруженная композиционная схема основывается на понятии концевого фокуса. Например, в польских и украинских фольклорных новогодних песнях присутствует мотив любимого, которого хвалят за совершение того, что не могли сделать мать, отец, брат или сестра, однако любимый, хотя и самый главный человек в ряду лиц, упоминается в перечислении последним [Bartmiński 1989b, Niebrzegowska-Bartmińska 2007: 381–382, Dej 1978]. Иерархическая организация, основанная на оценке, присутствует также и в официальном стиле (например, в официальных речах на встречах) и, конечно, в литургических текстах (Отец, Сын и Святой Дух; Иисус, Мария, Иосиф; апостолы и мученики), которые, вероятно, стоит рассматривать как прототипический случай.

14. Источники оценок: только чувственные или еще и культурные?

Позвольте мне теперь усомниться в идее, будто ценности имеют телесное основание. В польской лингвистике представление о теле наиболее четко сформулировано Кшешовским, заявившим, что оценка по типу плюс–минус уже существует в дополнительных схемах-картинах, на которых основана вся понятийная система. Этот «дополнительный телесный опыт лежит напрямую в основе материальных (конкретных) понятий и косвенно через метафорическое расширение абстрактных понятий» [Krzeszowski 1994: 31]. Более того, ценности, подобно другим компонентам значения, производны от человеческого опыта реальности; таким образом аксиология, как и семантика, вырастает из опыта реальности [Krzeszowski 1997: 20]. ‘Опыт’ понимается здесь как ‘каждодневный’, ‘телесный’ опыт.

Автор ссылается на работы Дэвида Левина по психологии, в частности на следующее замечание: «этические понятия порядочности или непорядочности вместе со своими психологическими коррелятами — гордостью и виной — являются экзистенциальными понятиями, укорененными в детском опыте при постепен-

ном обучении, это соединено в способность встать (правый) и идти вперед (в будущее) без потери опорного баланса, не спотыкаясь и не падая (цит. по [Krzeszowski 1997: 66]).

Этот подход, хотя и имеет убедительную поддержку, не принимает во внимание две важные проблемы. Во-первых, кажется сомнительным, что элементарный экзистенциональный опыт человека может быть сведен к простому опыту функций тела, без учета психологических аспектов отношений между матерью и ребенком. Это отношение ведет к связям социальной и культурной природы. Сам Кшешовский, изучая источники библейских (или, скорее, этических) метафор, отмечает социальные явления торговли и закона, а не телесные. Когда современные российские, немецкие и польские журналисты описывают процесс «европеизации», они используют образ дома как источник для метафоры [Zinken 2002], который выступает как психологическая, так и физическая, пространственная реальность.

Во-вторых, не все элементарные пространственные оппозиции, взятые Кшешовским как основные, могут в их аксиологических функциях быть произведены от оценки, основанной на соматике. Хотя положительная оценка верхнего и переднего может мотивироваться ориентацией и функционированием человеческого тела, третья важная оппозиция ‘левый–правый’ не соответствует этой простой сенсомоторной интерпретации. Чисто биологическое обоснование скорее указало бы на левую сторону — сторону сердца — как положительную. Кажется, что стоит принять точку зрения тех авторов, кто видит в этой оппозиции определенное социально закрепленное культурное условие [Иванов, Топоров 1965, van Leeuwen-Turpovcová 1990, Цивьян 1991, Dukova 1992]. Значительный процент людей уже рождаются левшами, праворукость насаждается культурой. На более высокой плоскости, оценка политического левого и правого в общественном дискурсе, не только в Польше (ср. [Bartmiński 1991]) может служить хорошим примером доминирования культурного фактора над телесным.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартминьский 1997 — *Бартминьский Е.* Этноцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих соседях // Славяноведение. № 1. М., 1997. С. 12–24.
- Бартминьский 2005 — *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М., 2005.
- Барминьский, Небжеговская 1997 — *Бартминьский Е., Небжеговская С.* Когнитивное определение, профилирование понятий и субъективная интерпретация мира // Когнитивная лингвистика конца XX века. Материалы Международной научной конференции 7–9 октября 1997 в трех частях. Минск, 1997. С. 4–8.
- Головачева 1993 — *Головачева А. В.* Картина мира и модель мира в pragmatике заговора // Исследования в области балто-славянской духовной культуры / Отв. ред Вяч. В. Иванов, И. Н. Свешникова. М., 1993. С. 196–211.
- Иванов, Топоров 1965 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965.
- Иванов, Топоров 1974 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Серебренников (ред.) 1988 — Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Ред. Б. А. Серебренников. М., 1988.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Цивьян 1990 — *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Abramowicz, Karolak 1991 — *Abramowicz M., Karolak I.* “Wolność” i “liberté” w językach polskim i francuskim // Język a kultura. T. 3. Wartości w języku i w tekście / J. Puzyniny, J. Anusiewicza (red.). Wrocław, 1991. S. 51–59.
- Adamowski 1999 — *Adamowski J.* Kategoria przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne. Lublin, 1999.
- Anusiewicz, Bartmiński 1998 — Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne / J. Anusiewicz, J. Bartmiński (red.). Wrocław, 1998. T. 12.
- Bartmiński 1980 — *Bartmiński J.* Założenia teoretyczne słownika // Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980. S. 7–36.
- Bartmiński 1981 — *Bartmiński J.* Derywacja stylu // Pojęcie derywacji w lingwistyce. Lublin, 1981. S. 31–54.
- Bartmiński 1984 — *Bartmiński J.* Definicja leksykograficzna a opis języka // Słownictwo w opisie języka / K. Polański (red.). Katowice, 1984. S. 9–19.

- Bartmiński 1989a — *Bartmiński J.* Projekt i założenia ogólnego słownika aksjologicznego // *Język a kultura*. Wrocław, 1989. T. 2. S. 293–312.
- Bartmiński 1989b — *Bartmiński J.* Jak biegną drogi ojczyzny? // *Ethos*. 1989. № 5.
- Bartmiński 1990a — *Bartmiński J.* Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata // *JOS* 1990. S. 109–127.
- Bartmiński 1990b — *Bartmiński J.* Kolekcja w strukturze tematycznej tekstu ustnego // *Tekst w kontekście. Zbiór studiów* / T. Dobrzyński (red.). Wrocław, 1990. S. 155–174.
- Bartmiński 1991 — *Bartmiński J.* Prawica – lewica. Sposoby profilowania pojęć // *Poradnik Językowy*. 1991. № 5–6. S. 160–166.
- Bartmiński 1993a — *Bartmiński J.* Styl potoczny // *WJP* 1993. S. 115–134.
- Bartmiński (red.) 1993b — Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich / J. Bartmiński (red.). Lublin, 1993.
- Bartmiński 1994 — *Bartmiński J.* Jak zmienia się stereotyp Niemca w Polsce // *Przegląd Humanistyczny*. 1994. № 4.
- Bartmiński 1995 — *Bartmiński J.* Nasi sąsiedzi w oczach studentów // *Narody i stereotypy* / T. Walas (red.). Kraków, 1995.
- Bartmiński 1998 — *Bartmiński J.* Dynamika polskiego pojęcia ojczyzny // *Prace Filologiczne*. XLIII. 1998. S. 53–60.
- Bartmiński 2001 — *Bartmiński J.* O językowym obrazie świata Polaków konca XX wieku // *Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju* / S. Dubisz, S. Gajdy (reds.). Warszawa, 2001.
- Bartmiński, Mazurkiewicz-Brzozowska (reds.) 1993 — Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne / J. Bartmiński, M. Mazurkiewicz-Brzozowska (reds.). Lublin, 1993.
- Bartmiński, Niebrzegowska 1998 — *Bartmiński J., Niebrzegowska S.* Profile a podmiotowa interpretacja świata // *Profilowanie w języku i w tekście* / J. Bartmińskiego, R. Tokarskiego (reds.). Lublin, 1998. S. 211–224.
- Bartmiński, Niebrzegowska 1999 — *Bartmiński J., Niebrzegowska S.* Językowy obraz polskiego nieba i piekła / B. Kreja (red.). 1999. S. 195–203.
- Bartmiński, Sandomirskaja, Telija 1998 — *Bartmiński J., Sandomirskaja I., Telija V.* Ojczyzna w polskim i rosyjskim językowym obrazie świata // *Z polskich studiów slawistycznych. Seria IX. Językoznawstwo*. Warszawa, 1998. S. 21–29.
- Bednarek 1989 — *Bednarek A.* O nadziei // *Język a kultura* / J. Pużynina, J. Bartmiński (reds.). Wrocław, 1989. T. 2. S. 327–353.
- Bednarek 1996 — *Bednarek A.* Zdrada – ucieczką ze świata wartości. Rozważania semantyczne // *Polonistyka toruńska uniwersyteetowi w 50 rocznicę utworzenia UMK. Materiały z konferencji naukowej* / K. Kallas (red.). Toruń, 1996. S. 125–134.

- Bieńkowska 1983 — *Bieńkowska E.* Obraz Zachodu w literaturze polskiej // Literatura polska w kulturze chrześcijańskiej Europy. Lublin, 1983. S. 49–60.
- Brzozowski 1989 — *Brzozowski P.* Problemy analizy prototypowości pojęć (na przykładzie “uczciwości”, “komunizmu” i “nauczyciela”) // Etnolingwistyka. Lublin, 1989. T. 4. S. 51–63.
- Chlebda 2002 — *Chlebda W.* Polak przed mentalną mapą świata // Etnolingwistyka. Lublin, 2002. T. 14. S. 9–26.
- Danielewiczowa 1993 — *Danielewiczowa M.* O pojęciu konotacji wartościującej // *Polono-slavica varsoviensis. Studia semantyczne / R. Grzegorczykowej, Z. Zaron (red.).* Warszawa, 1993. S. 131–142.
- Dukova 1992 — *Dukova U.* Mitologiczna opozycja prawy i lewy w bułgarskich dialektach // Etnolingwistyka. Lublin, 1992. T. 5. S. 31–52.
- Fleischer 1995 — *Fleischer M.* Das System der polnischen Kollektivsymbolik (Eine empirische Untersuchung). München, 1995.
- Fleischer 1998 — *Fleischer M.* Współczesna polska symbolika kolektywna (wyniki badań empirycznych) // Język a kultura / J. Anusiewicza, J. Bartmiński (red.). Wrocław, 1998. T. 12. S. 308–335.
- Gajda 1993 — *Gajda S.* Styl naukowy // WJP 1993. S. 173–189.
- Głowiński 1986 — *Głowiński M.* Wartościowanie w badaniach literackich a język potoczny // O wartościowaniu w badaniach literackich, studia / S. Sawicki, W. Panas (red.). Lublin, 1986.
- Greimas, Courtés 1979 — *Greimas A., Courtés J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage.* Paris, 1979.
- Grochowski 1995 — *Grochowski M.* Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów. Warszawa, 1995.
- Grzegorczykowa, Waszakowa (red.) 2000 — Studia z semantyki porównawczej / R. Grzegorczykowa, K. Waszakowa (red.). Warszawa, 2000.
- Kamińska-Szmałj 2001 — *Kamińska-Szmałj I.* Słowa na wolności. Wrocław, 2001.
- Jedliński 2000 — *Jedliński R.* Językowy obraz świata wartości w wypowiedziach uczniów kończących szkołę podstawową. Kraków, 2000.
- Kępiński 1990 — *Kępiński A.* Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa; Kraków, 1990.
- JOS 1990 — Językowy obraz świata / J. Bartmiński (red.). Lublin, 1990.
- Korzyk 1999 — *Korzyk K.* Język i gramatyka w perspektywie “komunikatywizmu” // Gramatyka komunikacyjna / A. Awdiejew (red.). Warszawa; Kraków, 1999. S. 9–32.
- Kreja (red.) 1999 — Tysiąc lat polskiego słownictwa religijnego / B. Kreja (red.). Gdańsk, 1999.
- Krzeszowski 1994 — *Krzeszowski T.* Parametr aksjologiczny w przedpojęciowych schematach wyobrażeniowych // Etnolingwistyka. Lublin, 1994. T. 6. S. 29–51.

- Krzeszowski 1997 — Krzeszowski T. Angels and Devils in Hell. Elements of Axiology in Semantics. Warszawa, 1997.
- Krzeszowski 1999 — Krzeszowski T. Aksjologiczne aspekty semantyki językowej, Toruń, 1999.
- Lakoff, Mark 1988 — Lakoff G., Johnson M. Metafory w naszym życiu / Z ang. tłum. T. Krzeszowski. Warszawa, 1988.
- Laskowska 1993 — Laskowska E. Wartościowanie w języku potocznym, Bydgoszcz, 1993.
- Mielczuk, Jordanskaja 1988 — Mielczuk I., Jordanskaja L. Konotacja w semantyczce lingwistycznej i leksykografii / Konotacja / Praca zbiorowa pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. S. 9–34.
- Niebrzegowska 1995 — Niebrzegowska S. Sennik jako gatunek polskiego folkloru. Słownik i semantyka: Rozprawa doktorska. Lublin, 1995.
- Niebrzegowska 1996 — Niebrzegowska S. Świat wartości sennika ludowego // Etnolingwistyka. 1996. T 6. S. 99–112.
- Niebrzegowska 1998 — Niebrzegowska S. Pętla semantyczna w paradygmacie spójnościowym tekstu // Tekst. Problemy teoretyczne / J. Bartmiński, B. Boniecka (red.). Lublin, 1998. S. 169–185.
- Niebrzegowska-Bartmińska 2007 — Niebrzegowska-Bartmińska S. Wzorce tekstów ustnych w perspektywie etnolingwistycznej. Lublin, 2007.
- NSPP 1999 — Nowy słownik poprawnej polszczyzny / A. Markowski (red.). Warszawa, 1999.
- Ożdżyński (red.) 1995 — Językowy obraz świata u dzieci i młodzieży / J. Ożdżyński (red.). Kraków, 1995.
- Ozóg 2001 — Ozóg K. Polszczyzna przełomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia. Rzeszów, 2001.
- Pawłowski 1978 — Pawłowski T. Tworzenie pojęć i definiowanie w naukach humanistycznych. Warszawa, 1978.
- Piętkowa 1989 — Piętkowa R. O aksjologizacji przestrzeni w języku i poezji // Język a kultura / J. Pużynina, J. Bartmiński (red.). Wrocław, 1989. T. 2. S. 275–291.
- Pisarek 2002 — Pisarek W. Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność. Kraków, 2002.
- Putnam 1975 — Putnam H. Mind, Language and Reality. Cambridge, 1975.
- Pużynina 1989 — Jak pracować nad językiem wartości? // Język a kultura / J. Pużynina, J. Bartmiński. Wrocław, 1989. T. 2.
- Pużynina 1992a — Pużynina J. Język wartości. Warszawa, 1992.
- Pużynina 1992b — Pużynina J. Problematyka aksjologiczna w jazykoznawstwie // Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze / Studia pod red. S. Sawickiego, A. Tyszczyka. Lublin, 1992. S. 59–72.

- Puzynina 1993 — *Puzynina J.* O znaczeniu wartości // Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne / J. Bartmiński, M. Mazurkiewicz-Brzozowska (red.). Lublin, 1993. S. 9–21.
- Puzynina 1997 — *Puzynina J.* Słowo — wartość — kultura. Lublin, 1997.
- Sawicka (red.) 1997 — Dom w języku i w kulturze / G. Sawicka (red.). Szczecin, 1997.
- Skubalanka 1995 — *Skubalanka T.* O stylu poetyckim I innych stylach języka. Studia i szkice teoretyczne. Lublin, 1995.
- SSiSL 1996, 1999 — Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, zastępca redaktora S. Niebrzegowska. T. I. Kosmos. Cz. 1. Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie. Lublin, 1996; Cz. 2. Ziemia, woda, podziemie. Lublin, 1999.
- Stomma 1986 — *Stomma L.* Antropologia kultury wsi polskiej XIX wieku. Warszawa, 1986.
- Stomma 2000 — *Stomma L.* Słownik polskich wyzwisk, inwektyw i określeń pejoratywnych. Warszawa, 2000.
- Stróżewski 1981 — *Stróżewski W.* Istnienie i wartość. Kraków, 1981.
- Sułek, Kublik 2002 — *Sułek A., Kublik A.* Żydzi? Wiadomo! // Gazeta Wyborcza. Z 25 lipca. 2002.
- Szpyra 1996 — *Szpyra J.* Dlaczego za i przeciw, a nie przeciw i za — czyli o językowym obrazie świata Polaków, Anglików i Węgrów // Etnolingwistyka. Lublin, 1996. T. 8. S. 57–88.
- Tokarski 1990 — *Tokarski R.* Językowy obraz świata w metaforach potoczych // JOS 1990.
- Tomiccy 1975 — *Tomiccy J. i R.* Drzewo życia. Ludowa wizja świata i człowieka. Warszawa, 1975.
- Wierzbicka 1984 — *Wierzbicka A.* Apples are not a kind of fruit: Semantics of human categorization // American Ethnologist. Vol. 11. № 2. S. 313–328.
- Wierzbicka 1992 — *Wierzbicka A.* Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configuration. Oxford; New York, 1992.
- Wierzbicka 1997 — *Wierzbicka A.* Understandig culture through the key words. Oxford University Press, 1997.
- Wierzbicka 1999 — *Wierzbicka A.* Język, umysł, kultura / Wybór prac pod red. J. Bartmińskiego. Warszawa, 1999.
- WJP 1993 — Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. T. 2. Współczesny język polski / J. Bartmiński (red.). Wrocław, 1993.
- Wojtak 1993 — *Wojtak M.* Styl urzędowy // WJP 1993. S. 147–162.
- Zaron 1985 — *Zaron Z.* Wybrane pojęcia etyczne w analizie semantycznej (Kochaj bliźniego swego). Wrocław, 1985.

Zinken 2002 — *Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition*, Bielefeld [машинопись докторской диссертации].

Ziółkowski 1997 — *Ziółkowski M. O różnorodności teraźniejszości (Pomiędzy tradycją, spuścizną socjalizmu, nowoczesnością i ponowoczesnością)* // *Kultura i Społeczeństwo*. 1997. № 4. S. 19–48.

Польская публикация: *J. Bartmiński. Miejsce wartości w językowym obrazie świata* // *Język w kręgu wartości. Studia semantyczne / J. Bartmiński (red.)*. Lublin, 2003. S. 59–86.

Перевод К. Кожанова

C. Небжеговская-Бартминьская
(Люблин)

Конститутивные ценности польского народного сонника

Оценка, то есть осознание (и даже восприятие) элементов действительности (окружающего мира) в качестве «хороших» или «плохих»¹ является сутью функционирования сонника как особого жанра и составляет основной принцип, на котором базируется интерпретация образов сновидений. Именно поэтому на основе сонника мы можем осуществить реконструкцию мира ценностей народной культуры, а также показать, какое понимание (какая концепция) человека лежит в основе мира (системы) ценностей².

Текст сонника³ строится на двух элементах: на образе и его толковании. Возьмем для примера следующие тексты: *Jajka śnią się na plotki* («Яйца сняются к сплетням»); *Wszy to pieniądze* («Вши — к деньгам»); *Czarna sukienka — pogrzeb* («Черное платье — к похоронам»); *Pierścionek — wesele będzie* («Колечко — быть свадьбе»). Первый член (*jajka, wszy, czarna sukienka, pierścionek*) — это образ из сновидения, второй же член (*plotki, pieniądze, pogrzeb, wesele*) — это толкование (объяснение) образа. Оба элемента вписаны в жанровую рамку: «Если приснилось X, то в жизни произойдет Y». Ценостная составляющая входит в толкование (Y), но оценка в соннике присутствует не только в объяснении снов, но в определенной степени содержится и в самих образах. Оценка в

¹ Оценка (оценивание), по мнению Ядвиги Пузининой, состоит в «приписывании элементам x, у ... п позитивной или негативной ценности и/или установление определенных предпочтений между ними»: ценностью же для X является то, что он «осознает и/или воспринимает как хорошее» [Puzyńska 1989: 187–188]; см. также [Puzyńska 1992: 49].

² Подробнее об оценке и системе ценностей в соннике см. [Niebrzegowska 1996b].

³ Сонник как особый текстовый жанр более подробно охарактеризован в книге «Польский народный сонник» [Niebrzegowska 1996a].

толкованиях сонника выражается двумя способами: 1) эксплицитно — в категориях «хороший–плохой»: *A konie to gadajq, że dobrze* («Когда лошади, то говорят, что это хорошо»); *Zęby to niedobrze* («Зубы — это нехорошо»); *Jak Matka Boska się śni, to też mówią, że coś niedobrze będzie* («Когда снится Богоматерь, то тоже говорят, что произойдет что-то нехорошее»); 2) имплицитно — когда оценка в категориях «хороший–плохой» заключена в коннотациях соответствующих слов: *Jeśli śni się ogień, to będzie złodziej* («Если снится огонь, то быть вору»); *Czysta woda to płacz* («Чистая вода к слезам»).

Важной проблемой исследования является отношение между характеристикой образа и его оценкой в рамках толкования, поскольку один и тот же образ может оцениваться различно. Объяснения снов типа: 1) *Pies to ktoś szczeka. Jakis wróg; Pies to przyjaciel* («Собака — это значит, что кто-то лает. Какой-то враг»; «Собака — это друг»); 2) *Ogień — złodziej; Ogień śni się na pogodę, na słońce* («Огонь — вор»; «Огонь снится к хорошей погоде, солнцу»); 3) *Woda czysta — niedobrze, łzy; Woda czysta — coś dobrego, radość* («Чистая вода — плохо, слезы»; «Чистая вода — что-то хорошее, радость») выявляют сложную семантику слов *pies, ogień, woda* и т. д. Толкования в соннике опираются на стереотипные черты⁴, но из закрепленного в народной культуре реестра могут выбираться разные свойства. Отсюда и происходит приписывание одному образу из снов толкований с различным, зачастую противоположным знаком оценки. Оценка, таким образом, определяется в толковании. Собака — это животное, которое кусается и лает, охраняет дом и хозяйство от чужих и которое человек считает своим другом (ср. фразеологические обороты типа *zły jak pies* ‘злой, как собака’, *szczekać/gryźć jak pies* ‘лять/кусать, как собака’, *wierny jak pies* ‘верный, как собака’, *psia wierność* ‘собачья верность’, *psie przywiązanie* ‘собачья привязанность’). Интерпретации снов о собаке наследуют эту двузначность, поскольку такой сон может говорить о «друге», а также и о «вра-

⁴ О стереотипах см. [Bartmiński 1985, Bartmiński 2006], в том числе на русском языке [Бартминьский 2005].

ге» или «клевете» (в последнем случае с опорой на способность собаки кусать, лаять, что для человека будет означать «оговаривать», «сплетничать», «ссориться»).

Сон об *огне* в польском народном соннике толкуется как «солнце», «хорошая погода», «радость», но возможны такие интерпретации как «плохой человек», «вор», «ссора», «неприятности дома», «хлопоты», «болезнь». Это соответствует сложности стереотипа огня в народной культуре, поскольку огню приписываются следующие свойства: источник тепла, источник сияния, золотой или красный цвет, но также и способность уничтожать, поглощать людей, дом, все нажитое [Szadura 1996]. Одна группа черт связывает огонь с солнцем и ясной погодой, другая же — с вором и Сварожичем (*Swarożyc*), божеством огня и солнца, отличающимся сварливым характером (ср. польское диал. *swary* «ссора, склоки»).

Сон о *воде* в польском народном соннике толкуется иногда как «что-то плохое», «смерть», «слезы», в других же случаях как «что-то хорошее», «радость». Объяснения снов опираются на черты, приписываемые воде: она необходима для поддержания жизни, встречается в виде капель; при этом известно также и то, что вода обладает способностью уничтожать [Majer-Baranowska 1999]. Позитивная оценка сна о воде проистекает из положительных характеристик воды, а негативная основывается на свойствах воды как смертельно опасной стихии.

Различия в интерпретации образов сновидений и оценки их в толкованиях проистекают из содержательных, иногда противоречащих друг другу (реально или мнимо) характеристик, входящих в состав значения слов.

Закономерности в толковании снов легче выявить на примере образов, которым как бы на самом поверхностном уровне приписываются конкретные характеристики: напр.: *Trawa zielona to jest nadzieja* («Зеленая трава — это надежда»); *No, biały welon to dobrze* («Белая фата — это хорошо»); *Mieszkanie jeżeli sie śni, że jest brudne, zaśmiecone, brudne, że bałagan, brud, to też obmowa, plotki* («Когда снится, что в доме грязно, неубрано, что там грязь, беспорядок, то это наговоры, сплетни»). Здесь мы имеем два разных случая. В одном — в игру вступают типичные характеристики, закреплен-

ные в содержании стереотипа, например, травы, а в приведенном толковании выраженные эксплицитно (*zielona trawa*). Во втором случае — это характеристики нетипичные или менее типичные (*balagan w mieszkaniu*), воспринимаемые как дополнительные характеристики предметов. В народном соннике они часто оказываются более важными, чем сам предмет, к которому относятся, и именно они определяют способы интерпретации образа и знак оценки в толковании. Поэтому можно сделать вывод, что основой, на которую опирается толкование и заключенная в нем оценка, перестает быть сам предмет, а становится признаком этого предмета, эксплицируемый при помощи прилагательного. Признаки — типичные или нетипичные — приписываются предметам, выступающим в функции образов снов, ограничиваются небольшим набором. Этот набор базируется на нескольких четких оппозициях. Это **живой — мертвый** (напр., *żywe ryby* «живая рыба» — что-то хорошее, деньги, *martwe* «дохлая рыба» — потеря денег; *drzewo spróchniałe, powalone* «трухлявое, упавшее дерево» — покойник; *drzewo zielone* «зеленое дерево» — что-то хорошее, богатство, счастье; *kwiaty zwiedłe, żółknące, ciełe* «увядшие цветы, пожухшие, срезанные» — что-то плохое, болезнь; *świeże kwiaty* «свежие цветы» — развлечения, веселье; *zielony łan, zielona łąka, zielone zboże, zielenina, zieleń* «зеленое поле, зеленый луг, зеленые побеги, свежая зелень» — что-то хорошее; *zielone pole* «зеленое поле» — что-то хорошее; *puste pole* «пустое, голое поле» — покойник); **молодой — старый**, в том числе новый — старый, свежий — черствый (*stary dziadek* «старый дед» — просить подаяние, милостыню; *stara kobieta* «старая женщина» — болезнь; *stary grzyb* «старый гриб» — что-то плохое, смерть; *młody grzyb* «молодой гриб», *młoda panienka* «молодая девушка» — что-то хорошее; *biały świeży chleb* «свежий белый хлеб» — что-то хорошее, достаток в доме; *czerstwy chleb* «черствый хлеб» — бедность, лишения); **светлый — темный**, в том числе белый — черный (*jasna chmura* «белое облако», *jasne paciorek różańca* «светлые бусины четок» — что-то хорошее; *ciemne włosy* «темные волосы», *ciemne paciorek* «темные четки» — грусть, не приятности; *ciemne chmury* «темные тучи» — беспокойство; *ciemne chustki* «темные платки» — огорчение; *jasna chustka* «светлый пла-

ток», *jasne włosy* «светлые волосы» — радость; *biały welon* «белая фата», *biała chustka* «белый платок» — что-то хорошее; *biały gołęb* «белый голубь» — хорошее известие; *biała chorągiew* «белое знамя» — радость; *czarna suknia* «черное платье», *czarny welon* «черная вуаль», *czarne chorągwie* «черные знамена», *czarne jagody* «черные ягоды» — что-то плохое, грусть, огорчение, болезнь, смерть); чистый — грязный (*czysty rów* «чистая канава», *czysta krowa* «чистая корова», *czysta wódka* «чистая водка», *czyste ziarno* «чистое зерно», *ryby w czystej wodzie* «рыба в прозрачной, чистой воде», *czysta słonina* «белое, чистое сало» — что-то хорошее; *brudna bielizna* «грязное белье» — недоразумение; *brudne mieszkanie* «грязное, неубранное жилье» — наговоры, сплетни, *brudny rów* «грязная канава, ров» — болезнь; *brudna woda* «грязная вода» — болезнь, неприятность, наговоры, сплетни, неприятное известие, происшествие, мертвец, недоразумение, огорчение, слезы); толстый, жирный — худой, тощий (*tluste dziecko* «толстый, откормленный ребенок» — что-то хорошее; *tlusta krowa* «толстая корова» — благосостояние, здоровье; *tlusty koń* «откормленная лошадь» — компания; *chuda panna* «худая девушка» — что-то плохо; *chude dziecko* «худой ребенок» — болезнь; *chuda krowa* «тощая корова», *chudy koń* «тощий конь» — что-то плохо, бедность); зрелый — незрелый (*dojrzałe jabłka* «зрелые яблоки» — что-то хорошее; *niedojrzałe jabłka* «незрелые яблоки» — что-то плохо); целый — нецелый (*cale buty* «целые ботинки» — жених, поездка, знакомство, *dziurawy dach* «дырявая крыша», *woce dziurawe* «червивые фрукты», *podarte buty* «рваные ботинки» — что-то плохо, покойник, траты, неприятности); здоровый — больной (*zdrowe zęby* «здоровые зубы» — что-то хорошее, здоровье; *zniszczone zęby* «плохие, гнилые зубы» — болезнь); одетый — голый (*dziecko ubrane* «одетый ребенок» — хорошо; *dziecko gołe* «голый ребенок» — измена, неприятности); сырой — вареный (*surowe mięso* «сырое мясо» — счастье; *gołowane* «вареное» — болезнь); металлический — бумажный (*blaszane, srebrne pieniądze* «médные, серебряные деньги» — здоровье, радость, *papierowe pieniądze* «бумажные деньги» — траты, обман); уступчивый — агрессивный (*pies spokojny* «спокойная собака» — хороший человек, друг; *pies groźny, zły* «злая, опасная собака» — плохой человек,

враг); **красивый** — уродливый, некрасивый (*ładna panna* «красивая девушка») — счастье; *piękny koń* «красивый конь» — процветающее хозяйство; *piękny łan* «красивая нива», *piękne oczy* «красивые глаза» — что-то хорошее); **радостный, веселый** — грустный: (*radosne dzwony* «радостные колокола» — хорошее известие, *dzwony żałobne* «траурный, погребальный колокольный звон» — плохое известие, огорчение, похороны) и т. д.

Сопоставление бинарных оппозиций позволяет отметить определенные тенденции в толковании образов сновидений и их оценки в категориях хороший — плохой. Благодаря такому анализу можно понять, каким образом протекает процесс оценки в соннике, и выделить толкования, воспринимаемые народным интерпретатором снов как позитивные или негативные. В целом, то, что *живое, молодое, светлое, чистое, жирное, зрелое, целое, здоровое, одетое, сырое, металлическое, спокойное, красивое, радостное*, — сулит в реальной жизни хорошие явления: здоровье, долгую жизнь, счастье, радость, надежду, благосостояние, богатство, деньги, урожай, процветание, свадьбу, любовь, развлечения, встречу с друзьями, письмо, хорошие известия, друга. В свою очередь то, что в снах предстает как *мертвое, старое, темное, грязное, тощее, незрелое, нецелое, больное, голое, вареное, бумажное, агрессивное, уродливое, печальное*, — в реальной жизни предвещает что-то плохое: болезнь, несчастный случай, короткую жизнь, огорчение, печаль, слезы, несчастье, смерть, похороны, лишения, неудачу,траты, сплетни, беспокойство, недоразумение, наговоры, неприятности, неприятные известия, бегство, дальнюю дорогу, разрыв помолвки, измену, обман, врага и под.

Основываясь на проведенном ранее анализе, можно предпринять попытку реконструкции системы ценностей, содержащейся в народном соннике. Под ценностями я понимаю как то, что имеет знак плюс, хорошее, так и то, что имеет знак минус, плохое. Таким образом я выделяю позитивные и негативные ценности. Ценность, как пишет Зофья Зарон, это «особый способ существования предмета» [Zaron 1985: 19], она не зависит от самого предмета. Ее также нельзя отождествлять с предметом, его свойством или характеристикой [Scheler 1921: 32]. «По отношению к предмету, цен-

ностью которого является, она предстает своеобразной надстройкой, то есть все же чем-то таким, что из этого предмета вырастает, заключено в нем, определяется его свойствами» [Zaron 1985: 19]. Ценность является чем-то производным от предмета, чем-то, что в то же время придает этому предмету особую значимость, «придает предмету достоинство» [Ingarden 1970: 235]. Ценность, по Максу Шелеру, это то, что «информирует человека о добре, благе, поскольку добро обычно лежит в основе всей организации ценностных аспектов, проще говоря, ценностей, из которых каждая является отдельным аспектом этого добра» [Wojtyła 1986: 157]. Я. Пузынина показала, что ценность всегда является ценностью для кого-то [Puzynina 1989: 187–188].

На основе такого понимания ценностей и сопоставляя ценности, «транслируемые» в толкованиях народного сонника, можно выделить пять групп: 1. жизненные (витальные); 2. родственные им материально-бытовые, связанные с обеспечением основных потребностей существования; 3. общественно-поведенческие, связанные с функционированием человека в ближайшем окружении и сообществе; 4. ценности восприятия (гедонистические); 5. религиозные и моральные. Таким образом мы получаем своего рода «лестницу», иерархию ценностей сонника как жанра:

жизненные (витальные) ценности

1. **жизнь** (длинная) <-> **смерть** (близкая, неожиданная, родственника, среди близких родственников, у соседей, знакомого, невесты); умерший (среди близких родственников / покойник / труп / новый плакальщик; могила; гроб; кладбище; траур);
2. **здравье**, преодоление болезни <-> **болезнь в семье** (болячки, проблемы с желудком, зубная боль, кровотечение, опухоли, синяки, несчастный случай); больница;
3. **молодость** <-> **старость**.

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ЦЕННОСТИ

1. **богатство**; достаток (в доме); благосостояние; прибыль (большая выгода); спасение от потерь; успех в делах, выгодное дело; деньги; посылка; передача <-> **бедность**, просить милостыню; потеря

имущества или работы, урон; траты (даже небольшие и избыточные); кража, вор; алименты; долги; штраф; милиция;

2. **урожай**; счастье, удача в хозяйстве <-> неурожай; хозяйство в упадке.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

1. **счастье** в любви, в жизни <-> **нечастъе** в любви, в жизни;
  - 1a. **ухаживанія**, счастливое соперничество в любви, счастье для юноши, сватовство; обручение; вступление в брак; замужество, обручальное кольцо; свадьба <-> **разрыв помолвки**; жизнь старым холостяком / старой девой, долго ходить в холостяках / в девках;
  - 1b. супружество (крепкий союз) <-> развод;
2. **согласие**, оправдаться от сплетен; победить врага <-> **ссора** (большая, с соседом); стычка (напр., с мужем); недоразумение; несогласие; сплетни, наговоры; побои; суд; адвокат, прокурор, казенный дом, судебное разбирательство (казенные хлопоты, расследование в отношении члена семьи; тюрьма);
3. **милый гость**, полезная встреча, встреча с другом; появление мужчины, родственника, отца, брата; компания друзей; гости (прием гостей); развлечение, встреча с друзьями; семейное торжество; разговор (в особенности с мужчинами) <-> **незваный гость**, сдержать гостя; приезд тещи;
4. **хорошее известие** (новость); хорошее письмо <-> плохое известие (новость); казенное письмо.

ЦЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ (ГЕДОНИСТИЧЕСКИЕ)

- 1a. **счастье** (дома, в любви) <-> **нечастъе** (повсеместное несчастье); тревога; опасность; трагедия;
- 1b. **любовь** <-> **ненависть**, непостоянство в любви;
2. **радость** (большая); удовольствие; что-то веселое; веселое застолье; развлечения, сладкая жизнь <-> **печаль** (большая, дома, у дальних родственников), новый повод для печали; огорчение, вновь огорчения; неприятности (дома), жизнь, полная забот; заботы; угнетенное состояние духа; трудности (в жизни и дома); осложнения; большие препятствия; тяжесть на душе;

3. преодоление трудностей <-> страдание; муки; тяжелые переживания; сложности в семье;
4. успех <-> неуспех (на работе, в школе);
5. надежда <-> [отсутствие надежды];
6. смех <-> слезы.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

1. [Бог]/добро <-> дьявол/зло;
2. хороший человек <-> плохой (ложивый) человек, плохая женщина; враг; непорядочный приятель;
3. [хороший поступок] <-> плохой поступок, грех, богохульство.

Ценности в рамках групп формируют оппозиционные пары: жизнь — смерть, здоровье — болезнь, радость — печаль и под. В ряде групп можно выделить такие ценности, которые представляют собой понятийный центр, то есть являются наиболее прототипическими для данной группы [Pubynina 1992а: 41]. Как целые группы, так и отдельные ценности внутри групп существуют лишь в отнесенности к определенным адресатам⁵ и формируют иерархическую систему. Верхнюю позицию в иерархии ценностей сонника занимают жизнь, любовь и согласие. Высшую позицию занимают те ценности, которые упоминаются чаще других и которым приписывается самое широкое значение. Ими являются благосостояние и здоровье, на ступеньке ниже находится супружество — это основная ценность для молодых. На первом месте в сознании носителя народной культуры оказываются витальные и бытовые ценности, связанные с жизнью человека и его защитой.

Так же как в народном соннике, иерархию ценностей мы находим, например, в текстах пожеланий — в типичных формулах праздничных пожеланий, пожеланий на именины или свадьбу (здоровья, счастья и благополучия), в колядках, обращенных к хозяйке и хозяину или девушки и парню [Wężowicz-Ziółkowska 1983].

⁵ В устном соннике, так же как в других жанрах фольклора, ценности обладают контекстной относительностью, в частности с точки зрения пола, возраста, семейного и имущественного положения и т. п.

Между иерархией ценностей «повседневных» (иначе — наивных и народных, содержащихся в соннике или пожеланиях) и системой христианских ценностей, провозглашаемых церковью, существует значительная разница⁶: в первом случае на вершине иерархии оказываются жизнь и здоровье, во втором же — Бог и благие дела.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартмиński 2005 — *Бартмиński E.* Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М., 2005.
- Никитина 1995 — *Никитина С.* Шкалы ценностей в русском духовном стиже // *Folklor — sacram — religia / Praca zbiorowa pod red. J. Bartmińskiego, M. Jasińskiej-Wojtkowskiej.* Lublin, 1995. S. 145–156.
- Bartmiński 1985 — *Bartmiński J.* Stereotyp jako przedmiot lingwistyki // Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej III / M. Basaj, D. Rytel (red.). Katowice, 1985. S. 25–53.
- Bartmiński 2006 — *Bartmiński J.* Stereotypy mieszkają w języku. Lublin, 2006.
- Ingarden 1970 — *Ingarden R.* Czego nie wiemy o wartościach // *Studia z estetyki.* T. 3. Warszawa, 1970.
- Majer-Baranowska 199 — *Majer-Baranowska U.* Woda // *Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i red. J. Bartmiński.* T. 1. Kosmos. Cz. 2. Ziemia, woda, podziemie. Lublin, 1999. S. 153–234.
- Niebrzegowska 1996a — *Niebrzegowska S.* Polski sennik ludowy. Lublin, 1996.
- Niebrzegowska 1996b — *Niebrzegowska S.* Świat wartości sennika ludowego // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury.* 1996. S. 99–112.
- Puzynina 1989 — *Puzynina J.* Jak pracować nad językiem wartości? // *Język a kultura.* T. 2 / J. Puzynina, J. Bartmiński (red.). Wrocław, 1989. S. 185–198.
- Puzynina 1992a — *Puzynina J.* Język wartości. Warszawa, 1992.
- Puzynina 1992b — *Puzynina J.* O wartościach i wartościowaniu // *Wartościowanie w języku i tekście na materiale polskim i niemieckim / G. Falkenberg, N. Fries, J. Puzynina (red.).* Warszawa, 1992. S. 45–56.
- Scheler 1921 — *Scheler M.* Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Halle, 1921.
- Szadura 1996 — *Szadura J.* Ogień // *Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński.* T. I. Kosmos. Cz. 1. Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie. Lublin, 1996. S. 264–285.

⁶ На материале русского фольклора это показала С. Е. Никитина [Никитина 1995].

- Wojtyła 1986 — *Wojtyła K.* Wykłady lubelskie. Lublin, 1986.
- Wężowicz-Ziółkowska 1983 — *Wężowicz-Ziółkowska D.* Świat wartości kolędy życzącej // Literatura Ludowa. 1983. № 6. S. 31–41.
- Zaron 1985 — *Zaron Z.* Wybrane pojęcia etyczne w analizie semantycznej (Kochaj bliźniego swego). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985.

Польская публикация: *Niebrzegowska S.* Świat wartości sennika ludowego // Etno-lingwistyka. Problemy języka i kultury. 1996. S. 99–112.

Перевод О.Лешковой

M. A. Осипова
(Москва)

Ценности, деньги и дискурс

Сегодня в центре внимания лингвистов находится дискурс. «Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями...» [Кибрик 2009: 3]. А.А. Кибрик устанавливает следующие основания классификации дискурсов: по модусу (устному, жестовому, мысленному, письменному), жанру, функциональному стилю и формальности. О последнем таксономическом параметре (оппозиции формальности — «свойскости») говорится следующее: «Различие по формальности основано на характере социальных отношений между говорящим и адресатом» ([Там же: 14] со ссылкой на работу [Кодзасов 2002]). Этот же параметр имеет в виду О. Йокояма, когда говорит о модусах коммуникации «свой» — «чужой» (термин «модус» понимается этим автором и А. А. Кибриком по-разному): их оппозиция предполагает установку говорящего на адресата, которого говорящий воспринимает или как своего, или как чужого, что позволяет различать «две основные подсистемы русского литературного языка, в общих чертах совпадающие с подразделением на разговорную речь и кодифицированный литературный язык, предложенным Земской» ([Йокояма 1993: 452]; ср. [Yokoyama 1994]). Коммуникативные модусы «свой» — «чужой» производны от социальной идентичности человека.

Но дискурс, понимаемый как социально или идеологически ограниченный тип речевой практики, неразрывно связан также с ценностями, которые являются одним из его системообразующих признаков. Можно сказать, что сегодня общение в «своем» модусе происходит в частности между людьми, объединенными общими ценностями (см. статью по социальной идентичности «новых средних» [Осипова 2006]). Параллельно с изменением аксиологической картины мира меняется и языковая картина: факты языка приобретают новое содержание, так что языковые и речевые

инновации позволяют говорить о формирующемся либеральном достижительском дискурсе (см. подробно [Осипова 2007; 2008]). Наряду с дискурсом возможно говорить об «особых картинах мира, формируемых в рамках различных видов речевой деятельности, ориентированных на некую заданную систему ценностей» [Шмелев 2003/2005: 458]; о языковой картине мира обычно говорят в связи с лексикой.

Подчеркнем, что ценности говорящих не равнозначны языковой оценке. Традиционно лингвисты говорят об оценке, социологи — о ценностях, а социальные психологи — об аттитюдах. Интересно, однако, что лингвисты по крайней мере в скрытом виде ощущают необходимость принимать во внимание устойчивые аттитюды, включая информацию о них, например, в толковые словари. Так, нейтральные в языковом отношении слова в новом словаре польского языка [ISJP 2000] могут сопровождаться комментарием «употребляется с неодобрением» («używa się z dezaprobatą»). Именно так здесь подаются слова *konformizm* ‘конформизм’ и *konformista* ‘конформист’ [ISJP 2000/1: 662], хотя в социологии конформизм и нонконформизм — «описательные термины, нейтральные, не включающие в себя ни позитивной, ни негативной оценки» [Штомпка 2005: 294]; показательно, что, например, в американском английском *conformity* имеет значение ‘общепринятое поведение’ [Webster 2006: 293], иначе говоря — конформизм, и не имеет негативной оценки. Оценивание явлений *konformizm*, *konformista* в контексте современной польской культуры выведено за модальную рамку (в понимании Ю. Д. Апресяна) слова.

Ценности, являясь побудительным фактором в жизнедеятельности человека, влияют опосредованно — через смысл. Смысл всегда направлен на будущее, и имеет смысл только то, что ценностно значимо. Человек решает вопрос, который ставит перед ним социальная реальность: какое значение происходящее имеет для меня? В этом состоит поиск личностного смысла. И как ценности диктуются обществом, так и источником смыслов в конечном счете также является общество.

В условиях отсутствия доверия как социального капитала, социальной незащищенности человека, «вектором смысла» (квали-

смыслом) в сегодняшнем российском обществе стали деньги, хотя сами по себе они не являются ценностью. В практических решениях деньги диктуют и целеполагающий выбор (реализующий смысловые установки, порождаемые сопоставлением модели мира и ценностей), и целеобслуживающий выбор (определяющий адекватные условиям операции и ресурсы — в терминологии [Величковский 2006: 264]). Функцию денег как способа решения жизненных проблем (выражение *решать проблемы* само по себе предполагает использование денег) отражают обозначения вроде *откат, крышевание, наезд* (не имеющие нейтральных эквивалентов в публицистическом стиле речи, но вошедшие в новые словари [ТСРЯ 2006С]), *распил*.

Деньги служат основанием категоризации социального мира. Так, элита сегодня — это те, у кого есть деньги (как показал проведенный нами мини-опрос лиц с высшим образованием), ср. смежные относительно новые слова и понятия: *тусовка* — «это художественно-социальный проект, это сообщество, предпосылкой которого является уверенность, что со временем — причем очень скоро — оно получит признание власти и встроится в денежные потоки» [Мизиано 2002]; *гламур* (и его сниженное название — *понты*): современная эпоха определяется как эпоха *гламура* — манифестации денег, имеющей самостоятельную ценность.

Особенно показательна в социальных представлениях (понятие С. Московичи) россиян трактовка терминальных и инструментальных ценностей: свободы, созидательности (творчества), красоты, личностной автономии.

Свобода понимается прежде всего как материальная независимость, *свободные люди* — как независимые в денежном отношении. Понимания свободы как защищенности законом прав человека в российском обществе нет, ср. в частности результаты социологических опросов, приводимые в [Вовк 2005]. Здесь отмечается, что многие респонденты «увязывают понятия “свобода”, “свободный человек” с материальным благополучием — по их мнению и опыту, только деньги гарантированно обеспечивают сегодня независимость и возможность самореализации. Представление об иных процедурах — куда и как обратиться, а зачастую и первичное

представление о собственных правах, у большинства, как показали групповые дискуссии, отсутствует». В сфере речевой практики ср. характерную рекламу ювелирных украшений, предназначенных для «современных, свободных, креативных девушек и женщин» (Яндекс). Эта реклама предполагает своим адресатом женщин небедных, или креативных, т. е. умеющих найти наилучшие способы заработать, а также свободных — уже достигших этих результатов.

Видимо, приведенное выше понимание *креативности*, предполагающее, помимо творческого процесса, создание конечного продукта, который может принести доход (такое объяснение слова представлено на многих интернет-форумах), возникло на российской почве. Определение социального психолога, напротив, не включает этот компонент, ср.: «Понятие креативности получает статус, независимый от понятия творчества. Креативностью стали называть процесс, благодаря которому индивид или группа, поставленные в определенную ситуацию, вырабатывают новый или оригинальный продукт, соответствующий условиям и целям ситуации» [Абрик 2007: 207]. В том же духе понимается креативность, например, в [Paletz, Peng 2008], где рассматриваются ее проявления в различных культурах Востока и Запада.

Деньги служат основанием категоризации себя и Другого. Д. А. Леонтьев, говоря об индивидуально-специфических категориальных шкалах, служащих инструментом выделения, классификации и оценивания субъектом значимых характеристик объектов и явлений действительности, пишет: «Можно сказать, что атрибутивное смыслообразование — это высвечивание смысла объектов и явлений под углом зрения ценностей» [Леонтьев 2007: 214], «смыслообразующую функцию здесь по сути выполняют сами параметры оценивания, оценка по которым является значимой для определения места и роли объекта или явления в жизнедеятельности субъекта» [Там же: 215].

Еще недавно только о Другом можно было сказать, что человек *успешен*, подобно тому, как только Другого можно назвать *героем* или *гением*: героизм и гениальность находятся за рамками индивидуальной телесологичности, в них не виден смысл в перспективе

индивидуальной судьбы и к ним вряд ли можно стремиться. Это слова из лексикона наблюдателя: о Другом человек говорит в терминах социальной оценки (социального смысла), о себе же — в категориях ценностей (личностного смысла). Психологической же категорией, которая объединяет ценностное описание себя и описание в социальных терминах Других, является смысл.

Современные употребления вроде *Я успешен / успешна* свидетельствуют о том, что успешность, понимаемая прежде всего как умение заработать деньги, стала не только социальной, но и личностной ценностью [Осипова 2008]. Иными словами, успешность стала социальным фактом, а соответствие социальным стандартам — ценностью, свидетельством умения справляться с проблемами («вызовами»), жизнеспособности. В категории успешности социальная оценка смыкается с индивидуально-психологической: различия категориально-смысловых шкал в их соотнесенности с миром «Я» или миром «Другой» оказываются подвижными, поскольку меняются признаваемые обществом и индивидом ценности.

Допустимая автореферентность высказываний и сочетаний вроде *Я эффективна, амбициозна, честолюбива, креативна; моя карьера* говорит о том, что люди стали видеть индивидуальный смысл в категориях профессионализма, честолюбия, креативности, без которых невозможно денежно выраженное достижение [Осипова 2011].

Далее, напомним, что в теории личности А. Маслоу такие категории, как красота и самодостаточность, относятся к высшим, бытийным ценностям. Однако, как отмечает Т. М. Николаева [Николаева 2010: 54], если раньше было принято говорить о красоте человека, то в сегодняшнем узусе речь идет о сексуальности: «Красота принадлежит только ее обладателю, тогда как сексуальность рассчитана на Другого». Можно сказать, что сексуальность предполагает успех у Другого и имеет маркетинговую значимость (о маркетизации дискурса см. [Ратмайр 2004]). В том же направлении меняется и значение слова *самодостаточный*. А. Маслоу понимал под самодостаточностью внутреннюю независимость человека, его целостность и способность к развитию. По наблюдению

же И. Левонтиной [Левонтина 2010], в современной российской речевой практике *самодостаточный, самодостаточная* значит ‘без материальных проблем’, ср. объявления вроде Умная, привлекательная, самодостаточная, сексуальная девушка желает познакомиться <...> для серьезных отношений.

То, что индивид говорит не о счастье, а об успешности, не о творчестве, а о креативности, не о красоте, а о сексуальности, причем в применении к самому себе, свидетельствует о том, что изменилась общепринятая ценностно-категориальная шкала.

Давно не видевшиеся добрые знакомые ревниво задают друг другу первый вопрос (его смысл должен быть без предисловий понят собеседником): «А ты, наверное, деньги лопатой гребешь?» Ср. использование этой же категории для характеристики состояния дел третьего лица: «Она деньги лопатой гребет»; «У него деньги есть». Предметом обсуждения становятся: наличие – отсутствие денег; их количество в пределах «мало – много – совсем много»; источник денег. Все эти характеристики используются людьми, которые считают, что у них самих денег недостаточно.

Люди, имеющие деньги, если и говорят о них, то в иных контекстах. Так, в речи предпринимателей тема денег звучит в тесной связи с понятием дела в ситуациях делового профессионального общения; концепт «деньги» в сфере неделового общения реализуется опосредованно в идеи свободы от них [Милехина 2006: 121]. «Предприниматели редко говорят о деньгах как о собственности. Это одна из “закрытых” тем, которая открывается только для очень близких людей» [Там же: 133].

Цитируя американского социолога Р. Инглхарта, А. Фенько пишет, что «люди, выросшие в достатке, усваивают убеждение в том, что деньги – это не та проблема, о которой следует сильно беспокоиться» [Фенько 2005: 391]. В современном российском обществе, однако, мало кто может похвастаться субъективным ощущением прочности достатка, так что причиной умолчания скорее всего является страх.

Воспользуемся далее понятием смыслового конструкта, который Д. А. Леонтьев определяет как «устойчивую категориальную шкалу, представленную в психике субъекта на уровне глубинных

структур образа мира, выражающую значимость для субъекта определенной характеристики (параметра) объектов и явлений действительности (или отдельного их класса) и выполняющую функцию дифференциации и оценки объектов и явлений по этому параметру, следствием которой является приписывание им соответствующего жизненного смысла» [Леонтьев 2007: 217]. Обычно смысловые конструкты бинарны, как например: «Моя мать хорошая; эта женщина похожа на мою мать — эта женщина хорошая» — и, соответственно, наоборот: «Эта женщина не похожа на мою мать — эта женщина плохая».

Речевая практика — факты номинации и дискурса — показывает, что в жизнедеятельности россиян сформировался типовой смысловой конструкт «ведущее к деньгам (включающее деньги); то, к чему следует стремиться; хорошее» в противопоставлении «не ведущее к деньгам (не включающее деньги); то, к чему не следует стремиться; плохое». Этот конструкт вездесущ, поскольку именно в соответствии с ним определяется смысл любого объекта; он характеризует состояние и личности, и общества. По замечанию Д. А. Леонтьева, «достаточно непосредственная связь смысловых конструктов с потребностями и личностными ценностями открывает путь косвенной диагностики последних» [Леонтьев 2007: 219].

С «денежным» смысловым конструктом связаны социальные представления (по С. Московичи) и, соответственно, то, как мы сегодня говорим: категоризация действительности (наименования *откат, наезд* и под.) и трактовка важнейших понятий (как свобода и красота, самодостаточность), выражаясь в частности в сочетаемости слов; то, о чём говорят (как, например, содержание первой реплики в диалоге) или, наоборот, умалчивают россияне. И если культура — это способ полагания смыслов, то можно говорить о типовом смысловом конструкте как актуальной доминанте данной культуры, показывающей в частности характер установившихся оснований деятельности.

Сам смысловой конструкт можно назвать опосредующим звеном между ценностями индивида и речевой практикой. Аналогичным образом опосредующее звено между социальной иден-

тичностью носителя языка и дискурсом составляет коммуникативная оппозиция «чужой—свой» (хотя и не являющаяся научной категорией), о чём шла речь в начале этой заметки.

Смысловые конструкты никогда не будут равнозначны для всех представителей одной культуры. Приведем слова А. Маслоу: «Единственный известный способ предотвратить искажение нашего восприятия природы, общества или самих себя с помощью человеческих ценностей — постоянно осознавать эти ценности, понимать их влияние на восприятие и, благодаря такому пониманию, вносить соответствующие коррективы» [Маслоу 2006: 245]. Напомним: ценности выполняют смыслообразующую функцию именно в позитивной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрик 2007 — *Абрик Ж.-К.* Креативность групп (Глава 6) // Социальная психология / Под ред. С. Московичи. 7-е изд. М., 2007. С. 207–226.
- Величковский 2006 — *Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. Т. 2. М., 2006.
- Вовк 2005 — *Вовк Е.* Свобода, свободы и свободные люди в России: взгляд «человека с улицы». Фонд «Общественное мнение» (www.fom.ru), 24.03.2005.
- Йокояма 1993 — *Йокояма О.* Оппозиция свой — чужой в русском языке // American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Literature. Linguistics. Poetics. Columbus: Ohio, 1993. P. 452–459.
- Кибрик 2009 — *Кибрик А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. №2. С. 3–21.
- Кодзасов 2002 — *Кодзасов С. В.* Категория «свой/чужой»: семантика и фонетика // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной конференции. М., 2002.
- Левонтина 2010 — *Левонтина И.* Скромное обаяние нормы // Троицкий вариант. 19.01.2010 (<http://trv-science.ru/2010/01/19/skromnoe-obayanie-normy/#more-2584>).
- Леонтьев 2007 — *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М., 2007.
- Маслоу 2006 — *Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд. М., 2006.
- Мизиано 2002 — *Мизиано В. А.* «Тусовка» как социокультурный феномен // Художественная культура XX века. М., 2002. С. 352–363.

- Милехина 2006 — *Милехина Т. А.* Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур). Саратов, 2006.
- Николаева 2010 — *Николаева Т. М.* Личность. Семья. Общество. Конфессиональные позиции: полувековая динамика концептосферы // Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. М., 2010. С. 52–56.
- Осипова 2006 — *Осипова М. А.* Социальная идентичность и дискурс людей среднего класса // Культура сквозь призму идентичности / Отв. ред. Л. А. Софонова, Н. М. Филатова. М., 2006. С. 59–71.
- Осипова 2007 — *Осипова М. А.* Речь «средних русских»: аксиологические изменения // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М., 2007. С. 347–356.
- Осипова 2008 — *Осипова М. А.* Успех, удача и ошибки атрибуции // Категории жизни и смерти в славянской культуре / Отв. ред. М. В. Лескинен, Л. А. Софонова. М., 2008. С. 25–47.
- Осипова 2011 — *Осипова М. А.* Категоризация себя и другого (автореферентность сочетаний мой успех, я успешна) // Вопросы культуры речи. Вып. X / Под ред. А. Д. Шмелева. М., 2011. С. 31–36.
- Ратмайр 2004 — *Ratmair P.* Процесс «маркетизации» дискурса (на примере становления концепта «качество жизни») // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 640–653.
- ТСРЯ 2006 — Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2006.
- Фенько 2005 — *Фенько А.* Люди и деньги: Очерки психологии потребления. М., 2005.
- Шмелев 2003/2005 — *Шмелев А. Д.* Сквозные мотивы русской языковой картины мира // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 452–466 (1-е изд.: Русское слово в мировой культуре. СПб., 2003).
- Штомпка 2005 — *Штомпка П.* Социология: Анализ современного общества. Пер. спольск. М., 2005.
- ISJP 2000 — Inny słownik języka polskiego / Р.г. M. Bańko. T. 1, 2. Warszawa, 2000.
- Paletz, Peng 2008 — *Paletz S., Peng K.* Implicit Theories of Creativity Across Cultures: Novelty and Appropriateness in Two Product Domains // Journal of Cross-Cultural Psychology. Vol. 39. 2008. № 3. P. 286–302.
- Webster 2006 — Webster's New World College Dictionary / V. Neufeldt (ed.). Third edition. Macmillan: USA, 1996.
- Yokoyama 1994 — *Yokoyama O.* Speaker Imposition and Short Interlocutor Distance in Colloquial Russian // Revue des Études Slaves. Vol. LXVI/3. 1994. P. 681–697.

M. Еленевская
(Ленинград — Хайфа)

Дорогие наши столицы: образ российского мегаполиса в Рунете

Место — это пространство, наделенное значением — утверждают психологи, географы и социологи [Levicka 2008: 211; Norberg-Schulz 1984: 5; Relph 1976: 8–26; Tuan 1977: 6, 179]. Из всех типов обжитого человеком пространства наибольшая концентрация значений и смыслов аккумулируется в городе, который, по мысли Лотмана, может выполнять функцию «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман 1996: 282]. Особенno справедливо это в отношении городов, которые в силу своей роли в истории и культуре приковывают внимание и заражают харизмой даже тех, кто никогда не бывал в них. Именно таким магнетизмом обладают Москва и Петербург. Наверное, каждому жителю России, а также многим за ее пределами, известно, что взаимоотношения и конкуренция двух крупнейших российских городов стали отдельной темой русской культуры. Споры об их сходстве и различиях, а также о преимуществах друг перед другом не затихают вот уже 300 лет. Эти споры не только способствовали формированию стереотипных представлений о стиле жизни, поведенческих моделях и характерологических особенностях их жителей, но и сделали их выразителями разных ценностей¹. Естественно, что групповые ценности — это не константа, и их шкала меняется, особенно в период социальных потрясений. Вместе с тем, сдвиги в так называемых адаптивных элементах культуры (тради-

¹ Ценности в данной работе понимаются как эксплицитные или имплицитные понятия и представления индивида или группы о желаемом. Эти представления используются в качестве критериев при выборе средств и целей действий, а также при оценке событий, поступков и людей, включая самооценку (см.: [Kluckhon et al. 1951: 395; Rokeach 1972: 3; Schwartz 1992: 1]).

циях, нормах, ценностях, отношениях и социальных институтах) происходят значительно медленнее, чем перемены в материальных условиях жизни [Pettersson, Esmer 2008: 4]. Оживление дискуссии о Москве и Петербурге, наблюдаемое в последнее десятилетие, непосредственно связано с культурными сдвигами, произошедшими в России после распада СССР, и цель данной статьи проследить, как эта тема представлена в новом для нее коммуникативном пространстве — Рунете.

Выбор канала не случаен. Начнем с того, что, когда объектом исследования является какая-либо социально значимая тема, анализ Интернет-ресурсов дает возможность изучить ее в разных аспектах, так как дает доступ к огромному массиву текстов разных жанров. Помимо этого, он позволяет исследователю «услышать» такое разнообразие голосов, которое практически невозможно зафиксировать в процессе традиционной полевой работы. Благодаря веб-архивам многие материалы остаются в сети годами, а потому позволяют проследить динамику обсуждений. И, наконец, сегодня для многих людей общение в Интернете является излюбленным средством самовыражения [Каргин, Костина 2007: 11–12], так как анонимность и использование масок позволяют Интернет-пользователю преодолеть страх быть осмеянным или раскритикованным за свои взгляды, оценки и высказывания, какими бы парадоксальными или политически некорректными они не были.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили интернет-страницы, отобранные с помощью поисковой системы Яндекс. В качестве ключевых слов были выбраны четыре фразы, которые дали следующие результаты:

- Москва — Питер: 119 миллионов страниц²

---

² Сбор материала проводился в феврале–марте 2011 года. Когда те же ключевые слова были заданы в августе 2011 года, количество страниц в рубриках значительно увеличилось: соответственно 240 миллионов, 3 миллиона, 912 000, 318 000, однако часть страниц, содержащих дискуссии, отодвинулась, оказавшись за пределами первой сотни в соответствующей рубрике.

- Москва – Санкт Петербург, противостояние: 1 миллион страниц
- Москва и Питер; соперничество 331 000 страниц
- Факты о москвичах и питерцах: 132 000 страниц

Просмотрев первые 100 сайтов в каждой рубрике, я отобрала 20, в которых сопоставление Москвы и Петербурга были основной темой. В качестве критерия отбора выступала сильная позиция в тексте: заглавие, начало и конец текста / дискуссионной ветки, а также лексические повторы. Хотя поиск велся по критерию «релевантность», в первой, наиболее нейтральной рубрике, оказалось много страниц, либо совсем не имеющих отношение к интересовавшей меня теме (например, расписание поездов), либо касающихся взаимоотношения городов лишь вскользь. Особо отмечу, что во второй рубрике оказалось обилие статей, посвященных спортивному «противостоянию» двух городов, где соревнования команд рассматривались как часть более широкой конкуренции. Детальный анализ отобранных страниц добавил к выборке еще 48 сайтов, так как многие участники неформальных дискуссий давали ссылки на другие веб-страницы по теме. Такой способ сбора материала аналогичен методу «снежного кома» в традиционной полевой работе, когда первые информанты помогают исследователю найти новых, а те в свою очередь продолжают расширять круг желающих участвовать в проекте.

Для определения тем, доминирующих при сопоставлении городов, использовался мотивный анализ, а для выявления тропов – текстологический. Жанровый анализ продемонстрировал обилие форматов: очерки, репортажи, интервью, транскрипты радио- и телепередач, рекламные тексты, подборки стихотворений и популярных песен, образцы школьных сочинений и курсовых работ, афоризмы, анекдоты и юмористические перечни, опросы и тесты, полilogи участников форумов и блогов, а также комплексные мультимедийные ансамбли, комбинирующие текст и фото- и видеоматериалы. Перечень жанров указывает на популярность темы как на официальных веб-страницах (сайты газет, журналов, телеканалов и коммерческих компаний), так и на неофициальных (блоги, чаты и форумы сообществ по интересам). География выборки также весьма разнообразна. Помимо москвичей и петербуржцев, среди

участников обсуждений — жители различных городов России, от Мурманска до Владивостока, а также ближнего и дальнего зарубежья. Так, например, в дискуссии, проведенной русской службой БиБиСи, принимали участие пользователи из России, Белоруссии, Великобритании, Китая, Израиля, Латвии, Финляндии, США, Украины и Эстонии (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/talking_point/newsid_2932000/2932056.stm, 15/03/2011³). Тема обсуждалась на форуме русскоязычных программистов в Германии (<http://it-ru.de/forum/viewtopic.php?t=73825>, 05/04/2011) и на форуме портала «Русский Дом в Норвегии» <http://www.dom.no/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&file=viewtopic&t=10601>, 05/04/2011). Русскоязычные жители различных стран принимали деятельное участие и в других форумах, рассказывая о восприятии Москвы и Петербурга в диаспоре и об отношениях между выходцами из этих городов вдали от России.

Города-соперники: между идентичностью и коммодификацией

Хронологически первые тексты в моей выборке относятся к подготовке 300-летнего юбилея Петербурга. Уже тогда на сайтах различных изданий СМИ появились броские заголовки, подчеркивавшие соперничество городов. Так, «Независимая газета» опубликовала статью «Питер не собирается уступать Москве», которая начиналась утверждением, что губернатор Санкт-Петербурга В. Яковлев намерен затмить торжества, организованные Юрием Лужковым по поводу 850-летия Москвы» ([Закатнова 2001], http://www.ng.ru/events/2001-02-08/2_piter.html, 10.02.2011). Другой характерный пример — аналитическая статья «Трехсотлетие Санкт-Петербурга минует региональная ревность», опубликованная в газете «Деловой Петербург». Вопреки примирительному заголовку, автор рассказывал о том, что масштабность празднования вызвала «естественную ревность» в регионах и в столице, а потому необходимы усилия для того, чтобы создать позитивный имидж юбилея (<http://www.dp.ru/?ArticleID=22f8581f>

³ Даты после адресов сайтов указывают, когда они просматривались.

сааа-480e-a3b7-e57d6c3b1aad, 25.03.2011). Подлили масло в огонь и дискуссии о перемещении столицы или некоторых ее функций в Петербург. В этот же период появляются спецвыпуски журналов, ток-шоу и интервью с известными политиками, учеными, журналистами и звездами шоу-бизнеса, посвященные взаимоотношениям двух городов. Интересным примером этого жанра стала программа Светланы Сорокиной «300 лет спустя» в цикле «Основной инстинкт», где споры политиков, ученых и шоуменов дополнялись музыкой и кадрами популярных фильмов (транскрипт программы также размещен в Интернете <http://tvoygолос.narod.ru/oi/2003.05.27.htm>, 05/02/2011). В то время как одни авторы акцентировали противостояние городов, как, например, Мария Соловцева в фильме «Живая история: прохладная война, Москва – Петербург»; другие обращали внимание на то, что разница между ними лишь подчеркивает их взаимное притяжение. Не случайно и спецвыпуск Петербургского журнала «Собака» (<http://www.sobaka.ru/index.php?path=magazine/8>, 05.02.2011), и отчет о выставке московских фото художников в честь юбилея (В. Канавин, <http://www.itogi.ru/pda/archive/2003/35/86826.html>, 10.02.2011) были озаглавлены: «300 лет вместе»⁴. Помпезность широко транслировавшихся торжеств, а также вовлечение в дискуссию знаменитостей способствовали привлечению внимания к ней и рядовых Интернет-пользователей.

Интернет-ресурсы свидетельствуют о неослабевающем интересе к теме взаимоотношений Москвы и Петербурга в системе образования. Участники форумов нередко вспоминают, что «проходили» эту тему на уроках литературы и истории⁵. О том, что «образы двух столиц» остаются популярными у учителей, можно судить и

⁴ Аллюзия на книгу А. Солженицына была использована и в других юбилейных проектах, прежде всего тех, которые были посвящены роли этнических меньшинств в истории Петербурга и подчеркивали его космополитизм.

⁵ Важность темы взаимоотношений Москвы и Петербурга для воспитания у детей любви к родному городу осознана и отмечена краеведческой студией для детей «Москвоходы», включившей в рекомендованную для изучения литературу хрестоматийные издания последних лет. «Изучая эти материалы, в частности петербургские тексты, мы лучше будем узнавать и Москву», — считают руководители проекта (http://moskvohod.ucoz.ru/index/moskva_i_peterburg/0-22, 15.09.2011).

по тому, что расплодившиеся в последние годы сайты, предлагающие шпаргалки для экзаменов, курсовые работы и даже дипломы, включили ее в свой «ассортимент». Выложенные для бесплатного пользования сочинения бойко излагают на двух-трех страницах идеи классиков (от Пушкина до Чехова), переписывая целыми абзацами размещенные в Интернете статьи, при этом иногда перевиная названия городских топонимов (так, в одном из прочитанных мною сочинений арка Главного штаба на Дворцовой Площади в Петербурге превращается в арку «Галерного» штаба). Такие сайты не только тиражируют фактические ошибки, упрощенный взгляд на историю и литературу, но и превращают получение образования в фарс, убеждая «потребителей» в том, что им помогут получить зачет без труда, не прибегая к plagiarism!¹⁶

В 2005 году популяризации темы взаимоотношений Москвы и Петербурга способствовали лингвисты. Союз переводчиков России «Ассоциация лексикографов “Lingvo”» опубликовала «Московско-Петербургский словарь» лексических различий, включающий 76 статей (http://lingvoda.ru/dictionaries/dictInfo_window.asp?dictId=130, 10/03/2011). Региональные речевые различия обсуждались языковедами и ранее (см., например, статью [Беликов 2004]), в которой рассматриваются некоторые лексические пары, зафиксированные в словаре). Но именно этот, первоначально размещенный в Интернете, а затем выпущенный в бумажном варианте словарь, приобрел большую популярность у широкой публики благодаря широкому освещению в СМИ¹⁷. Журналисты подключили к обсуждению маститых лингвистов, пытаясь выяснить у них, какой из вариантов «правильней», но, как и следовало ожидать, не смогли

¹⁶ См. образцы сочинений на http://sochinenie.blogspot.com/2011/01/blog-post_6239.html, <http://www.litra.ru/composition/get/coid/00091401184864031675>, <http://www.testsoch.net/kak-xochetsya-pobyvat-v-svetskom-peterburge-ili-v-kupecheskoj-moskve/>, 25/07/2011.

¹⁷ Статьи о словаре были напечатаны и размещены на сайтах «Российской Газеты» (<http://www.rg.ru/2005/06/21/slovarj.html>), «Новых Известий» (<http://www.newizv.ru/culture/2005-06-23/26804-di-kaprio-razmozhili-lico-izdan-moskovsko-peterburgskij-slovar-ledokol-lenin-stanet-muzeem.html>), «Аргументов и Фактов» (http://gazeta.aif.ru/_online/moskva/516/05_01), «Комсомольской Правды» (<http://www.kp.ru/daily/23535/41447/>).

получить однозначного ответа. Хотя отмеченные различия весьма незначительны и часть из них относится к периферийной лексике, они также были вписаны в контекст противостояния городов. Это подчеркивают заглавия статей, например, «Тротуар против панели» [Новоселова 2005], «Что москвичу – батон, то питерцу – булка» [Писаренко 2005] «Что питерцу – бодлон, то москвичу – водолазка» [Воротников 2005], «Как москвич с питерцем общий язык искали» (<http://www.moscowtnt.ru/instructions/know/1624.html>, опубликовано 20.06.2005, просмотрено 20.07.2011). На значение лексических различий для ориентации в двух городах указывают и приведенные в статьях примеры якобы произошедших курьезов вследствие незнания региональных соответствий.

Публикация словаря вызвала заметное оживление любительских лингвистических изысканий в форумах и блогах. Обсуждались исторические и социальные корни различий. Делались попытки объяснить этимологию вариантов, проследить изменения в использовании лексем, а также составить собственные словарники с объяснениями. Увлеклись этим занятием не только посетители различных форумов любителей русской словесности, но и члены таких, казалось бы, далеких от языка групп, как любители автомобилей (<http://www.ladyauto.ru/index.php?mod=10&id=719>); участники «фан-фиков» по мотивам книг Александра Дюма (отца) (<http://dumasfera.forum24.ru/?1-0-20-00000037-000-0-1269109630>); интересующиеся управленческим учетом (<http://aav.ru/smile/mospit.shtml>, 24.03.2011), и другие. Жители провинции, принявшие участие в обсуждениях, внесли свой вклад комментариями по поводу употребления дискутируемых лексем в их городах и привели примеры разнообразных региональных вариантов. Особо надо отметить, что самые оживленные дискуссии развернулись не вокруг названий предметов обихода, нового сленга, или новых технологий, а по поводу слов, обозначающих различные хлебобулочные изделия. Во многих комментариях содержались экскурсы в историю семьи; примеры оборотов, услышанных от бабушек, заброшенныхвойной вдалекие края; а также уменьшительные названия разнообразной выпечки, употреблявшиеся в детстве. Этот материал, представляющий несомненный интерес для этнолингвистов, еще раз свидетельствует

о том, что и сегодня хлеб остается одним из важных концептов в русской языковой картине мира. Приходится также признать, что живой интерес к языку и меткие замечания лингвистов-любителей часто сочетаются не только с обычными для таких размышлений «смелыми» этимологическими догадками (см. по этому поводу [Зализняк 2010: 7–47]), но и с обилием грамматических и орфографических ошибок, характерных для скоростного письма Интернет-пользователей, не слишком требовательных к употреблению языка.

По материалам словаря был составлен он-лайн тест «Москвич или Петербуржец» (<http://aeterna.qip.ru/test/view/6050/>, автор *Zlondinka*, размещен в сети 21.09.2006, просмотрен 20.03.2011). На него даются ссылки во многих форумах, и в течение нескольких лет он рассыпался по электронной почте. Так, я неоднократно получала его в 2006–2007 гг. от друзей, проживающих в России, Германии, Греции, Израиле и США. По результатам ответов, каждый пользователь, выполнивший тест, оказывался либо в орбите Москвы, либо Петербурга:

- **Может, вы и живете в другом городе, но москвичи примут вас за своего.**

Даже если ваша внешность далека от среднерусской, ваши шансы выжить в Москве заметно выше. По крайней мере, вам не так часто придется слышать в свой адрес «Понаехали!»⁸.

⁸ Распространенность восклицания «Понаехали тут!» привела к деривационным процессам, например, *понаезжать*, *понаеду*, *понаехавший*. Последнее новообразование стало особенно популярным. Так, Михаил Бару назвал книгу рассказов о Москве «Записки понехавшего». Это вдохновило и других Интернет-пользователей озаглавить так свои заметки о жизни вне дома. Фольклор отреагировал на превратившуюся в клише фразу анекдотами. Приведем один из них:

«— С начала 19 века количество людей на планете выросло с одного миллиарда до шести с лишним.

— Вот же понехали...»

Наконец, в сети появилась онлайн-игра «Понаехали тут», которую рекламирующий ее сайт характеризует как «юмористическую и очень циничную» (<http://www.moswar.ru/>, 17.09.2011).

- Может, вы и живете в другом городе, но у вас язык истинного петербуржца.

И пусть они там смеются над «курой-гриль» и хрестоматийным «потребриком» — вы выше этого. Вы навсегда — житель культурной столицы, даже если сейчас вы далеко от дома⁹.

Хотя тест проверяет лишь речевые привычки, выдаваемый тестируемому результат не связан с оценкой лингвистических фактов, а дает два схематических портрета. Москвичу приписываются такие качества, как нетерпимость к чужакам, привычка к жесткости бытия, заставляющей не жить, а выживать¹⁰ и снисходительно-насмешливое отношение к жителям Петербурга. Петербуржец же предстает как человек, для которого его город навсегда остается домом, а отличается он от других не только речью, но и умением игнорировать насмешки.

Это не единственный пример того, что с речевых различий Интернет-пользователи переходят к критике Москвы и москвичей:

- Сегодня услышал по радио. Готовиться к изданию Московско-Петербургский разговорник. Лингвисты всерьез озабочены значительными различиями в разговорной речи сих субъектов. Зачастую москвич, приехавший в Питер, не понимает, о чем говорят питерцы, и наоборот. <...> Дожили москвичи — их даже в Питере не понимают, что уж о провинции говорить! А необходимость в разговорнике Москва — Россия назрела уже давно. Ну, не понимаем мы, провинциалы, москвичей!!! И не только разговорную речь не понимаем...

<http://www.bibo.kz/kipa/354490-iikne-ljub-jat-pitercy-moskvichejj-bfs-nu-tak-my.html>,
20/03/2011

Раздражение, которое вызывает столица у жителей провинции, а особенно небольших городов не раз обсуждались в урбанистике [Ахметова 2007; Донован 2010; Трубина 2011: 11–13]. В Интернет-

⁹ Здесь и далее при цитации интернет-источников авторский стиль орфография и синтаксис сохраняются.

¹⁰ Глагол *выживать* ни разу не употребляется в применении к Петербургу, но часто, когда говорят о Москве: «Москва город жестокий. Тут не все выживают», «Дорогие москвичи! Вы любите Москву? Расскажите за что! Или миритесь жизнью среди миллионов? Поделитесь секретом выживания».

форумах, ввиду анонимности, такие суждения высказываются особенно резко, что часто приводит к флеймингу, то есть словесным перепалкам, в которых участники публично обмениваются агрессивными и оскорбительными репликами.

В 2007 году дискуссия о соперничестве Москвы и Петербурга получила новый импульс после появления в сети юмористических перечней «15 фактов о питерцах» и «10 фактов о москвичах». Жанр юмористического перечня (в англоязычной литературе “comic lists”) является разновидностью офисного фольклора, ставшего популярным на Западе в 70-е годы прошлого столетия благодаря широкому распространению фотокопировальных машин и факса [Dundes, Pagter 1989]. Так как в России эта аппаратура стала доступной лишь в постсоветский период, юмористические перечни приобрели настоящую популярность лишь с возникновением сетевого фольклора (см.: [Радченко 2010; Yelenevskaya, in press]). Юмористические перечни бывают сочинениями одного автора, а иногда представляют собой результат коллективного творчества членов сообщества, нанизывающих строчки одну за другой. Постепенно удлиняющийся перечень обсуждается, корректируется и в случае успешности распространяется в сети и может циркулировать годами.

«Факты» о москвичах и питербуржцах представляют их как оппонентов. Московский перечень был написан в ответ на питерский, поэтому оба оперируют приблизительно теми же категориями и эксплуатируют знакомые стереотипы «культурных» питербуржцев и «зазнавшихся» москвичей. Оба перечня существуют в нескольких вариантах, хотя создаваемый ими портрет «типичного» москвича / питерца акцентирует одни и те же черты. Верные фольклорной традиции, оба персонажа, выступающие «другим» по отношению к повествователю, демонстрируют ограниченность, эгоцентричность и кичливость своей избранностью [Davies 1990: 43–82]. Ограниченность проявляется в отсутствии интереса к чужому пространству или незнании географии, что часто характеризует чужака-неучу в современном русском анекдоте [Yelenevskaya 2009]. В портрете москвича подчеркивается забота о том, чтобы не пропало даром ни минуты времени, а в портрете питербуржца —

страсть к музеям. Как отдельная категория, характеризующая город и его жителей, выступает климат. Несмотря на то, что из-за проблем с экологией и климатических изменений, разница в погодных условиях в Москве и Петербурге заметно сократилась, петербургский моросящий дождь, серые туманы и леденящий ветер остаются популярной темой обсуждений и важными чертами городского портрета, что еще раз подтверждает связь климата и привязанность к месту [Клез 2005]. Хотели того авторы перечней или нет, но оба карикатурных персонажа предстают страстно влюбленными в свой город — черта, которая не могла не остаться незамеченной читателями, и заслужила много одобрительных комментариев. В целом, хотя авторы перечней и пытались создать два контрастных портрета, результат обнаруживает больше сходств, чем различий. Проиллюстрируем это выдержками из обоих перечней:

- Большинство питерцев уверено, что севернее Питера ничего нет, а Мурманск — это мифическая страна вроде Атлантиды или Лапландии.
- Большинство питерцев уверено, что кроме Питера в России музеев больше нигде нет.
- Солнца нет — это плод большой фантазии москвичей — вечно они хотят чем-то выпендриться.
- Ночей тоже не бывает. А небо всё время серого цвета. Просто у москвичей скрытые комплексы.
- Венеции не существует — это прообраз райского Питера.
- Избранный народ — это не евреи, это питерцы.

<http://denismajor.livejournal.com/104721.html>, размещено в блоге пользователя Денис Мажор, 30.01.2007, просмотрено 25.03.2011

- Москвич уверен, что за МКАДом жизни нет!
- Большинство москвичей удивится, если, приехав в Москву на выходные, вы идете в Третьяковку, а потом еще в Оружейную палату, и иногда даже выяснят, где это.
- У каждого москвича в потайном шкафчике стоит глобус Москвы.
- Москвич знает, что в России есть только один город и несколько пригородов Москвы: Нижний Новгород, Питер, Сургут. Пушкин — это поэт.

- Москвичи опасаются стрелки Васильевского — там встречаются некие расстрельные колонны¹¹. Это может быть опасно для жизни.
- Белых ночей нет. Это рекламная акция московского пригорода.

http://users.livejournal.com/lisa_alisa_2007/01/31/, размещено в блоге пользователя Лиса Алиса, 31.01.2007, просмотрено 25.03.2011

Оба перечня широко распространились в сети в сборниках анекдотов, блогах и форумах и горячо обсуждались. Реакция аудитории была неоднозначной, от добродушных признаний «улыбнуло» и «нет сил так смеяться» до сердитых обвинений в том, что написанное — следствие «скрытых комплексов» и того, что «завидуют они нам». Некоторые пользователи разбирали перечни по строчке, парируя на каждый «выпад», что напоминало детские перепалки «дурак — сам дурак». Другие отмечали, что вспышки флейминга доказывают, что тексты нашупали правду и уязвимые места в облике москвичей и питерцев.

Еще одной ареной дискуссий о «настоящих» москвичах и питерцах стал блог «бордюр_побебрик», запущенный в августе 2009 года писательницей Ольгой Лукас и художником и переводчицей Натальей Паваляевой. Они стали регулярно публиковать иронические эссе, написанные Лукас и иллюстрированные Паваляевой. Их героями выступают четыре карикатурных персонажа: москвич и московская девушка, питерец и питерская девушка, — таким образом, в шаржирование жителей двух городов был внесен и гендерный аспект. Вплетая в нарратив грубоватые обороты разговорной речи, англицизмы и компьютерный сленг, советские клише и архаизмы, а также многочисленные московские и петербургские топонимы, авторы ставят героев в ситуации, с которыми рутинно сталкиваются жители обоих городов. Они ищут жилье и ходят на свидания, общаются с коллегами и начальниками, двор-

¹¹ Здесь автор использует аллюзию на ленинградские анекдоты, явившиеся реакцией на сталинские репрессии и обыгрывающие паронимы Ростральные — расстрельные колонны и архитектор Растрелли — расстрелян. Тексты анекдотов приводятся в книгах Н. Синдаловского, например [Синдаловский 2009: 243–244].

никами и водопроводчиками, перемещаются по городу в общественном транспорте и воюют с сугробами и гололедом. Но делают все это, по-разному в полном соответствии с прочно устоявшимися стереотипами. Неуемный москвич, которому вместо сердца бог вмонтировал моторчик, уверен, что «достоин самого лучшего» и вечно торопится, чтобы держать все под контролем. Питерец, у которого вместо сердца вторая совесть, — «птица тревожная, он всегда настороже и готов к самому скверному раскладу». Он знает, что у него «масса недостатков», полон сомнений и не торопится действовать, зато любит поразмышлять о несправедливостях и «несвоевременности всего сущего». Житейские ситуации, в которые попадают герои, не ограничиваются решением вечных проблем людских взаимоотношений, но и показывают разное отношение ко времени, окружающей среде, творчеству, или скорее креативу, а также к культуре потребления и, конечно же, к приезжим. Москвич-экстраверт и питерец-интроверт — контрастны во всем, но, оказавшись в Бологом¹², конечно же, обнаруживают, что несмотря ни на что похожи и «начинают дружить городами».

От истории к истории блог наращивает популярность. Несмотря на гротескность персонажей, читатели радуются знакомым местам, повадкам и поступкам героев: «Как это чудесно, как узнаемо ☺», «Так и есть. Это про меня...». Большинство комментаторов видят в эссе борьбу ценностей и считают нужным заявить свою принадлежность к одному из двух групповых «портретов», к одному из двух миров: «Ура! Несмотря на расстояния, моя питерскость все еще со мной. 110%» (ср. это высказывание с концовкой теста «Москвич или Петербуржец», приведенной ранее); «Чеेерп, я москвич, но никому об этом не рассказываю ☺». Присоединяются к полярному миру москвичей и питерцев и жители других городов:

¹² Бологое стало символической границей между московским и петербургскими мирами, см. [Ахметова, Лурье 2006]. Переход одного мира в другой описан также в курсирующей в сети юмореске «Путешествие из Петербурга в Москву», где предметы меняют свою сущность и качество на перроне станции Бологое, в зависимости от того, находятся ли они на половине, которая ближе к Москве или Петербургу (блог Антона Хавторина, <http://botinok.co.il/>, размещено 27.05.2007, просмотрено 23.08.2011).

«Чем больше читаю, тем больше понимаю, что я стопроцентный москвич»; «Однозначно я — питерец хотя и одесситка= -)»). Беседа в комментариях ведется мирно, флейминг практически отсутствует. Примечательно, что, когда один из посетителей рассердился на то, что москвич представлен автором слишком меркантильным, озабоченным лишь dólaresами и евро, читатели блога успокоили его: «На деле не все москвичи — москвичи, а питерцы — питерцы. Бывает и наоборот. Так что не обижайтесь на них». Этот пример демонстрирует, что оба существительные, и «москвич», и «питерец» варьируют в употреблении между нейтральными и оценочно маркированными¹³.

Члены сообщества живо участвуют в «творческом процессе», предлагая новые темы для «постов» и новых персонажей, например таких, «которые удачно объединяют в себе лучшее от питерца и москвича» или таких, которые живут в «провинциях (Рязанях, Тверях и прочих Костромах)», а одеты как персонаж фильма «Служебный роман», Новосельцев. Обратим внимание на уничижительно-насмешливое использование множественного числа в названии провинциальных городов¹⁴, и предлагаемую маску для провинциала: нескладный м.н.с. советских времен.

Хотя в большинстве своем комментарии шутливые, есть в блоге место и серьезным темам. Так, рекордное количество откликов, 140, пришлось на эссе «Еда», которое живописует, как современный питерец безуспешно пытается преодолеть привычку запасать продукты впрок, на черный день. Многие отметили, что привычка эта жива и у них:

---

¹³ Оценочная маркированность этих существительных часто обозначается употреблением кавычек, а также двойным употреблением слова, указывающим на противопоставление значений, например: «Есть такая форма “москвичи”, ты просто можешь входить или не входить в нее. Причем в зависимости от ситуации можешь вести себя как “москвичка” или как москвичка».

¹⁴ Такой прием выражения презрительного отношения может использоваться и в отношении центра к периферии и периферии к центру. Так, в обсуждении темы неубранного снега один из участников пишет: «Когда начинается снегопад, тверской дворник обижается. “Вот ещё! Чего удумали там, в своих Москвах и Питерах! Весь снег свой к нам согнали!”».

- *cool_e_byaka*: оставшиеся куски, может, и не доедают, но те, что уже взяли — обязательно. «В этом городе хлеб выбрасывать нельзя» — в подкорке. Ещё до рождения.
- *greymage*: На самом деле желание купить и запастись пару мешков еды есть не только у питерцев .-) В провинции с этим даже острее.
- *ушиi*: и в основном это тоже связано с голодом в войну.
- *rukella*: Что вы хотите? Продуктовый запас для нас — это уже генетическое. Как вспомнишь про родственников, в блокаду умерших, посмотришь на кусочек блокадного хлеба — 125 грамм! — так и не тянет шутить над едой.
- *joan d'ark*: Елки палки! И опять я питерец по раскладу! :) Хлеб, который нельзя оставлять — стопроцентно моя тема. С детства приучили хлеб есть так, чтобы даже крошки не падали...

Интересно, что о привычке покупать понемногу, но запасать надолго не портящиеся продукты говорят и те участники сообщества, которые живут вдали от России. Тема особого отношения петербуржцев к еде звучит и в других блогах и форумах, в которых обсуждают особенности московско-петербургской жизни.

В 2010 году по материалам блога была опубликована книга [Лукас 2010], а в 2011 году вышла вторая. По-видимому, успех «Поребрика» объясняется беззлобной иронией, а также тем, что читатель находит в повествовании обилие мелких, казалось бы, незначительных деталей, которые составляют ауру места и времени. Еще одна важная особенность «Поребрика» состоит в том, что и авторы, и комментаторы сталкивают не персонажи, а ценности и уклад жизни, в которых прагматизм, деловитость и чрезмерный напор противостоят самоуглубленности, презрению к материальным благам и поиску духовных ценностей. Как справедливо указывает О. И. Вендина, мы наблюдаем новую фазу городского мифотворчества, в которой самобытность России перестала быть прерогативой Москвы, а перешла к Петербургу [Вендина 1998].

Издательство, выпустившее обе книги «Поребрика», успешно рекламирует их, превращая москвича и питерца в бренд. Полюбившиеся читателям герои смотрят со страниц календаря на 2011 год и с книжных закладок. В блоге продолжают появляться новые эссе, и его аудитория постепенно растет. В конце августа 2011 года она достигла 4199 членов и 8122 наблюдателей.

Реклама «Поребрика» подводит нас к теме коммодификации или «товаризации» московско-петербургской темы, которую мы в избытке находим в сети. Наиболее естественно предположить ее использование в туристском бизнесе. Одна из стратегий здесь — объединение пространства двух городов в одно, как, например в рекламе службы такси: «Услуга “Один номер — две столицы”», (<http://www.votpusk.ru/news.asp?msg=347714>, 15.08.2011) или в рекламе туров «Москва и Петербург — круглый год!» (<http://www.paratourism.ru/tu/home/57-st-petersbur-around-the-year.html>, 15.08.2011). Несмотря на то, что рекламный текст открывается темой соперничества: «Москва и Петербург — две великие столицы, города-соперники и города-противоположности», в последующем описании они сливаются в один, особенный своим статусом «столичности» и контрастами — той самой важной черты, без которой в советские времена не обходилось ни одно описание капиталистического города.

Вторая стратегия — использование туристическими агентствами форумов, в которых путешественники делятся своими впечатлениями о поездках. Такая информация звучит более убедительно, чем официальная реклама и, судя по сотням просмотров, является весьма популярной среди Интернет-пользователей. В своих рассказах туристы стремятся показать и своеобразие посещенных ими мест, и противопоставить российский город зарубежному, и подчеркнуть уникальность своего опыта:

- Скажу лишь, что я очень боялась увидеть в нем [Петербурге] вторую Москву и была приятно удивлена их непохожестью. Не совсем понимаю людей, которые стремятся побывать в европейских столицах, ни разу не посетив такой город в своей стране.

При этом дело редко обходится без интегрирования в тексты стереотипов, языковых клише, цитации и аллюзий на прецедентные тексты. Особенно часто авторы заметок обращаются к песням о городах, которые либо служат толчком к тому, чтобы совершить путешествие, либо предстают как итог поездки:

- ...по радио включили старую, старую песню А. Я. Розенбаума «Мне не нужна Москва, мне не нужна Одесса, видеть бы мне дома в белых ночей завесе...» и мы решили, что это знак свыше. На следующее

утро по этому же радио заиграла его же «...так давайте пройдем в этот вечер прекрасный старым Невским моим...»

[http://www.personalguide.ru/reviews/529/
2055/](http://www.personalguide.ru/reviews/529/2055/)

- ...С того момента, как в первый раз я побывала в этом городе, прошло около 10 лет, но приезжая сюда вновь и вновь, именно здесь я начинаю жить по-новому, дышать полной грудью, учусь не замечать проблемы, заряжаюсь положительной энергетикой и встречаюсь со своими старыми друзьями, которые разбросаны по всей территории огромной России, а так же обретаю новых. Питер — «город — сказка, город — мечта, попадая в его сети», я подарила ему сердце навсегда.

[http://tourbina.ru/guide/Санкт-Петербург-
Россия-112311/Заметки/Попадая-в-ЕГО-
сети-пропадаешь-НАВСЕГДА--40414/](http://tourbina.ru/guide/Санкт-Петербург-Россия-112311/Заметки/Попадая-в-ЕГО-сети-пропадаешь-НАВСЕГДА--40414/)

Особо отметим, что цитируемая во втором отрывке песня группы «Танцы минус», написанная о Петербурге, особенно любима путешественниками и рекламистами. Слова «Город — сказка, город — мечта» выносятся в заглавие или эпиграф рассказов о таких непохожих городах как Будапешт и Сузdalь, Барселона и Мюнхен, Лас-Вегас и Азов-сити. Привлекательность города — в его тайне и непознанности, будь-то Петербург, чей мистический литературный образ проецируется на современную жизнь, Сузdalь, претендующий на звание «сердца Золотого кольца», или приманка для игроманов — «кубанский Лас-Вегас». Сказка и мечта противостоят рутине и повседневности, и именно этот мотив звучит и в рекламе, и в туристских рассказах, и в форумах.

Не отстают от туристических фирм и другие бизнесы. Особенно успешно тема соперничества Москвы и Петербурга эксплуатируется компаниями, имеющими филиалы в обоих городах. Вот как начинает рекламный текст фирмы, торгующей цветами:

Москва и Санкт-Петербург, два великих города, вечные соперники. Соперничают во всем: в красоте, значимости, бизнесе, науке, культуре, образовании.

http://www.kernel.lv/rus/statja_10, 20/05/2011

Обилие цветов и зелени представлено в тексте как часть культурного капитала города. И если до недавних пор Питер, уверенно удерживающий за собой «звание культурной столицы России» отставал по этому показателю, то «зеленые оазисы» цветочных магазинов уравняли его с Москвой. Щедро используя гиперболу, авторы называют Петербург самым северным городом мира, «обещают» читателю растерянность перед лицом неограниченного ассортимента, предлагаемого в виртуальном мире и не меньший «стресс» при посещении реальных магазинов. Как и в других текстах о соперничестве, встречаем мы и военную терминологию: растения, созданные с помощью нанотехнологий, называются «секретным оружием» Петербурга в борьбе за первенство по озеленению. Заключительное предложение текста подводит итог, приветствуя конкуренцию городов как «ценность, выгодную всем»:

Москва и Санкт-Петербург — соревнование не прекращается.
И это хорошо, ведь оно идет всем на пользу.

Не прошел незамеченным для бизнесменов, и рекламистов и словарь московско-питерских различий. Разница в лексике также превращается в культурный капитал городов и коммодифицируется. Так, на сайте «Академия подарка» рекламируется футболка «Питер — Москва»¹⁵, на которой изображены четыре предмета и четыре пары названий. В описании изделия лексические различия представлены как пик соперничества Москвы и Петербурга, а предназначение футболки — «разрядить обстановку во время переговоров и повысить эффективность общения между представителями крупнейших городов России». Впрочем, участие в «переговорах» отнюдь не является условием для заказа футболки в любой регион России через Интернет-магазин, салоны которого находятся, как нетрудно догадаться в городах-соперниках (<http://www.giftguru.ru/p2537.html>, 20.07.2011). Для привлечения клиентов и рекламы своих услуг пары из словаря использует и компания скорост-

¹⁵ Судя по порядку городов в названии, а также по тому, что изделие названо футболкой, а не майкой, его изготовитель, хотя и не обозначен на сайте, должен находиться в Петербурге или его окрестностях.

ных поездов Сапсан (http://www.biletnasapsan.ru/helpInfo/id_4010, 20.07.2011). Однако самую мощную промоутерскую кампанию, использующую лексические различия между Москвой и Петербургом, провел банк «Альфа». В 2009 году на станциях железнодорожной ветки Москва–Петербург были установлены билборды с логотипом банка, на каждом из которых была напечатана одна из лексических пар, а далее шел следующий текст: «Две столицы. Две точки зрения. Один банк». Многочисленные статьи, рекламирующие кампанию в сети, разместили тексты билбордов и их фотографии (см, например, <http://www.adme.ru/alfa-bank-218367/alfa-bank-rasshiril-moskovsko-piterskij-slovarik-200305/>, <http://www.sostav.ru/news/2010/10/05/r9/>, 20.06.2011). Судя по тому, что в 2010 году кампания была продолжена с другими парами слов, она оказалась успешной и привлекла новых клиентов..

Представляется интересным упомянуть и еще одну промоутерскую кампанию, организованную фирмой Сони Эриксон для продвижения новой модели мобильного телефона с функцией распознавания улыбки и также широко разрекламиированную в сети. Целью акции было определить, которая из двух столиц «настоящая», то есть более улыбчивая (<http://www.mobiset.ru/articles/text/?id=3420>, 28.04.2011). Вопреки сложившемуся стереотипу одержанности и некоторой чопорности жителей города на Неве, который, судя по моей подборке, все еще не изжил себя, именно в Петербурге было зафиксировано большее количество улыбок, чем в Москве. Обращает на себя внимание то, что в советские времена, царил культ серьезности; готовность улыбаться, ассоциировалась с западной культурой и считалась скорее признаком лицемерия, нежели дружелюбия¹⁶. Многие западные журналисты и публицисты не раз описывали советскую толпу мрачной и хмуровой. Если организаторы кампании не ошиблись, и улыбчивость, и готовность к смеху стали положительно оцениваться рядовыми россиянами, а не только рекламистами, — такой культурный сдвиг может только порадовать.

¹⁶ На русскоязычных форумах эмигрантов, обсуждающих жизнь за пределами России, нередко звучат жалобы на необходимость улыбаться при контактах с членами принимающего общества.

Коммодификация соперничества городов стоит в ряду других примеров привлечения мифологии, элементов народной культуры и фольклора в прикладной функции, а именно для достижения коммерческого успеха (см.: [Седакова 2010; Фиалкова 2010]). Причем «продают» борьбу за первенство не только Москва и Петербург, но и такие пары как Пермь и Екатеринбург, Новосибирск и Красноярск, Ростов и Краснодар и т. д. И независимо от того, находится ли город в «горном царстве» Урала, или в Южном Федеральном Округе (акроним ЮФО сразу же породил ассоциации с UFO и шутки о том, что с появлением округа жители стали инопланетянами), спор идет о том, кто из соперников достоин звания «столицы». Так сколько же столиц нужно России?

Столица и мегаполис глазами современного россиянина

На протяжении всего советского периода, переставший быть столицей Ленинград не утратил этого статуса в представлениях обывателя и в речи. И в средствах массовой информации, и в неформальном дискурсе город часто называли «северной» или «культурной» столицей, а в последние два десятилетия репертуар прилагательных расширился. Они обозначают иерархию городов — «вторая столица», историю — «имперская» и функции — «морская», «духовная». Более того, взрыв преступности в 1990-е годы, о котором вся страна узнавала из СМИ и из популярных сериалов, привел к присвоению Петербургу и мало почетного звания «криминальной» столицы¹⁷. В постсоветский период, когда российские города стали усиленно работать над созданием положительного образа и рекламировать природные

¹⁷ Как ни парадоксально, но даже сомнительная слава считаться «столицей» криминала оспаривается в урбанистических дискуссиях в Интернете. Петербуржцы обвиняются в том, что сами присвоили себе это звание, когда началась «мода на криминал». В качестве конкурентов называют и Москву, хотя чаще предпочтение отдается городам, находящимся за Уралом: «На самом же деле криминальные столицы как находились на востоке страны, так там и находятся по сей день». Особое внимание в этом и подобных высказываниях обращает употребление множественного числа.

богатства, историческое прошлое и экономический профиль, существительное *столица* оказалось чрезвычайно востребованным. Возможно, сказалась привычка жить в стране с большим количеством столиц союзных и автономных республик. Образовавшиеся лакуны стали заполняться региональными и отраслевыми «столицами»¹⁸. Нередки случаи, когда один и тот же город пользуется несколькими прилагательными, определяющими, какой именно столицей он является. Так, Сочи называет себя «курортной», «солнечной» и «летней» столицей, Норильск — «полярной», «медной» и «никелевой», а Иваново не только гордится достижениями своей текстильной промышленности, но и пытается представить в выгодном свете демографический дисбаланс, называя себя «столицей невест». При этом одно и то же определение может использоваться разными городами: например, титул столицы Поволжья делят Самара и Саратов, а нефтяной столицы Тюмень и Нижневартовск. Даже Москва перестает быть просто столицей и часто употребляется в сочетании с прилагательными «официальная», «политическая», «чиновничья», «деловая», «финансовая» и т. д. Существительное *столица* претерпевает изменение семантики, так как утрачивает сему единственности и уникальности в пределах одного государства. Более того, оно используется не только для обозначения региональных центров, таких как столица Сибири, Урала, Кубани, но и для обозначения малых городов, претендующих на особое положение в своей области: «Красногорск — неофициальная столица Подмосковья», «Всеволожск — будущая столица Ленинградской области». Увле-

¹⁸ Возникновение «неофициальных» столиц — явление обычное и в других странах, особенно в тех, где столица страны уступает другим городам по размерам и оживленности деловой и культурной жизни. Так, в Австралии неофициальной столицей называют себя Сидней, и Мельбурн, а в Швейцарии — Цюрих и Женева. Подобным же образом рекламируют различные города мира свою промышленность и бизнес. Детройт называется автомобильной столицей мира, Нью-Йорк и Женева мировыми столицами банков, а Мюнхен, Лёвен, Прага, Портланд и целый ряд других городов претендуют на титул пивной столицы мира. Об экономической идентификации городов см. [Altman, Chemers 1980: 230–232].

чение словом «столица» дошло до того, что стали размываться границы между понятиями «город» и «государство», о чем свидетельствуют такие примеры, как «страна Московия», «Петербург — островное государство» и «Россия — нефтяная столица мира». Появились и новые дериваты: «столичность» обозначает определенный стиль и высокое качество жизни, а презрительное «недостолица», показывает, что носители языка не принимают всерьез амбициозные звания, даже, если на них получен товарный знак. Так, например, случилось с Казанью, которая получила в Роспатенте сразу несколько товарных знаков: «Третья столица», «Третья столица России», «Третий город», «Третий город России», а также *«Russia's third capital»* (<http://lenta.ru/news/2009/04/03/kazan/>, 17.09.2011). Сама попытка установить иерархию столиц вызывает иронию. Например, статья, оценивавшая Екатеринбург и его «мегаполисность», названа «Екатеринбург — самая третья столица из всех третьих столиц» (<http://www.topbot.ru/post124110767/>, 17.09.2011). Участники форума «Первый канал» в дискуссии о том, какому городу быть «неофициальной, но почетной третьей столицей» среди претендентов назвали олицетворяющие глухомань и провинциальность город Урюпинск и деревню Гадюкино (<http://forum.1tv.ru/index.php?showtopic=70484&st=40,18/09/2011>). Помимо этого, большую популярность в урбанистическом дискурсе Интернета получил текст транспаранта, установленного при въезде в небольшой городок Луховицы, расположенный в Московской области: «Есть в России три столицы — Москва, Питер, Луховицы!»¹⁹. Судя по частоте цитации, ранее малоизвестный городок стал символом несоответствия реальности и притязаний провинциальных городов на столичный статус.

---

¹⁹ В Интернете можно найти фотографии транспаранта с этим текстом, а также характерные для фольклора варианты полюбившейся поговорки. До 2004 года место Питера на плакате занимала Рязань. На официальном сайте города Луховицы от 2003 года цитируется именно этот текст (<http://www.lukhovitsy.com/>, 17.09.2011), а вот в обновленной версии 2010 года ставшая источником веселья строчка отсутствует. В некоторых вариантах исчезает из текста и Москва: «У нас в России три столицы: Гжель, Рязань и Луховицы / Казань, Рязань и Луховицы / Рязань, Коломна, Луховицы».

И, наконец, появился анекдот, в котором увлечение «столичным статусом» предстает как проделка плута и сталкиваются два излюбленных фольклорных сюжета — российско-немецкое военное противостояние и история Ивана Сусанина:

- Казань сделали «третьей столицей» России. Это зачем вообще?
- Немцы в 2020 году напали на Россию, Москву взяли, Питер взяли, а мы им — «А х..шки, у нас еще 8 столиц, кручу, верчу, запутать хочу, угадайте где президент?»

<http://www.bibo.kz/kipa/251478-kazan-sde-lali-tretejj-stolicejj-rossii.html>, 17. 09. 2011

Не утихают в Интернете и дискуссии о переносе столицы из Москвы. И хотя основным кандидатом остается Петербург, жители провинции, а особенно Урала и Сибири, настойчиво предлагают в качестве кандидатов свои собственные города, которые, как им кажется, гораздо больше подходят на роль географического центра и «сердца» России. Отметим при этом, что в спорах, какому городу больше подходит роль столицы, никто не оспаривает роль «головы», которая согласно поговорке принадлежит Петербургу²⁰. В то время как многочисленные клише советского периода закрепили образ Москвы как сердца страны, образ Петербурга/Ленинграда как головы в значительной степени ушел в забвение, сохраняясь лишь в фольклоре города.

Какие же ценности связывают участники форумов с жизнью в столице?

Как показывают проанализированные дискуссии, в представлениях обывателя столица должна быть олицетворением страны: «Какая столица, такой будет и вся страна...». Роль столицы видится быть «главным» городом «по всем аспектам жизни», центром жизнедеятельности, впитывающим таланты, дающим амбициозному человеку возможность реализовать свой потенциал, стать успешным и богатым:

²⁰ Помимо широко цитируемой в Интернете пословицы «Москва — сердце, Петербург — голова», существует и другая, менее известная, но повторяющая то же противопоставление: «Москва — сердце России, Питер — ум, а Нижний Новгород — тугой карман» [Синдяловский 2003].

- ...от Москвы я получаю ощущение, что я нахожусь в центре событий²¹.
- Москва — город для работы и бизнеса. Только в этом городе вы можете нормально зарабатывать. В Питере зарплаты ниже как ни крути — не столица.
- Петербург, увы, заметно скромнее Москвы в политическом и интеллектуальном смысле. И это естественно — со столицей не споришь.
- Питер — не столица. Уж, простите меня, дорогие питерцы. Город тонкий, культурный, с богатейшей историей, с очень интересными людьми, но не столица. Скорость жизни не та.

Вместе с тем сетуют на то, что реализация возможностей — дело случая и требует постоянного напряжения, так как «упускать то, что можно схватить — неспортивно и вообще, глупо». Сетуют на перенаселенность: «Москва — не резиновая», «Москва скоро лопнет», на постоянную изматывающую спешку: «Москва не ходит, Москва — бежит бегом», «Москва галопом скачет», «Москва — это вечная суматоха, вечные пробки, какие-то постоянные нервы и проблемы», а как следствие этого раздражительность и озлобленность «люди злые, их волнуют только свои проблемы», «все какие-то суматошные, злые и неприветливые». В рассуждениях о жизни в столице широко употребляются метафоры, связанные с военными действиями: «покорять» и «завоевывать»; пограничными состояниями между жизнью и смертью: «выживать», «сгорать», «удерживаться на плаву», а также эпитеты «жесткий», «жесто-

²¹ Объем статьи не позволяет указать Интернет-имена («ники») всех авторов цитируемых в этом и следующих разделах отрывков, поэтому приведу только адреса форумов и чатов, на которых можно найти эти высказывания: <http://www.lovehate.ru/opinions/17914/1>; <http://passat-b5.ru/archive/index.php/t-125834.html>; <http://kattrys.ru/node/1678?page=1>; <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-32894/>; <http://www.76-82.ru/forum/viewtopic.php?t=2340&postdays=0&postorder=asc&start=0>; http://news.bbc.co.uk/hi/Russian/talking_point/newsid_2932000/2032056.stm; <http://exler.ru/blog/item/972>; <http://forum.leit.ru/index.php?topic=94.0>; <http://www.webpark.ru/comment/2154>; <http://cityopen.ru/forum/index.php?showtopic=4286>; <http://tosainu.livejournal.com/562533.html?page=2>; <http://forum.barrikady.ru/subdmn/index.php?topic=1580.0>, 20/07/2011.

кий», «суровый»²². Особенно же часто используется прилагательное *бешеный*: *бешеный ритм*, *бешеный темп*, *бешеная динамика*, *бешеная жизнь*, *бешеный людской круговорот* и т. д.

Практически все признаки, ассоциирующиеся в дискуссиях со столицей, — это неоднократно описанные и в социологии, и в литературе противоречия мегаполиса, в котором динамичность обрамляется изматывающим темпом жизни, доходы съедаются ценами, а перенаселенность приводит к разобщенности. Но в то время как социологам хорошо известен эффект «города-муравейника», каждое поколение «открывает» его для себя заново, переживая внутренний конфликт притяжения к большому городу и отторжения от него.

Характерно, что при отрицательной оценке жизни в мегаполисе антиподом Москвы выступает Петербург: «А вообще, что тут сравнивать... “Мегаполис” и “Культурная столица”».

Замедленный по сравнению с Москвой ритм жизни ассоциируется с другим взглядом на мир и более бережным отношением к людям:

- Что мне в Петербурге нравится, так это какая-то неспешность — никто никуда не бежит, люди друг не расталкивают, нет ощущения, что все вокруг движутся в бешеном ритме и, если отстанешь — затопчут. А вот в Москве у меня такое ощущение присутствует постоянно.
- Отличия существуют именно в скоростях. А ведь это тоже мировосприятие. Быть может, питерцы в музейных привычках как-то неспешнее познают мир, а москвичи стремятся успеть в как можно большее количество мест — я не знаю, но в Питере даже метро едет вдвое медленнее. <...> толпы народа и там, и там, <...> но перемещаться через поток в Питере уютнее.
- В Питере осталась хоть частичка некоторой неторопливости, взгляда в себя, даже застенчивости.

²² Такое восприятие Москвы мало изменилось за два века, о чем свидетельствуют пословицы: «Хотел с Москвы салоги снести, а рад с Москвы голову унести», «В Москву идти — только голову нести», «Царство Москва, а мужикам тоска», «Москва, что доска: спать широко да кругом метет» [Даль 2003; Мокиенко и др. 2010; Снегирев 1999].

Обратим внимание на то, что делать выводы о характере города и горожан на основании впечатлений от толпы на улицах и в общественном транспорте, особенно в метро²³, свойственно многим участником дискуссий. Ну, а главным критерием бытовой культуры горожан по-прежнему остается готовность или нежелание показать дорогу, а также знание или незнание города, в особенности его центральных районов (подобные мотивы звучали также в интервью с жителями города Бологое, см. [Ахметова 2007]). Лишь немногие участники дискуссий включают в оценку городов нарративы о непосредственном общении с москвичами и петербуржцами, чтобы подтвердить положительное или отрицательное отношение. Набор качеств этих прототипических персонажей практически неизменен: высокомерию, грубости, суеверности, равнодушию и эгоцентричности одних противопоставляются доброжелательность, мягкость, готовность помочь, интеллигентность и гостеприимство других. Несмотря на очевидную схематичность обобщенных портретов и отдельные сетования на размывание петербургской культуры под написком миграции, распределение ролей в значительной степени остается неизменным, сложившимся еще в советскую эпоху, когда измученный репрессиями и выстоявший блокаду Ленинград вызывал всеобщее уважение и любовь²⁴.

Рассуждая о том, какому городу больше подходит роль столицы, лишь изредка вспоминают о ее основной функции — административной; более того, присутствие политиков, чиновников и бю-

²³ Поведение пассажиров метро, а также скорость движения эскалаторов неоднократно упоминаются при сравнении Москвы и Петербурга, и в форумах, и в юмористических перечнях. Для иллюстрации медлительности Петербургского метрополитена используются графические средства: «ме-е-дленно-ме-е-дленно» и аллюзии на анекдоты про эстонцев. О значении метрополитена в восприятии городского пространства см. также [Ахметова 2011: 349].

²⁴ Примечательно, что в исследовании, проведенном Донован, обнаруживаются инверсии понятия «культурный — некультурный» в северных провинциальных городах по отношениям к «столицам». Столичные жители характеризовались в интервью как люди невоспитанные и неотзывчивые. И опять, мерилом выступают эпизоды в общественном транспорте и сфере обслуживания [Донован 2008: 319–322].

рократов видится как угроза нормальному течению жизни горожан из-за коррупции, «мигалок-кряколок» и «парализующих движение кортежей». А учитывая, что в высших эшелонах власти много выходцев из Петербурга, неудовлетворение властью выливается в дополнительную тему раздоров:

- Я была в Ленинграде... Да, красивый город... Пусть ваши кадры, особенно, которые к власти приходят, пусть у вас и остаются... Можете забрать назад, Москва не расстроится...
- Ваш город безусловно один из красивейших и культурных городов мира. Только вот одного не могу понять, — как из столь благородного места, к власти приходят люди не думающие о своем народе, и не ценящие историю?

И в высказываниях москвичей, и в рассуждениях жителей других городов отчетливо выражен конфликт представлений о том, что столица должна быть неким идеальным городом, предметом гордости всех граждан и критическим отношением к реальной столице и ее жизни. Не случайно поэтому, неоднократно повторяются советы петербуржцам не стремиться к возвращению городу столичного статуса:

- Не стоит, по-моему, уничтожать культурную столицу России путем перенесения в Питер властных функций.
- Хочется посоветовать жителям Петербурга не называть свой город столицей, не дай вам Бог действительно стать столицей — превратиться в «город которого нет», как Москва.
- Дело в том, что всякая столица является козлом отпущения и носителем всяких мерзопакостей, которые равномерно распространяются на всю страну. Вот отсюда и вывод: чем больше столиц, тем непригляднее провинции, то бишь остальная часть государства.

«Настоящие» москвичи и питерцы — кто они?

В дискуссиях о Москве и Петербурге часто звучат ностальгические нотки о «былом величии» этих городов. С грустью, а иногда с пафосом пишут о том, что в Москве «исчезает под тенью небоскребов красивейший город», а «исторический центр превращается уже безвозвратно в доходное место, а весь город — в восточный базар». В Петербурге «реклама вытесняет

многовековые памятники», и «город, выдержавший блокаду, от наплыва денег теряет свой исторический облик». Антропоморфные метафоры: потеря «городом лица», «особого настроения», «духа» связывают с происходящими демографическими изменениями под воздействием усилившейся миграции. И в публикациях СМИ, и в дискуссиях в форумах широко обсуждается тема напряженности в отношениях между «коренными» и приезжими. Быть коренным москвичом или петербуржцем считается почетным, и те, кто могут похвастаться несколькими поколениями, говорят об этом с гордостью. Именно за «коренными» закреплена репутация носителей культуры и лучших городских традиций. Вместе с тем, постоянно приводятся цифры, как правило, без указания источника, которые призваны показать, как мало осталось «настоящих» москвичей и петербуржцев. Упоминают о том, что «коренные» не вернулись с войны и были сметены террором, а оставшиеся находятся в преклонном возрасте: «...главная ценность — это старшее поколение жителей города...», «...старая интеллигенция, из серии недобитой Белой Гвардии, так сказать», «...коренных москвичей осталось не так уж и много, они умирают как вид». Хотя прямо об этом не говорят, но имплицитно в этих и подобных высказываниях звучит тревога о преемственности поколений, а значит и об утрате обществом ценностей.

При обсуждении некоренных жителей видно, каким живучим оказались порожденные советской миграционной политикой понятия прописки и лимита/лимитчиков:

- Лимита и Москвичи (та же самая лимита, только они про это забыли)
- Основная масса, населяющая Москву — лимита в первом, втором и т.д. поколении ☺
- С какого поколения становятся уже москвичами, а не лимитой? Если могут проследить московскую «прописку» с 1147 г.??
- А лимита, она никогда не заканчивается. ☺ Она все прибывает и прибывает! Коренные москвичи — трепещите! ☺

Как видим, печать «лимиты» остается на потомках приехавших «покорять» Москву и в меньшей степени на тех, кто осел в Петербурге. Отдавая должность хватке людей из провинции, их

нередко отождествляют с людьми второго сорта, что вызывает ответную вербальную агрессию и флейминг в форумах. В то же время, совершенно отсутствуют протесты против оскорбительных номинаций «черные», «иноходцы», «азиатостранная речь» и др., используемых при обсуждении мигрантов, поселившихся в Москве и Петербурге. Независимо от этничности, обобщенной характеристикой мигрантов становится низкая бытовая культура, грубоść и несоблюдение чистоты, а главное, неумение и нежелание проникнуться духом города.

Приходится признать, что материалы СМИ о соотношении коренных и некоренных москвичей мало способствуют толерантности жителей столицы. Например, в статье из «Комсомольской Правды», цитирующей историков и антропологов и призванной продемонстрировать читателю, что миграционные потоки были важной составляющей истории города на протяжении веков, приводятся слова историка, проф. МГУ В. Морякова, который считает, что «...далеко не каждый рожденный в Москве, может смело называться москвичом. Взять детей тех, кто приехал в Москву по лимиту. Многие из них не могут понять ни духа, ни быта Москвы!» (<http://kp.ru/tint/article/24043/99754>, 15.08.2011). Противопоставление «москвичей» и «просто жителей спальных районов», среди которых, конечно же, немало «коренных», способствует усилению разобщенности между теми, кого называют «мкадовцами» и теми, кого пренебрежительно зовут «замкадышами»²⁵. Не скрываемая кастовость вряд ли поможет сохранению «духа Москвы», важнейшими составляющими которого всегда было гостеприимство и открытость.

Взаимное притяжение

При просмотре сайтов, посвященных Москве и Петербургу, бросается в глаза частое употребление слова «миф» в заглавии темы обсуждения. В применении к Петербургу, чаще используется прямое значение: «предание, сказание», например,

²⁵ Новообразования *мкадовец*, *замкадовец*, *замкадыш*, *замкадье*, *замкадовский* чаще всего являются маркированными, в них преобладает отрицательная оценка.

«мифы и легенды Санкт Петербурга», «мифы города на Неве», «легенды и мифы истории Петербурга», «Основание Санкт Петербурга. Мифы и легенды». Вдохновленные замечательным собирателем Петербургского фольклора, Наумом Синдаловским, одна из книг которого так и называется «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» [Синдаловский 1997], авторы рекламных текстов туристических агентств и блоггеры обращаются к прошлому города. Чем больше мифов и легенд, тем богаче представляется городская история. Одни сайты пересказывают городские легенды, другие ищут в них объяснения городским традициям и ритуалам, третьи пытаются противопоставить «легендам и мифам», «реальные» исторические факты, но все эти тексты призваны возвеличить город, усилить представление о Петербурге, как о городе — загадке и пригласить читателя погрузиться в его тайны. Когда же речь идет о Москве, «миф» употребляется в значении «недостоверный рассказ, выдумка». Авторы этих публикаций также любят свой город, но их взгляд обращен в настоящее, а цель — защитить Москву и москвичей от шквала критики: «Мифы о Москве. Что правда, а что нет?», «Мифы о Москве и москвичах», «Какой миф о Москве самый “мифический”?». Некоторые из этих статей пытаются разрушить стереотипы о богатстве и легкой жизни, созданные «гламурными» сериалами или, напротив, прибегают к самоуничижительному юмору, доводя эти стереотипы до абсурда. Некоторые статьи о мифах являются откликами на опросы общественного мнения об отношении россиян к столице и ее жителям. Эти опросы публикуются и пристранно комментируются в сети²⁶ и нередко подливают масло в огонь споров о преимуществах Москвы и Петербурга.

Примечательно, что многие участники урбанистических дискуссий в Интернете утверждают, что ненавидят споры о Москве и Петербурге, что впрочем, не мешает им активно в них участвовать. Другие задаются вопросом о том, почему не утихают эти споры. Некоторые обвиняют в раздувании противостояния СМИ. Подозревают также, что за этим стоит коммерческая выгода:

²⁶ См., например, <http://bd.fom.ru/report/map/d073622>, <http://zdeg.sao.mos.ru/news/read/3830>, http://www.romir.ru/news/tes_results/817.html, <http://www.moslife.neoidea.ru/moscow3.html>, 12/09/2011.

«Возможно, это всего лишь пиар для привлечения в города миллионы²⁷ новых туристов». Наконец, многие убеждены, что противостояния не существует, а есть лишь патриотизм москвичей и петербуржцев, стремящихся возвеличить свой город. В связи с этим сошлемся на американского урбаниста Туана, который писал, что существуют разные способы, как сделать место более приметным и значимым: конфликт или соперничество с другими местами, визуальная особенность, и живущая в памяти сила искусства, архитектуры, церемоний и ритуалов. Места, обжитые человеком, приобретают осязаемую реальность, когда их драматизируют [Tuan 1977: 178]. Именно это, а также не прекращающийся ни в одном поколении поиск и утверждение ценностей, по которым человек выстраивает жизнь в обществе, представляются основными причинами неиссякаемой популярности темы. Говоря о двух столицах как о разных мирах, наши современники утверждают их непреходящую значимость и для своего собственного мировосприятия, и для России:

- Эти города нельзя сравнивать — каждый уникален, каждый красив... Каждый любим.
- Я люблю, что есть два таких разных города. <...> Оба — совершеннейшая сказка. И страшная, и красивая, со своими тайнами, безумствами и великолепием. Питер — не Европа в России, а фантасмагорический сон России о Европе. Москва — загадка, которая внутри больше, чем снаружи.
- Петербург, как и Москва — это, конечно, не Россия. Но Россия без них абсолютно немыслима.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметова 2007 — Ахметова М. В. Выбор «между Петербургом и Москвой» или дискурс о двух столицах в г. Бологое // Антропологический Форум. № 7. 2007. С. 141–155.

²⁷ Неологизм *миллионник*, обозначающий город с населением более миллиона жителей часто встречается в урбанистическом Интернет-дискурсе. В Толковом словаре русского языка начала XXI века [Склеревская 2006] он еще не зафиксирован.

- Ахметова 2011 — Ахметова М. В. Пространство города и город в пространстве (Интернет-тексты «Вы из Н., если...») // Антропологический Форум. № 15. 2011. С. 330–358.
- Ахметова, Лурье 2006 — Ахметова М., Лурье М. Бологое: «Маленькая столица между двух столиц» // Отечественные Записки. № 5, 2006. С. 207–217.
- Беликов 2004 — Беликов В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Проблемы русской лексикографии. Вып. 3. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2004. С. 23–38.
- Вендина 1998 — Вендина О. И. Городские мифы. Отражение преемственности и соперничества российских столиц в национальном сознании, <http://geo.1september.ru/1998/geo36.htm>, 20.07.2011.
- Воротников 2005 — Воротников Э. Что питерцу — бодлон, то москвичу — во-долазка // Комсомольская Правда. 28 июня, 2005. <http://www.kp.ru/daily/23535/41447/>, 20.03.2011.
- Даль 2003 — Даль В. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2003.
- Донован 2010 — Донован В. Быть «культурным»: повествовательные конструкции провинциальности в устных рассказах жителей северо-запада России// Антропологический Форум. № 12. 2010. С. 297–326.
- Закатнова 2001 — Закатнова А. Питер не собирается уступать Москве// Независимая Газета. 2 августа 2001, http://www.ng.ru/events/2001-02-08/2_piter.html, 10.02.2011.
- Зализняк 2010 — Зализняк А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир, 2010.
- Каргин, Костина 2007 — Каргин А.С., Костина А.В. К вопросу об исследовании Интернет-творчества // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции — к виртуальности. М., 2007. С. 9–26.
- Лотман 1996 — Лотман Ю. М. Символические пространства // Внутри мыслящих миров. Человек — Текст — Семиосфера — История. М., 1996.
- Лукас 2010 — Лукас О. Поребрик бордюрного камня. Сравнительное петербургомосковедение. СПб.: ИД «Комильфо», 2010.
- Лукас 2011 — Лукас О. Новый поребрик бордюрного камня. СПб.: ИД «Комильфо», 2011.
- Мокиенко, Никитина, Николаева 2010 — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА, 2010.
- Новоселова 2005 — Новоселова Е. Тротуар против панели// Российская Газета. 21 июня 2005, <http://www.rg.ru/2005/06/21/slovarj.html>, 20.03.2011.
- Писаренко 2005 — Писаренко Д. Что москвичу — батон, то питерцу — булка // Аргументы и факты. № 22 (516). 1 мая 2005, http://gazeta.aif.ru/_/online/moskva/516/05_01, 20/03/2011.

- Радченко 2010 — Радченко Д.А. Комплексные тексты в сетевом фольклоре // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского Конгресса фольклористов. Т. 1. М., 2010. С. 69–82.
- Седакова 2010 — Седакова И.А. Фольклор, ценности и коммерция // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского Конгресса фольклористов. Т. 1. М., 2010. С. 91–98.
- Синдаловский 2003 — Синдаловский Н. Несгораемая Москва, непотопляемый Петербург, <http://www.fontanka.ru/2003/01/23/61580/>, 22.09.2011.
- Синдаловский 2009 — Синдаловский Н. История Петербурга в городском анекдоте. М.; СПб.: Центрполиграф, 2009.
- Синдаловский 1997 — Синдаловский Н. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб.: Норинт, 1997.
- Скляревская 2006 — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Ред. Г.Н. Скляревская. М.: ЭКСМО, 2006.
- Снегирев 1999 — Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999.
- Трубина 2011 — Трубина Е. Город в теории. Опыты осмыслиения пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Фиалкова 2010 — Фиалкова Л. Прикладное применение фольклора // Антропологический Форум. № 13. 2010. С. 147–176.
- Altman, Chemers 1980 — Altman I., Chemers M. Culture and Environment. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Davies 1990 — Davies Chr. Ethnic Humor Around the World: A Comparative Analysis. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990.
- Dundes, Pagter 1987 — Dundes A., Pagter C. R. When You're Up to Your Ass in Alligators: More Urban Folklore from a Paperwork Empire. Detroit: Wayne State University Press, 1987.
- Kluckholn et al. 1951 — Kluckhohn C. et al. Values and Value-Orientations in the Theory of Action: An Exploration in Definition and Classification / Talcott Parsons, and Edward Shils (eds.) // Towards a General Theory of Action. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. P. 388–433.
- Knez 2005 — Knez I. Attachment and Identity As Related to a Place and Its Perceived Climate // Journal of Environmental Psychology. № 25. 2005. P. 207–218.
- Lewicka 2008 — Lewicka M. Place Attachment, Place Identity, and Place Memory: Restoring the Forgotten City Past // Journal of Environmental Psychology. № 28. 2008. P. 209–231.
- Norberg-Schulz 1984 — Norberg-Schulz Chr. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. New York: Rizzoli, 1984.

- Pettersson, Esmer 2008 — Introduction / Thorleif Pettersson, and Yilmaz R. Esmer (eds.) // *Changing Values, Persisting Cultures: Case Studies in Value Change*. Leiden: Brill, 2008. P. 3–8.
- Ralph 1976 — *Ralph E. Place and Placelessness*. London: Pion Limited, 1976.
- Rokeach 1972 — *Rokeach M. The Nature of Human Values*. New York: John Wiley, 1972.
- Schwartz 1992 — *Schwartz Sh. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries* / Mark P. Zanna (ed.) // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. San Diego: Academic Press, Inc., 1992. P. 1–63.
- Tuan 1977 — *Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience*. Minnesota: The University of Minnesota Press, 1977.
- Yelenevskaya 2009 — *Yelenevskaya M. “Ours abroad” As a Theme of Humor on Ru.net: Changing Values, Competing Loyalties* // *Russian Journal of Communication. Special Issue. The Russian Anekdot As Cultural Genre, Discourse and Performance*. Vol. 2, № 3–4. 2009. P. 267–287.
- Yelenevskaya, in press — *Yelenevskaya M. “You’ve Lived in X Too Long, when...”: A View of the World through Comic Lists (Expatriates’ Humour on Ru.net)* // *Festschrift in Honor of Arvo Krikamnn*, in press.

C. A. Сиднева

(Москва)

Концепты

dolce vita и *dolce far niente*

в русской лингвокультуре:
аксиологический аспект

В настоящее время концептуология является одним из наиболее актуальных направлений лингвистики, о чем свидетельствует большое количество работ о лингвокультурных концептах, представляющим собой вербальное воплощение сложных ментальных образований, существующих «на этнокультурном, социокультурном и индивидуальном уровнях сознания» [Грабарова 2004; Алефиренко 2001; Арутюнова 1988; Вежбицкая 1996, 1999, 2001; Воркачев 2002]. Понятие концепта, кроме образно-понятийного аспекта, содержит элемент аксиологического осмысления окружающей действительности и таким образом позволяет глубже понять ценностные ориентиры среды, в которой он возникает. Исследования сопоставительного характера дают возможность проследить презентацию универсальных ментальных образований в разных этнокультурах или рассмотреть реализацию заимствований в культуре-реципиенте.

Некоторые итальянские клише нашли свое место в русской лингвокультуре, сохранив в ряде контекстов первоначальное значение или получив своеобразную интерпретацию. Интересен аксиологический аспект двух заимствований из итальянской языковой традиции, являющихся фрагментами универсального концепта «жизнь»¹ — *dolce vita* и *dolce far niente*. В качестве источников привлекаются классические литературные произведения, нередко цитируемые в современной публицистике и в так называемых «блогах» (Интернет-дневниках), тексты рекламы, наименования

¹ По замечанию Э. В. Грабаровой, «отношение к жизни представляет собой базовый ориентир человеческого поведения» [Грабарова 2004].

фирм и организаций, прямо использующих вышеназванные клише или дающие отсылки к ним, высказывания информантов.

Выражение *dolce vita* стало особенно популярным и актуализировалось во многих языках благодаря одноименному киношедевру итальянского режиссера Ф. Феллини. Если рассматривать, какое значение оно приобрело в «первоисточнике», довольно точную характеристику этому клише в «феллинianском» смысле и выражавшую идею многих итальянских исследователей творчества известного режиссера дает в своей статье «*Il Dizionario felliniano*» Antonio Zoppetti², один из первых издателей электронного словаря итальянского языка:

E, a proposito di modi di vivere, anche la locuzione *dolce vita*, è entrata nella lingua italiana, spesso associata a comportamenti licenziosi e corrotti, con il significato suggerito dall'omonimo film del 1955, nel quale il regista descrive la vita vuota e finta di una élite di personaggi che per sfuggire alla mancanza di scopi e di valori inseguiva una serie di forti emozioni.

Кстати, что касается образа жизни, выражение *dolce vita* вошло в итальянский язык, часто ассоциируясь с развращенными и испорченными нравами: именно это значение ему придается в одноименном фильме 1959 года, в котором режиссер описывает пустую и искусственную жизнь элиты, стремящейся подменить бесцельное и лишенное ценностей существование сильными эмоциями³.

Из приведенной выше цитаты становится очевидным, что Феллини вкладывает в понятие *dolce vita* негативный оттенок, характеризуя жизнь римской богемы как *развращенную, испорченную, бесцельную, пустую, лишенную ценностных ориентиров*. Сам режиссер в одном из интервью⁴ характеризовал свой творческий замысел следующими словами: «...я с моими помощниками предпринял попытку создать историю, которая обобщала бы и показывала противоречия, неуверенность, усталость, абсурдность, неестественность определенного образа жизни...»

² A. Zoppetti, *Il Dizionario Felliniano*: электронный ресурс. URL: <http://www.linguaggiglobale.com/fattidavoi/articoli/fellini/defaultfellini.htm> (свободный)

³ Перевод сделан автором статьи.

⁴ Театр классического кино: электронный ресурс. URL: <http://studia28.livejournal.com/11321.html>

Но вместе с тем в том же отрывке приводится еще одна важная дефиниция, которая станет доминантной при деривации концепта. *Dolce vita* — это жизнь элиты. Главный герой Марчелло — писатель и журналист. Круг его общения составляют римские аристократы, состоятельные люди, кинозвезды, известные деятели искусства, т. е. речь идет, с одной стороны, о творческой элите, а с другой — о той социальной прослойке, которая пользуется привилегированным положением за счет обладания материальными благами или соответствующим происхождением. Таким образом, концепт *dolce vita* соотносится с идеями элиты, избранности, исключительности, материального благосостояния, которые могут восприниматься в определенной системе ценностей со знаком плюс.

Если рассмотреть клише *dolce vita* вне контекста фильма, оно также может быть позитивным или, по крайней мере, аксиологически амбивалентным. Определение *dolce* ‘сладкий’ в итальянском языке имеет преимущественно положительную семантику. Анализ словарных статей из итальянских толковых словарей, а также из билингвальных итальянско-русских словарей, показывает, что, кроме прямого значения, характеризующего вкусовое качество, слово метафорически соответствует таким русским определениям как приятный, нежный, мягкий, дорогой, любимый, кроткий, например, в сочетаниях: *il clima dolce* ‘мягкий климат’, *il sorriso dolce* ‘нежная улыбка’, *il viso dolce* ‘приятное лицо’, *la voce dolce* ‘приятный, милый, нежный голос’⁵, *i dolci amici* ‘дорогие друзья’, *il carattere dolce* ‘кроткий характер’, *casa dolce casa!* ‘дом, милый дом!’ и др. Даже в технической и узко-специальной терминологии *dolce* может обозначать безопасный (источник энергии), нетоксичный (о веществах), податливый, ковкий (о металле). Клише *la dolce*

⁵ Здесь наблюдаются семантические сходства и расхождения со значением слова в русском языке;ср. с негативной семантикой русского выражения «сладкий голос» — приторный, притворный, фальшивый. Вместе с тем, стоит вспомнить и поэтически окрашенное выражение, использующее однокоренное образование «сладостный голос». Также в обращениях «сладкий мой», «сладенький мой» или в выражении «сладкие мечты» русское слово «сладкий» семантически совпадает с итальянским *dolce* в значении «любимый», «дорогой», «милый».

vita объясняется в итальянских толковых словарях следующим образом: *приятная, беззаботная, легкая, полная удовольствий жизнь*⁶. Вместе с тем в словаре синонимов к выражению *fare la dolce vita* подбираются соответствия скорее с негативной семантикой и связанные с концептами лени, праздности, бездействия: *oziare, starsene in ozio* ‘болтаться без дела’, ‘бездельничать’, *non far niente* ‘ничего не делать’, *perder tempo* ‘терять время’, *batter la fiacca* ‘бить баклуши’, ‘сачковать’, *girarsi i pollici* ‘палец о палец не ударить’, *stare in pancialle* ‘лодырничать’, ‘лежать кверху пузом’, *stare con le mani in mano* ‘сидеть сложа руки’ и др.

Однако при опросе информантов-носителей итальянского языка, фраза *fare la dolce vita* всегда обусловлена контекстом и интонацией. Она может содержать упрек в бездействии, праздности, лени. Она может звучать как осуждение бессмысленного прожигания жизни, легкомыслия, излишнего бравирования материальным достатком и его растраты на удовольствия, не приносящие, однако, настоящего удовлетворения, т. е. отсылать к феллинианскому источнику. Но в обоих случаях выражение может получить положительную трактовку (в итальянской традиции сравнительно редко), ассоциируясь с материальной состоятельностью, успешностью, уверенностью, защищенностью, возможностью располагать свободным временем. Бездействие, в свою очередь, воспринимается и как желанное отдохновение, то самое *dolce far niente*.

В русской лингвокультурной традиции концепт *dolce vita* встраивается в аналогичный ассоциативный ряд, но аксиологические акценты могут быть расставлены иначе. Существует три варианта его вербальной реализации. Клише встречается без перевода в латинской транслитерации — *dolce vita*, без перевода в русской транслитерации — *дольче вита*, используется русский аналог — *сладкая жизнь*.

Варианты *dolce vita* и *дольче вита* носитель русской лингвокультурной традиции осознает как заимствования и именно из итальянской культуры, что придает им положительные коннотации, так как в современной русской картине мира превалирует стереотип

⁶ В этом смысле оно довольно широко используется в Италии для наименования отелей, мест рекреации, спа-салонов.

«Италия как Belpaese», то есть прекрасная страна с мягким климатом, приветливыми, немного легкомысленными жителями, вкусной едой, высококачественными товарами и т. д. Поэтому чаще реализуется концепт *dolce vita* как жизнь элиты со знаком плюс.

Рассмотрим определения, наиболее часто сопровождающие *dolce vita* или *dольче вита*. Сочетание *dolce vita* или *dольче вита* очень популярно как название фирм или брендов, обслуживающих важные жизненные сферы (пища, жилье, внешний вид), что, естественно, свидетельствует о его положительном восприятии. Приведем несколько примеров наименований и рекламных текстов, в которых курсивом выделены ключевые слова, соотносящиеся с концептом *dolce vita*⁷.

1. *Dolce vita* — мебельная компания.

Эксклюзивная, но одновременно функциональная классическая мебель или мебель стиля модерн может превратить любое, даже самое скромное жилище в настоящий дворец. Мы считаем, что наша мебель, а это: спальни, гостиные, стенки была и остается символом хорошего вкуса. Классическая мебель, роскошная, элитная или же нарочито-современная — любой вариант отличается абсолютным качеством. Мы используем для создания мебели только самые лучшие материалы.

Группа компаний Dolce Vita — динамично развивающийся холдинг, за более чем 14-летнюю историю своего существования добившийся признания на мебельном рынке РФ, как производитель корпусной мебели класса *Premium*.

2. Материалы для наращивания ресниц *премиум-класса Dolce Vita*.

3. «*Dolce Vita*» — новый коттеджный поселок в Истринском районе...

Мы предлагаем Вам возможность осуществить инвестиции в свое будущее и приобрести земельные участки для строительства загородных коттеджей в престижном районе на берегу живописного озера. Проектом коттеджного поселка предусмотрено все необходимое для благоустроенной жизни и активного отдыха.

4. Ресторан «Дольче Вита» — ненавязчивый аристократизм Италии.

Ресторан «Дольче Вита» — истинный представитель итальянской кухни, в котором понятие «сладкая жизнь» не дань культуре, а неотъемлемая

⁷ Сохраняется орфография и пунктуация источника. Курсив мой. — С. С.

мая составляющая повседневного уклада. Несмотря на утонченность интерьера, в котором присутствуют нотки аристократизма, дизайнераам заведения удалось создать впечатление прозы и даже некой обыденности, что позволяет гостям «Dolce Vita» окружающую роскошь воспринимать, как должное. Однако к преподнесению своей кухни в «Дольче Вита» относятся с куда большим трепетом, чем к парчовым украшениям и *раритетной* утвари. Меню ресторана построено таким образом, что даже после первого визита четко складывается представление о том, что итальянская кухня — это собирательное понятие тех тонкостей и нюансов, которыми отличаются кухни всех двадцати областей Италии. В «Dolce Vita» знают, что начинка национальной пиццы «Тоскана» — это разнообразные морепродукты, тогда как пицца «Венето» немыслима без обилия овощей. Ресторан «Дольче Вита», пожалуй, единственное в столице в заведение, где помимо приятных впечатлений от вкусовых качеств блюд посетитель выносит ценные знания об особенностях их приготовления жителями разных провинций Италии. Для полного осознания шарма ресторана «Дольче Вита» одного вечера хватит едва ли. Каждый следующий визит откроет новую деталь, новую изюминку, новую дверь в *аристократическую* Италию.

5. Что такое «DOLCE VITA»? Это сеть изысканных бутиков женской одежды, эксклюзивно представляющих коллекции известных итальянских торговых марок... Культовая кинолента «La Dolce Vita» гениального Федерико Феллини стала провозвестником нового мировоззрения. Кадры этого фильма вдохновляли художников, поэтов, музыкантов и, конечно же, модельеров всех времен и народов. В конце 50-х после выхода на экран «Dolce Vita» в мире началась Революция моды! «Dolce Vita», «Сладкая жизнь» — что это значит? Это *музыка любви, соблазн обольщения, брызги шампанского, неизменный успех, и бутики, бутики, бутики...*

6. Дольче вита — сладкая жизнь!!! Танцы — вещь полезная и приятная. Танцуя ты развиваешь свое тело. Это предаст тебе уверенности и даже сделает тебя счастливее.

Итак, из приведенных выше примеров становится очевидным, что в русской традиции развивается, прежде всего, идея связи концепта *dolce vita* с образом жизни определенной социальной группы, но при этом, в отличие от трактовки подобного *modus vivendi* в первоисточнике, в русских текстах он рассматривается со знаком плюс. В содержание данного концепта часто входят такие поня-

тия как *роскошь*, *изысканность*, *аристократизм*, *的独特性*, *хороший вкус*, *элитность*, *эксклюзивность*, *высокое качество*, *премиум-класс*, *успешность*, *престижность*, *благоустроенность*, *уверенность*.

В примере 5 есть даже прямая отсылка к фильму итальянского режиссера и объяснение понятия, которое отчасти совпадает с идеей Феллини. *Dolce vita* воспринимается в обеих лингвокультурах и как «праздничное мироощущение». Но «праздник по Феллини» подразумевает и некоторую абсурдность, подмену сильными эмоциями истинных чувств, болезненное опьянение. Российская реклама как будто обещает ровно противоположное: настоящий праздник и полноту чувств, любовь, даже счастье (примеры 5 и 6), не обязательно связанные только с обладанием материальными благами. Похожее восприятие концепта отображается и в тексте песни, которую исполняет популярная певица Жасмин:

Дольче вита не забыта
Первая любовь
Первые слова
Кругом шла голова
Дольче вита, Dolce Vita
Вспоминаю вновь
Семь счастливых дней
Где нашла я любовь...

Я прошепчу: «Вива ла вита»
В сердце моем солнце разлито...

Довольно обосновано в рекламном тексте 5 говорится и о влиянии киношедевра на моду. В итальянской традиции это выражено даже на языковом уровне — фильм стал источником неологизма *dolcevita*. Так называют разновидность облегающего свитера с узким горлом, который может носиться наизнанку (одежда, в которой часто представляли некоторые персонажи фильма, включая главного героя).

Однако стоит отметить, что в некоторых рекламных текстах появляется перевод *dolce vita* как «сладкая жизнь» (в примере 4 встречаются все три варианта вербальной реализации концепта).

Подобное клише существует в национальной языковой традиции, употребляется на обыденном языковом уровне и не является калькой. Достаточно вспомнить приводимую в Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова цитату из Н. А. Некрасова «Скажи ж ты нам по-божески: сладка ли жизнь поповская?» [Ушаков 1935–1940]. Идея сладости метонимически содержится во фразеологизме «не жизнь, а малина!», так как малина — сладкая ягода. В этом смысле «сладкая жизнь» рассматривается как позитивное явление. В Толковом словаре Ожегова в словарной статье «сладкий» также встречается сочетание «сладкая жизнь», но в этом случае наблюдается семантическое схождение с итальянским *dolce* ‘приятный, доставляющий удовольствие’.

В русской, шире — славянской, традиционной культуре «сладкий» связан с идеей «бездедной и благополучной жизни», что фиксируется на языковом уровне в выражениях: *У богатого все сладко, все гладко* [Седакова (в печати)]. Так, в описаниях ресторанов «премиум-класса» словосочетание «сладкая жизнь» иногда становится в своем роде «пищевой метафорой», характеризующей социальный статус целевой аудитории, гипотетической клиентуры, принадлежащей к «сливкам» общества⁸. Но некоторые русские тексты играют на буквальном и переносном значении слова «сладкий», используя выражение «сладкая жизнь», например, в названиях предприятий, занимающихся изготовлением кондитерских изделий, и в передачах, посвященных кулинарии или диетологии. Приведем пример из передачи «Вкус жизни», который в данном отрывке оказывается «сладким»: «Оказывается, мозг человека не может существовать без сладкого больше семи минут! Врачи доказали: ‘сладкая жизнь’ — это короткая жизнь, но и без сахара жизни нет!»⁹. Примечательно, что даже в этой фразе отображена амбивалентность «сладкой жизни», которая характеризуется как «короткая», но одновременно с этим речь идет о пользе и даже необходимости сладкого. В подобных передачах, а также в рекламе кондитерских изделий, ча-

⁸ О семантике «сладкий» как категориального признака пищи, метафорически характеризующего социальное и материальное положение в русской традиции см. [Пьянкова 2008].

⁹ URL: http://www.1tv.ru/sfilms_edition/si6633/fi4

сто появляется ассоциация «сладкой жизни», «сладкого» и соблазна, обольщения, искушения, наслаждения.

Не случайны ассоциации с любовью, соблазном, обольщением в примере 5 или в песне Жасмин. Для русской традиции характерны и эротические коннотации «сладкого» [Седакова (в печати)]; Кабакова 2005: 67–77]. Достаточно вспомнить клише «сладкие поцелуи», «сахарные уста» или «сладкую негу», «сладкое томление» как эвфемизм полового влечения в русской любовно-эротической поэзии. Вместе с тем подобные коннотации в церковной традиции приводят к тому, что сладкий «соотносится с грехом, пороком, “погибелю” души, в ц.-слав. языке и в книжности сладость ‘плотские, греховные наслаждения’, ср. рус. *сладострастный* ‘похотливый’, а также пословицы: “Запрещенный плод сладок”, “Грех сладок, а человек падок”, “Сладкое яденье — душе погубленье”» [Седакова (в печати)]. Так, «сладкая жизнь» в определенных контекстах трактуется как «порочная жизнь».

Любопытно, что в русских источниках существует и другой вариант объяснения-«перевода» клише *dolce vita*, вносящий дополнительные коннотации в понятие, — *красивая жизнь*.

7. Реклама казино online Dolce vita.

В переводе слова «*Dolce Vita*» означают «красивая жизнь». А вам хоть раз в своей жизни хотелось узнать о том, что же это, собственно, такое, красивая жизнь? Конечно же, хотелось, все-таки деньги дают свободу, позволяя работать в свое удовольствие, проводя вечера в любом развлекательном заведении на свое усмотрение, даже не думая о том, сколько вы сегодня потратите.

8. Реклама туалетной воды для мужчин.

В средиземноморской Италии благодаря Федерико Феллини родился несравненный стиль богемы «*дольче вита*», который ассоциируется с *красивой жизнью* римской элиты 50-х годов прошлого столетия.

9. Журнал «DOLCE VITA. Дневник красивой жизни» — ежемесячный городской журнал. Наше издание — это своеобразный «дневник», где известные люди города высказывают свое мнение, делятся яркими впечатлениями, рассказывают об интересных событиях и рассуждают на актуальные темы. Дорогие автомобили, изысканные интерьеры, велико-

лепная кухня, прекрасная музыка, стильная одежда, знаменитая на весь мир литература, живопись, архитектура, вкусная еда, увлекательные путешествия, удивительные приключения — вот основные темы журнала.

В приведенных выше примерах снова встречаются прямые или косвенные отсылки к фильму Феллини, понятие *dolce vita* определяется как «красивая жизнь» и соотносится с идеями принадлежности к элите, известностью, успешностью, обладанием статусных символов материального характера (дорогие автомобили, стильная одежда, изысканные интерьеры) и определенными качествами (вкус, стиль, умение разбираться в искусстве, развитое чувство эстетического), рассматривается как положительное явление.

Но стоит отметить, что в русской языковой традиции концепт *красивая жизнь* не всегда тождественен концепту *сладкая жизнь*. В понятии *сладкой жизни* преобладает идея уверенности, беззаботности, спокойствия, обеспеченного достатком, в то время как с понятием *красивой жизни* связана скорее идея *жизни на широкую ногу*, с размахом, обусловленной все тем же достатком. Вместе с тем важной составляющей концепта *красивой жизни* в обыденном языковом сознании может быть эстетический аспект, пусть даже часто проецируемый на предметы, становящиеся статус-символами, о которых говорилось выше. Однако в ряде случаев *красивая жизнь* понимается и как жизнь, ориентированная на ценности морально-нравственного, духовного значения. О разном понимании концепта позволяют судить высказывания в блогах (приведем один из примеров, в котором предлагается обсудить данный феномен и даются варианты ответов)¹⁰:

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ – ЧТО ЭТО ПО-ВАШЕМУ? КАКАЯ ОНА?

Дорогие мои сообщники, вот скажите, пожалуйста, что для Вас значит КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ? Это много денег, роскошные автомобили, шикарный отдых в Куршавеле, дворцовые интерьеры, туфли от Маноло Бланик?.. Или для кого-то — это значит «вот моя деревня, вот мой дом родной» А может быть КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ — это в бедности, но в любви и дружбе... Или добрая душа, внутренняя гармония... Счастье и

¹⁰ URL: <http://my.mail.ru/community/mybeautiful.life/657DF9D17FD7A844.html>

здоровье своих детей, близких.... Которые даже и не вспомнят о тебе... (и так бывает) Или крепкая дружная семья, пусть и не в достатке, но со стабильным тазиком пельменей на ночь перед телевизором... А бедный художник — это красиво? А бедный, но гениальный — так вообще бывает? А кому-то гламурные вечеринки, ночные клубы, беззаботность и веселье? Что значит Жить Красиво? Пишите о жизни, задавайте вопросы, приводите примеры, высказывайте мнение, в общем пишите. *Задушевные беседы о жизни, все обо всем*

В противопоставлении различных вариантов ответа уже читается возможность неоднозначной оценки элементов *сладкой* или *красивой* жизни. Негативное восприятие феномена *dolce vita*, фактически совпадающее с феллининским, представлено в следующем комментарии к журналу Dolce Vita¹¹:

Dolce Vita — гламур по-кузбасски
Posted by Максим Шипачев on 21.03.2011

Я не люблю гламур, есть в гламуре что-то *нечеловеческое*. В стремлении к нарочитой роскоши гламурные люди, по-моему, так же упрямы как бомжи в стремлении этой роскоши не иметь. Но большими городам не обойтись без гламура. В больших городах живёт много людей и чем больше город, тем толще социальные прослойки.

В большом городе Кемерово эта социальная прослойка тоже есть, ну может не очень толстая, но хочется. Кемеровский гламур как кабриолет среди зимы. И блестит и *нелепо*.

У кемеровского (новокузнецкого) гламуров есть печатные рупоры. Подвергшийся рестайлингу всего (от редактора до обложки) журнал Dolce Vita один из них.

В цитируемом отрывке из Интернет-дневника, а также в высказываниях информантов, можно услышать и осуждение стиля жизни, определяемого ими именно как *dolce vita*. Эпитеты подобного стиля: нечеловеческий, искусственный, нелепый, абсурдный, бездушный, бесцельный, характеризующийся одержимостью статус-символами, фетишизмом, преобладанием материальных ценностей над духовными.

¹¹ URL: <http://maxim.shipachev.ru/2011/03/21/dolce-vita-kemerovo-glamur-mir-mir/>

Двойственное отношение в русской традиции может быть и к пониманию *dolce vita* как беззаботной, безмятежной жизни. Как и в итальянской традиции, в ней осуждению подлежат безделье, легкомыслие, пассивность. Но не случайно в русской классической литературе воспевается *dolce far niente* ‘сладкая лень’, ‘сладкое ничегонеделание’, ‘сладкая нега’, становящееся в некоторых контекстах тождественным понятию *сладкая жизнь*. Следует рассмотреть, что стоит за «ничегонеделанием» на самом деле. Довольно часто оно соотносится с концептами свободы и счастья. Первоисточниками выражения считаются IX-е письмо Плиния Младшего¹² (*illud jucundum nil agere*) или речи Цицерона¹³ (*nihil agree — delectat*), по сложившейся традиции цитируемые в итальянском переводе. В понимании Плиния сладостность «ничегонеделания» состоит в свободе от обязанностей перед другими и возможности посвятить свое свободное время письму, чтению, отдыху, размышлению, то есть на самом деле *dolce far niente* — мечта об отдыхе после трудов и о свободе, но свободе не от дел, а для творчества или свободе быть самим собой:

Плиний Урсу привет! Давно не брал я в руки ни книги, ни стиля; давно не знаю, что такое отдых, что такое покой, что такое это сладостное состояние: ничего не делать, быть никем. Многочисленные дела моих друзей не позволяют мне ни отдохнуть, ни заниматься. (2) Никакие занятия не стоят того, чтобы ради них пренебречь обязанностями дружбы, свято чтить которые учат сами занятия. Будь здоров [Плиний 1984: 143–144].

Похожее понимание *dolce far niente* находим в русской классике. В большом толково-фразеологическом словаре Михельсона представлена подборка цитат из писателей и поэтов XIX века, которую мы приведем ниже:

Ср. Крайне было бы глупо променять сытые обеды, мягкие пуховики, сладкий *far niente*, или *ничегонеделанье*, как говорится по-русски, эту ни с чем несравнимую беззаботность о материальных нуждах на беспокойной должности конторщика...

Григорович. Проселочные дороги. 1, 2.

¹² Plin. jun. 8. Ep. 9.

¹³ Cicer. De oratore. 2, 24.

Cр. Они после обеда все тут и остались, по-итальянски, предаваться на чистом воздухе *dolce far niente*.

Маркевич. Бездна. 1, 6.

Cр. Ах, младость не приходит вновь!

Зови же сладкое безделье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

А. С. Пушкин. Стансы. Я. И. Толстому.

Cр. И *far niente* мой закон.

Я каждым утром пробужден -
Для сладкой неги и свободы.

А. С. Пушкин. Евг. Онег. I, 55.

Cр. Лень в своем здесь элементе:

Здесь ей тихое житье.
Юга *dolce far niente*,
Сладкой неги забытье.
Солнце жарко ли пригреет,
Иль упрячется под тень, —
Все питает, все лелеет
Убаюканную лень.

Кн. П. А. Вяземский. Ницца.

К процитированным в словаре примерам стоит добавить и отрывок из стихотворения поэта Серебряного века Брюсова «*Dolce far niente*»:

Пока там, в море, льются ленты,
Пока здесь, в уши, бьет прибой,
Пью снова *dolce far niente*
Я, в юность возвращен судьбой.

В комментарии к «Евгению Онегину» Ю. Лотман пишет: «LV, 7 – *far niente* (итал.) – “безделие”, “ничегонеделание”». Выражение это встречалось в речи и эпистолярной прозе современников. Батюшков писал Гнедичу 30 сентября 1810 г.: «3 часа упражняюсь в искусстве убивать время, называемом *il dolce far niente*» [Батюшков 1989: 145].

Итак, *dolce far niente* – это досуг, свобода, противопоставленная необходимости заботиться о «материальных нуждах», суетно-

сти мира, это внутренний покой, отсутствие амбициозных стремлений, наслаждение красотой южной природы, иногда состояние созерцательности и душевного равновесия. Напротив, это может быть свобода для чувств, «легокрылой любви», гарантированная все той же свободой от погони за материальными благами, положением в обществе и др.

В современной трактовке мечта о *dolce far niente* часто трактуется даже как «умение жить... для самих себя... в гармонии с окружающими людьми и природой», никуда не торопясь, которым обладают итальянцы. Приведем характерный пример из путевого дневника¹⁴:

Во всяком случае мы с друзьями все четыре дня во Флоренции ужинали именно здесь, на террасе — потягивая вино и любуясь закатной дымкой. В такие минуты понимаешь, насколько нелепы укоренившиеся в России образы итальянцев. С одной стороны, это вечно куда-то спешащий человек с бешеным темпом речи и неистовой жестикulationей. С другой — полный бездельник, лаццарони, знающий только одну науку — сладкого ничегонеделания (*dolce far niente*). На самом деле в Италии никто никуда не спешит. Больше того, все больше набирающее силу движение Slow Cities («Расслабленные города») родилось именно в этой стране. И такие города — вовсе не цитадели безделья. Истина как всегда где-то посередине: главное, в чем по-настоящему знают толк итальянцы, — это умение жить. Не напоказ, а для самих себя. И при этом в гармонии с окружающими людьми и природой.

Подведем итоги, какую презентацию получает концепты *dolce vita* и *dolce far niente* в русской языковой культуре. *Dolce far niente* может быть составляющей концепта *dolce vita*. В отличие от последнего, «сладкое ничегонеделание» представлено как позитивный феномен, соотносящийся с концептом счастья как свободы и покоя, душевного равновесия, возможности заниматься творчеством, избавления от необходимости заботиться о добыче материальных благ, пропитания и т. д. Концепт *dolce vita* как ценность имеет неоднозначную трактовку, хотя в отличие от итальянской традиции, в большинстве случаев рассматривается как поло-

¹⁴ URL: <http://www.otpusk.com/articles/725.html>

жительное явление. Понятие *dolce vita* в русской лингвокультуре обладает большой номинативной плотностью. Основные трактовки и оценки составляющих данного концепта можно представить следующим образом:

- 1) *Dolce vita* — безмятежная, спокойная, свободная от волнений, свободная для творчества, жизнь (+). *Dolce vita* — обеспеченная, комфортная жизнь, уверенность в будущем (+). *Dolce vita* — бездеятельная, пассивная, бесцельная жизнь (-).
- 2) *Dolce vita* — красивая жизнь, изысканная, аристократичная, рафинированная, утонченная, исключительная, неповторимая (+). *Dolce vita* как бездуховная жизнь, как одержимость статус-символами, фетишизм, вещизм (-).
- 3) *Dolce vita* — праздник, жизнь, полная удовольствий и развлечений (+, -). Легкомысленная, пустая, абсурдная, в которой истинные чувства подменяются сильными эмоциями и быстрой сменой впечатлений (-).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Алефиренко 2011 — Алефиренко Н. Ф. Ценностно-смысловая природа языкового знания // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2001.
- Арутюнова 2001 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1988.
- Вежбицкая 2001 — Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева; Под. ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские слова-ри, 1996.
- Воркачев 2002 — Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. Концепт счастья в английской паремиологии // Аксиологическая лингвистика: Проблемы изучения

- культурных концептов и этносознания: Сб. науч. тр. / Под. ред. Н. А Красавского. Волгоград: Колледж, 2002.
- Батюшков 1989 — *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
- Грабарова 2004 — *Грабарова Э. В.* Концепт *savoir vivre* во французской лингвокультуре и его русские соответствия: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Кабакова 2005 — *Кабакова Г. И.* О сладких поцелуях и горьких слезах: заметки по гастрономии тела // Тело в русской культуре. Сб. статей. М., 2005. С. 66–77.
- Лотман 1995 — *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
- Плиний 1984 — Письма Плиния Младшего. М., 1984.
- Пьянкова 2008 — *Пьянкова К. В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
- Седакова (в печати) — *Седакова И. А.* Сладкий // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 5 (в печати).
- Ушаков 1935–1940 — Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

- A. Zoppetti. Il Dizionario Fellinian*: электронный ресурс. URL: <http://www.linguaggio-globale.com/fattidavoi/articoli/fellini/defaultfellini.htm> (свободный)
 URL: <http://studia28.livejournal.com/11321.html>
 URL: http://www.1tv.ru/sfilms_edition/si6633/fi4
 URL: <http://www.otpusk.com/articles/725.html>
 URL: <http://my.mail.ru/community/mybeautiful.life/657DF9D17FD7A844.html>
 URL: <http://maxim.shipachev.ru/2011/03/21/dolce-vita-kemerovo-glamur-mur-mur>

M. M. Макарцев
(Москва)

Проблема идентичности
и система ценностей
у носителей славянского говора
*in statu moriendi*¹

Данное исследование основано на материалах экспедиций 2010 и 2011 гг. в с. Бобоштицу (слав. *Boboštica*, алб. *Boboshticë*; округ Корчи, Албания), где живут последние носители островного славянского говора. Бобоштица — село, которому повезло с описаниями в научной литературе. Это связано с особым географическим положением села: хотя сейчас это самый крайний юго-западный пункт славянской языковой территории, фактически это языковой анклав, оставшийся от большого клина славянских сел в бассейнах р. Девол, Осум, Семан и Вёса до побережья Адриатического моря, см. карту славянской топографии в Селищев 1931/1981. Говор Бобоштицы (а также говор села Дреновене — слав. *Drenovjane*, алб. *Drenovë*, которое находится между Бобоштицей и Корчей в четырех километрах от последней; в настоящее время в Дреновене уже не осталось носителей славянского говора) — последний из балканославянских говоров, когда-то широко распространенных на этой территории. Этим говором занимались А. Шрамек [Šramek 1934], А. Мазон [Mazon 1936; Mazon, Bajrova 1965], Л. Милетич [Милетич 1937а, 1937б, 1937в], Б. Шклифов [Шклифов 1971], Б. Видоески [Видоески 1981], М. Куртъяд [Courthiade 1988; 1993], Л. Джамо-Джаконица [Djamo-Diaconića 1968; 1982], Л. Спасов [Спасов 2000], К. Штайнке и Дж. Юллы [Steinke, Ylli 2007], П. Асенова [Асенова 2007].

Кроме того, не последнюю роль сыграла эмиграция из Бобоштицы в XIX–XX вв. в крупные города Албании, т. е. в Корчу и

¹. Работа выполнена по теме Программы ОИФН РАН «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: Балкано-балто-славика».

Тирану, а также, в Дуррэс, Фиер, Шкодру и Эльбасан; на территорию соседних стран, прежде всего Румынии и Болгарии; в США. Бобоштенцы оказались разбросаны по большой территории, что давало возможность некоторым ученым познакомиться с их диалектом, не приезжая непосредственно в Албанию (см. [Милетич 1937а, 1937б, 1937в; Šramek 1934]).

Обилие описаний компенсируется малым числом носителей — не более 6 человек (и еще некоторое количество носителей языка есть среди эмигрантов), причем степень сохранности диалекта у них варьирует от достаточно высокой до фрагментарной, и все они двуязычны.

Славяне Бобошицы называют себя как македонцами, так и болгарами и просто славянами, а свой язык — македонским / болгарским / славянским или *кайнас* [*kajnas*] ‘у нас’ или ‘как мы’. Мы будем использовать последнее обозначение, вслед за М. Куртъядом [Courthiade 1993]. Кайнас является островным славянским говором с ограниченными коммуникативными функциями. Все носители языка, которые живут в селе, старше 70 лет, их дети и внуки, как правило, не знают его совсем, или же их знание пассивно (носители говорят, что в некоторых семьях эмигрантов кайнас передавался от родителей к детям дольше, чем в селе, поэтому всё еще можно найти носителей моложе пятидесяти лет). В то же время, многие албанализированные по языку славяне по-прежнему включают себя вместе со своими славяноязычными односельчанами в группу *djemtë e vajzat e Boboshicës* (‘сыновья и дочери Бобошицы’) (т. е. автохтоны), которая противопоставлена новым поселенцам (прежде всего аромунам, см. далее). При цитировании материалов по диалекту, опубликованных другими исследователями, или по рукописям, сохраняется орфография оригинала. К. Штайнке и Дж. Юллы также используют латинскую транскрипцию. Носители диалекта при записи используют албанскую орфографию. Для записи текстов на кайнас в своих полевых материалах мы используем латинскую транскрипцию, ударение отмечается подчеркиванием (если носители переходят на другой язык, используется соответствующая орфография). Во всех цитируемых текстах разрядка наша.

Материал для настоящей работы дали интервью с тремя жителями Бобошицы, которые все еще помнят кайнас: с Эльпи

Манчо (алб. *Elpi Mančo*, род. в 1936 г., закончила педагогическое училище в Корче, работала учительницей албанского языка в школе), Ильо Кунешкой (*Plo Kuneshka*, род. в 1925 г., закончил Французский лицей в Корче и Карлов университет в Праге, работал инженером-техником в Корче) и Сотиром Бамбуллы (*Sotir Bambulli*, род. в 1930 г.², закончил Математико-физический институт³ в Тиране, работал учителем математики и физики в школе).

Система ценностей и вопрос идентичности бобоштенцев тесно связаны с историей села и с особенной социолингвистической ситуацией, которая в нём сложилась в XX веке, поэтому мы хотели бы начать статью с краткого введения в проблему.

Основные вехи истории села и социолингвистическая ситуация

Заселение славянами Корчанской долины и земель на юг и запад от нее происходит в VII–VIII вв. н. э. (Селищев 1931/1981: 50). Носители диалекта считают, что славяне живут в селе со времени царя Самуила⁴. По их словам, до начала XX века село

² Так сказал нам сам Сотир. В то же время, Кл. Штайнке и Дж. Юллы пишут, что он на два года младше Ильо Кунешки, то есть, он 1927 г. р. [Steinke, Ylli 2001: 337].

³ Мы не смогли определить, что за институт имеется в виду; возможно, речь идет об одном из факультетов Государственного университета Тираны.

⁴ «Vo vtóra kníga na Mazóna, na André Mazón, támo se vél'i, ot eden brat na Viktor Eftimiu, toj píši, što porádi istorijata, toj účeše mnôgo biblotékite, estí šo éden bulgárski car Samuél', koj se bojúvaše so bizantíncite, sóri <sic> éna vojna, éna bórba túka vo édno mesto, se zóveše Devól' <...> Porádi istorijata, éden istoriánin bizantínski, Skíl'ices, se zóveše Skíl'ices, toj vél'i šo támo bulgárite se nadmózea, sáni trébaše da bégat i tija trágnal'e za <...> tózi mesto, kade se óšl'i tija, što e najug ot Devól', e právi Boboštica» ('Во второй книге Андре Мазона написано об одном брате Виктора Эфтиимиу, который изучал историю и поэтому много читал по библиотекам. Болгарский царь Самуил, который воевал с византийцами, начал воевать здесь неподалеку. Это место называлось Девол. Согласно истории, один византийский историк, которого звали Скилица, говорит, что там болгары победили, и вот, им <византийцам> надо было бежать, и они пошли на это место, на юг от Девола, как раз где Бобошица') [Steinke, Ylli 2007: 345].

было однородным в этническом и языковом плане. Эльпи, показывая нам старые групповые фотографии 1920–1930-х гг., обычно сопровождала это таким комментарием: посмотри, сколько людей, и все они говорили на кайнас, а теперь осталось всего несколько человек.

Жители села ездили на заработки (*gurbet*), но обычно их семьи оставались в селе, а сами они возвращались. В своих записках, опубликованных К. Штайнке и Дж. Юллы, Ильо Кунешка вспоминает такой показательный случай: «*Vo osamnajseti vjëk mnogo ludi ot Boboshtica otidoje vo Vllashko (vo Rumania) za da rabote toko ne trebjëshe da zeme i familjëte çunqi taka zha se rasifjëshe <sic> selloto. Toko boboshjënino Joannis Simeon Gjerazi pobjënja so svata familja. Koga soj çovek pobjënja sosve familja, sveto selo se sobraje vo carkvata i tamo go zakallnaje. Koga Joannis razbira shço go imjëje zakallnato, toj imjësh qarosano mnogo pare, pushç ototenash pare za da se stori most vo golemata rjëka, vo pato shço odi za vo Korça. Mosto ponapre bjëshe ot drjëvo. Sika se stori mosto shço esti eshçe denes. Seljënite se sobraje opet vo carkva, i tamo liturisaje i mu tarnaje zakallnatjeto. Po oposzde, sve soj çovek, Joannis Simeon Gjerazi dade pjët stotini lire florin za da se kúpi selloto ot Sulltano*» ('В восемнадцатом веке многие из Бобоштицы отправились в Валахию (в Румынию) на зарплаты, но они не могли брать с собой семьи, потому что так было село разорилось. Только бобоштенец Йоанис Симеон Джерази отправился со всей своей семьей. Когда этот человек уехал со всей семьей, всё село собралось в церкви и там они его прокляли. Когда Йоани, понял, что его прокляли, он потратил много денег; он сразу отправил деньги на постройку моста через большую реку, там, где дорога на Корчу. А до того мост был из дерева. И вот так был построен мост, который и сейчас там. Жители села опять собрались в церкви, отслужили литургию и сняли проклятие. А потом этот же человек, Йоанис Симеон Джерази дал пятьсот золотых лир, чтобы село выкупили у султана') [Steinke, Ylli 2007: 350–351].

Представляется, что проклятие и последующее снятие клятвы после пожертвования не связаны напрямую с проблемой денег ('община не отпускает своего бывшего члена, пока тот не откупится'). Скорее, можно сказать, что в представлениях бобоштенцев связь между общиной и человеком, уехавшим в эмиграцию без на-

мерения возвращаться назад, не должна прерываться, а пересылка средств — всего лишь форма участия в делах села, посредством которой поддерживается формальный статус человека как члена общины, так как потеря одного члена сообщества — это событие, угрожающее всем. Как показала история села в XX веке, массовая трудовая миграция может всего за полстолетия полностью уничтожить общину. Впрочем, традиция помохи родному селу поддерживается на протяжении почти всего XX века через институт обществ (албанск. *shoqatë*). Первое такое общество было организовано в Бухаресте еще в 1882 г. и называлось «Filloditurake “Boboshtar”» («Общество любителей учености “Бобоштенец”»). В 1894 году ему на смену пришло общество «Shoqëria Boboshtare» («Бобоштенское товарищество»). Целями этих двух обществ, как и организованного в 1905 г. в США «Lulëzimi» («Процветание») были экономическая помощь селу и строительство. Общество «Autonomia» («Автономия»), основанное в 1894 г. в Софии, в отличие от перечисленных выше, имело прежде всего политические цели: освобождение от турок. Бобоштенские общества за рубежом играли важную роль в объединении бобоштенцев за рубежом, сохранении их традиций и связи с малой родиной⁵.

В 1912 г. область Корчи (в том числе и село Бобошица) входит в состав новообразованного албанского государства. Вплоть до Второй мировой войны славяне составляют абсолютное большинство жителей села, но после сожжения села баллистами⁶ в 1944 г. процесс трудовой миграции резко активизируется. Во

⁵ Информация о бобоштенских обществах представлена в экспозиции сельского музея. Мы также пользовались неопубликованными записками Эльпи Манчо. Во всех этих источниках названия обществ переведены на албанский, оригинальные названия не указываются. А. Мазон приводит названия общества *Llaso* (США) и *Fraçia de Bobosceni din Macedonia* (Бухарест, Румыния), но не указывает времени их основания. С. Дамко приводит другие названия: «*Shpresë*» («Надежда») в Румынии, «*Dëshira*» («Воля») в Болгарии, без указания периода, когда они действовали [Dhamko 2010: 91–92].

⁶ Сторонниками *Balli Kombëtar*, Национального фронта Албании. Эта организация была основана в 1939 г. В 1943, после капитуляции Италии, подписала соглашение о сотрудничестве с Германией и совместно с Вермахтом проводила военные операции против партизан.

второй половине XX века происходит заселение освободившихся хозяйств арумынами. С. Т. Дамко [Dhamko 2010: 131] считает, что заселение Бобошицы аромунами происходило тремя волнами. Основываясь на данных службы гражданской регистрации Корчи (албанск. *Gjendje civile*), С. Т. Дамко пишет, что с 1927 по 1933 гг. в селе было зарегистрировано около 15 семей, прибывших из зоны Пэрмета. Переселенцы не имели права строить дома, иметь землю в собственности и обрабатывать новые поля, и поэтому пользовались домами и полями коренных бобоштенцев, покинувших село. Занимались они земледелием и скотоводством. «Многие из них восприняли местную культуру и выучили местный язык [*kajnas*]» [Там же: 131]. С 1937 г. начинается вторая волна: в селе обосновываются аромуны из рода Ницо, традиционно занимавшиеся отгонным скотоводством ('*në fshat erdhën të tjegë vlehe, këta me origjine nomade, me mbiemrin Nico*'). Эти поселенцы пользовались значительно большими правами, и они начали покупать дома у старожилов. Третья волна, самая большая, пришла на 1960-е гг. — эти переселенцы и их потомки и поныне составляют большинство в селе. По оценкам С. Т. Дамко, в настоящее время 42 семьи в селе — автохтонные жители⁷, 136 семей — переселенцы (в основном аромуны). Кроме того, в Корче живут 225 семей бобоштенского происхождения, в Тиране — 50, в Дуррэсе — 15, в Эльбасане — 10 [Там же: 156]. Как среди аромунов, так и среди славян многие перешли на албанский язык, который является единственным официальным языком села и *lingua franca* для межэтнического общения, но если среди аромунов многие всё же говорят на аромунском, то среди славян родной язык находится на пороге забвения.

ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ БОБОШТЕНЦЕВ

Уникальной делает Бобошицу отношение автохтонных жителей села к просвещению. Как и во многих городах и селах Южной Албании и Македонии, в Бобошице действовала греческая школа (с 1880-х годов). Илью Кунешка, который родил-

⁷ Впрочем, большая их часть уже не говорит на славянском диалекте.

ся в семье учителя Мильо Кунешки в 1925 г., уже после того, как в селе открылась албанская школа (в 1917 г.), выучил греческий язык в семье (хотя в детстве основным языком общения для него был кайнас) и помнит его до сих пор. В значительной мере путевку в жизнь многим бобоштенцам дал Французский лицей в Корче (*Liceu Francez*, полноценно функционировал в 1917–1939 гг.). От Бобошицы до Корчи и обратно дети несколько лет (пока не удалось купить велосипеды) ходили пешком, дорога в один конец занимала около одного часа сорока пяти минут. Как говорит один из опрошенных нами носителей, бобоштенцы составляли значительную часть учеников Лицея.

После Лицея многие бобоштенцы получили высшее образование в крупных научных и образовательных центрах Албании и Европы. С. Т. Дамко приводит список жителей села (в преобладающем большинстве своем славян-автохтонов) с высшим образованием — всего 43 человека, из которых только 18 получили образование в Албании, а 25 — за рубежом (в Болгарии, Германии, Польше, России, Румынии, Франции и Чехии). Из них 13 человек стали преподавателями в высшей школе. Кроме того, 27 человек получили военное образование, из них шестеро — в Советском Союзе, а 21 — в Албании. Еще 77 человек получили среднее специальное педагогическое образование (в училище в Корче), и многие из них работали по специальности в городах и селах региона. Уроженцами села были Димитри Цанцо (1814–1904; учился в Константинополе и в Питешт в Румынии, опубликовал ряд документов по истории села, перевел фрагменты службы и Евангелия на кайнас), Димитр Моле (албанский патриот, эмигрировавший в Болгарию и затем участвовавший в Битольском конгрессе — *Kongresi i Manastirit*, 1908, на котором был принят современный албанский алфавит), Джерджь Бубани (1899–1954; основал первое Албанское радио), Виктор Эфтимуу (1889–1972, известный румынский писатель), Сотир Кунешка (1912–1992, первый специалист по ядерной физике в Албании, первый декан факультета естественных наук Государственного университета Тираны, академик Албанской академии наук, консультант Словаря современного албанского языка 1980 года) и многие другие.

Едва ли в Албании (а возможно, и шире) можно найти другое село, где была бы такая же большая доля хороших технических специалистов и выпускников престижных вузов. Для бобоштенцев образование и специальные знания, насколько можно судить по интервью, являются условием *sine qua non* состоявшегося человека. Большим уважением пользуется человек *so um*: это относится и к трудовым навыкам (Эльпи с большим уважением рассказывала о том, как Илью работает с механизмами и машинами), и к специальным знаниям, не связанным напрямую с производством (та же информантка рассказывала о разных исследователях — лингвистах и этнографах, которые в разное время опрашивали ее, сравнивали вопросы, которые они задавали, оценивали их подготовленность для работы с носителем (!)), и к знанию других языков (о чём будет сказано в одном из последующих параграфов).

В этом особом отношении к образованию кроется и одна из причин размывания первоначального этнического облика села. Высшее и профессиональное образование послужило для многих бобоштенцев социальным лифтом, который позволил им найти хорошую работу в крупных городах Албании. С ними уезжали их семьи. В селе оставалось только старое поколение. Конечно, эмигранты поддерживают с ними связь, но она прервётся со смертью оставшихся.

Язык и идентичность

Известно, что на Балканах язык является одной из самых важных ценностей, и Бобошица в этом не исключение. Говоря об истории села и о том, что нет документов о первоначальном населении Бобошицы, Эльпи, в частности, сказала: «*I sos esti dokument, šo zborvime kajnas, žeš tja vel'e nemate dokumenti, po dobar dokument nema*» ('И то, что мы говорим на кайнас — это документ, потому что они говорят, будто бы у нас нет документов. А лучшего документа быть не может'). В наших беседах она несколько раз повторяла этот аргумент: язык, на котором говорят в селе — это лучшее свидетельство их древности и автохтонности. После того, как в Бобошицу в ноябре 2006 года приехала лингвистическая

экспедиция из Инситута македонского языка в Скопье, одной из задач которой было описать славянскую топонимику Корчанской долины, Эльпи записала славянские топонимы из Бобошицы и ее окрестностей, которые, по ее мнению, свидетельствуют о древности славянского населения в этой области⁸.

Кайнас является одним из элементов, которые определяют идентичность многих жителей села. Даже те, кто уже не говорит на нём, упоминают его, когда перечисляют, чем знаменито их село: языком кайнас, народной одеждой, песнями, праздником Росице, шелковичными деревьями (*Morus Vieillot*; кайнас *čarničke*, албанск. *tana*), из которого получается замечательная ракия.

Помимо статуса составного элемента местной идентичности, кайнас представляет ценность сам по себе, как средство коммуникации. Эльпи рассказывала, как Андреа поехал на фабрику в Касторию/Костур в Греции. Он никак не мог объясниться с директором, потому что из иностранных языков тот владел только английским, которого Андреа не знал. Тогда он спросил его, владеет ли он славянским языком. «I mu rekoj: “Zborviš makedonski?” — “Ka ne zborvam!”, reče. <...> Tjelko sledo, tri novi, mi bađaje po svata fabrika tam, mi kaže tjez što mi trebije mliene, reče <...>, i zborvajme kajnas». Šo ža se veli, jeden jezik malečok kaj esti makedonski, što francuski i engliski ese jazici goljemti tija <...> i trebi da go znae čovčeko» ('И я ему говорю: «Ты говоришь на македонском?» — «А то как же!» <...> И вот, я был там три дня, меня водили по всей

⁸ Вот этот список: *Llanova, Gllaveshova, Viçi petroer, Metoq, Bambullova, Gavrillova, Guzhillova, Dedullova, Sopatishte, Pandornica, Galinata, Lisqete, Kraishta, Bočka, Muzga, Plloçinata, Varbica, Bladenovo, Denica, Podvrok, Vonakovo, Skarkata Sfata Nikollska, Tiof, Garvanka, Skarkata na Svitli Lia, Kovaçovi, Garloto Goljemo, Garloto malečko, Curculciti, Pelyer dollen, Pelyer oxgora, Krestati pat, Çaparovi*. Также она записала названия окрестных сел: *Dvorjene, Kamenica, Pepellash, Bjella voda, Orenjo, Polena, Voskopoja, Drenovjene, Ostrovica, Pojan, Gollobérda, Zvezda, Podgorie, Porodina, Damjanec*. Как она считает, все эти названия славянского происхождения. Когда мы спросили, какая, по ее мнению, этимология у названия села Воскопоя (алб. *Voskopojë*, арум. *Moscopole*, греч. *Μοσχόπολις*) она сказала, что это *pol'e za asker* 'поле войска'. Впрочем, это выводит нас на тему лексических пересчетов с кода на код (ср. греч. πόλις, отождествляемое с болгар. / макед. *pole*).

фабрике, показали, что мне было нужно, сказал <Андреа>. И мы говорили на кайнас. Что тут сказать, такой маленький язык, как македонский — потому что французский и английский большие языки — и его должен знать человек').

Роль кайнас как одного из элементов идентичности не исчерпывается уровнем села: бобоштенская пирамида идентичности «я бобоштенец — я корчанец — я албанец»⁹ здесь осложняется тем, что кайнас может быть использован как основание для иной модели. Болгария и Македония — две конкурирующие страны для выбора бобоштенской идентичности, поэтому от определения статуса кайнас зависит и определение статуса славяноязычных жителей села (болгары или македонцы).

Как уже было сказано, бобоштенцы могут называть свой язык болгарским, македонским, кайнас или просто «нашим языком», а себя, соответственно, болгарами, македонцами или славянами. Даже один человек может использовать в разное время разные названия. Это зависит и от темы разговора. Если обсуждается не связанная с языком тема, то слова *kajnas*, *makedonski* и *bulgarski* используются как синонимы. Определение *jaziko(i) naš* используется безотносительно к теме разговора. Если же темой являются особенности кайнас, то используются только *kajnas* и *jaziko(i) naš*, поскольку в этом случае македонский и болгарский противопоставляются ему.

В этой сложной ситуации решение принимается в пользу албанской идентичности. Вот как Эльпи рассказывает об одном споре о национальной принадлежности бобоштенцев, в котором ей пришлось участвовать: «I mi dojde ta eden od Skopja, eden maž, mlad be <...> i be na porti, ustana, i mi reče toj: “Zborviš makedonski ti?” — “Nie, jeskaj zborvam kajnas, ne zborvam makedonski”, mu rekoj jeskaj. “Šo esti kajnas?” — “Kajnas esti jezik” <...>. I reče: “Ti mor, ti nesi boboštenka, ti nesi albanska, ti es*i* makedonska” — “Nie, jeskaj nesam makedonska, jesam albanska, toko origjinata naša esti bulgaro-slave, ne makedonski, bulgaro-slave” — “Nie, zborvaš janglăs” — “Nie, ne zborvam janglăs jeskaj”. “A kombësijata?” — “Kombësijata alban-

⁹ Ср. европейскую пирамиду идентичности (например, «я баварец — я немец — я европеец»).

ska») ('И ко мне приехал один мужчина из Скопье, молодой. И он встал в дверях и спросил: «Ты говоришь по-македонски?» — «Нет, я говорю на кайнас, я не говорю на македонском», ответила я. «Что такое кайнас?» — «Кайнас — это язык». И он сказал: «Ты — не бобоштенка, ты не албанка, ты — македонка» — «Нет, я не македонка, я албанка, только наше происхождение — болгаро-славянское, не македонское, а болгаро-славянское». — «Нет, ты ошибаешься» — «Нет, я вовсе не ошибаюсь». «А по национальности ты кто?» — «По национальности я албанка»'). Таким образом, Эльпи определяет национальную принадлежность жителей села как албанскую, пусть даже их происхождение и болгарское/славянское.

В вопросе о национальности автохтонных жителей села Сотир Бамбуллы занимает прогреческую позицию: *I svjetlo l'udi që dojdaje tua <...> od Bulgarija dojdoje <...> Tie što ese makedonci, nese makedonci, vo Makedonija nema makedonci tamo, tie dojdoje tua, da vel'e: "Este makedonci". Ese bulgari!* ("И все люди, которые переселились сюда, пришли из Болгарии. Те, македонцы, на самом деле не македонцы, в Македонии нет македонцев. Они приходят сюда, чтобы говорить: «Вы македонцы». А они <сами-то> болгары!"). Поэтому статус автохтонных жителей села не представляет для него проблемы: он считает их болгарами.

Как мы уже упоминали, кайнас представляет собой ценность для большинства автохтонных жителей села, поскольку он входит в качестве составного элемента в их местную идентичность. Однако с точки зрения оппозиции свой–чужой его статус не так прост. Если кайнас используется как средство идентификации, то, что делает жителей Бобоштицы особенными (пусть даже они не владеют им), то он, безусловно, *свой*. В то же время, языком повседневной коммуникации для жителей села (и в том числе для Ильо, Сотира и Эльпи) остается албанский. На этом языке они говорят с друзьями и родственниками, слушают радио и смотрят телевидение, читают книги, общаются с представителями власти. Поэтому одним из основных клише в их речи, которое используется, когда они не могут вспомнить какое-то слово на кайнас (что бывает достаточно часто), является: «Мы называем это так-то, а на кайнас я не знаю, как это сказать», или просто «мы называем это

так-то»: «*kaj ižl'ezime enaš, da vidime dynja*¹⁰, ka mu vel'ime» ('когда мы поедем за границу, чтобы увидеть *dynja* [мир], как мы его называем'); «*imame storeno daskalata fillore, mu vel'ime nje, tua, vo selo*» ('мы закончили *fillore* [начальную], как мы ее называем, школу, здесь, в селе'); «*I toj se klava vo eden itis, ili nadvor vo... toka, ili vo dvoro. <...> Toko da esti, ballë-përballë mu vel'ime, če da se pul'e. Nje odzadi. Nje na kraj. Toko, ballë-përballë mu vel'ime nje, so da se pul'i*» ('И его ставят в стену или снаружи, в *toka* [землю], или во дворе. Только он должен быть *ballë-përballë* [лицевой стороной], как мы говорим, чтобы его было видно. Не сзади. Не с краю. Только, *ballë-përballë* [лицевой стороной], как мы говорим, чтобы его было видно'); «*koga vlgvješe od planina, od stado, çobano, ka mu vel'ime ne, kad... na kajnas... Toj šo branješe, toj šo branješe... <MM: ovce, krave. > EM: Ovçarot!*» ('когда спускаются с гор, от стада, *çobano* [пастух], как мы его называем, когда... на кайнас... тот, кто сторожил, кто сторожил... <MM: Овц, коров> EM: Пастух!'). Таким образом, язык, который ассоциируется с понятием «мы, говорящие» — это албанский, а кайнас парадоксальным образом принимает статус чужого языка.

Религия и идентичность

Все жители села — и автохтоны, и арумыны — православные. Как говорят бобоштенцы-славяне, за всё время они не дали поселиться на их землях ни одному албанцу-мусульманину. Служба в бобоштенских церквях в османское время и в первое десятилетие после освобождения велась на греческом языке. Бобоштенцы вспоминают, что в конце XIX в. священник Теодор Кочов перевел часть богослужебных книг и евангелия на бобоштенский диалект, и служил на нем в церкви: «*sos Popo shço bje togas, Theodhar Koçov (Ikonomo) so Dhaskallo Dhimitri Canco i so Dhaskallo Dhimitri Verdhov prevarnaje evangjeljeto i psallvanjeto vo jëzik sllavsqi za da razbere luditi shço se veli vo psallvanjeto, i togas qinisaje da psallve vo jëzik sllavsqi*» ('Этот священник, который был тогда, Теодор Кочов (Икономо) с учителем Димитрием Цанцо и с

¹⁰ Курсивом выделены иноязычные (= албанские) вкрапления.

учителем Димитрием Вердовым перевели евангелие и песнопения на славянский язык, чтобы люди понимали, что там поется, и тогда начали петь на славянском языке') (Steinke, Ylli 2007: 353)¹¹, но после смерти о. Теодора службы вновь стали проходить на греческом¹². Сотир Бамбуллы говорит, что во время его детства проповеди в церкви говорили *na bulgarski*, а на Пасху пели «Христос воскресе». Службы на албанском языке начались только после провозглашения автокефалии Албанской Православной Церкви в 1922 г. (Elsie 2001: 196–200). С 1967 г., когда религия в Албании была полностью запрещена, церкви в Бобоштице были закрыты и использовались как технические сооружения.

В воспоминаниях Сотира Бамбуллы о жизни под тоталитарным режимом основное место отведено православной вере, которая сохранялась в семье всё время, несмотря на запреты. По православным праздникам и в воскресные дни, ночью, Сотир и еще несколько человек ходили к запертym бобоштенским церквям, жгли свечи и молились. Молились они и дома, в основном по-албански, но также и на греческом. После демократических изменений Сотир организовал открытие первой православной церкви в постсоциалистической Албании (церковь св. Марии в Бобоштице, 15 августа 1990). 6 января 1991 г. в Корче было организовано общество *Mbjtësit e Kryqit* («Несущие крест»), секретарем которого был избран Сотир. Члены общества ездили по городам и селам Албании, создавали приходы и открывали церкви. А 17 марта того же года в Корче состоялось учредительное собрание возрожденной Албанской православной Церкви, на котором Сотира выбрали главой правления. Он ездил в семинарию в Кастроию/Костур для переговоров о том, чтобы албанским кандидатам в священный сан было разрешено обучаться в местной семинарии. Затем возглавлял делегацию Албанской православной Церкви в Афины для поиска подходящего человека на пост предстоятеля Церкви, и после того, как они заручились предварительным согласием митрополита

¹¹ Фрагменты перевода Евангелия опубликованы в [Mazon 1936: 114–144].

¹² В настоящее время в селе нет священника, по воскресным дням и по праздникам приезжает священник из Корчи или из Тираны, и служба проводится на албанском языке.

Анастасия (Яннулатоса), они отправились в Константинополь для переговоров со Вселенским патриархом о каноническом окормлении нововосстановленной церкви. Епископ Анастасий был отправлен в Албанию — сначала как патриарший экзарх, а затем и как глава автокефальной Албанской православной Церкви. Сотир же отошел от дел, вышел на пенсию и сейчас живет в своем доме в Бобоштице.

Православная вера, вместе с греческими корнями семьи, служит основанием для идентичности для Сотира Бамбуллы. Когда жена Сотира (она албанка, родилась в одном из корчанских сел) заговорила о празднике *Rosice* (празднуется на 25 день по Пасхе, в его основе лежит обход села женщинами под пение благопожеланий, за что им жертвуют продукты для праздничной трапезы), который отмечался в селе накануне, Сотир строго сказал, что это языческий праздник, а вместо него надо праздновать Преполовение Пятидесятницы, когда вспоминается, как Христос учил в Иерусалимском храме. Затем Сотир говорил об истории Православия в Албании, о лидирующем месте Русской Православной Церкви в православном мире. Вспомнил он и о том, что женщины должны носить в церкви платочки, как это делается в Греции и России. Как видно, интересующая его тематика отражает соответствующий сегмент церковной публицистики, во многом одинаковый в Албании, Греции и России.

Православие как основа идентичности создает условия для особого отношения к России. Как мы писали в другом месте [Макарцев 2011], в Албании в целом и в частности в Бобоштице Россия воспринимается как СССР, с которым в основном связаны положительные коннотации. Для Сотира же положительные коннотации образа России связаны в первую очередь с единством религиозной традиции в Южной Албании, Греции и России. Он много читал о русском православии (в том объеме, который доступен на албанском и греческом языках), показывал нам статьи в церковных изданиях, посвященные российским новомуученикам и исповедникам. По его словам, «*Patriarku i Rusisë është simbol i Ortodoksisë për të terë botën sot*» ('Сегодня Патриарх Российской — это символ Православия для всего мира').

Общество «Кайнас»

Система ценностей жителей села нашла свое отражение в весьма интересном документе — уставе общества «Кайнас» (составлен в ноябре 2006 г.)¹³. Устав имеет следующую структуру: введение (имя, место подписания устава); список членов (40 человек в четырех кварталах села: Целковене, Братско, Бунар, Попчиште); цели общества; социальная и экономическая деятельность; администрирование; условия роспуска и отношение к другим обществам; условия вступления; обязанности членов; разное; подписи составителей устава (Сотир Дамко, Эльпи Манчо, Тодо Джермани, Рико Богадини, Сотир Бамбуллы, Ильо Кунешка); заключительная формула.

Опустив особенности и части содержания, характерные для официальных текстов, остановимся на важных деталях, напрямую связанных с системой ценностей.

Прежде всего, язык рукописи — кайнас, а не албанский, при том, что им не владеет абсолютное большинство членов общества. Это своего рода попытка придать кайнас официальный статус. Параграфы, прямо или косвенно затрагивающие языковой вопрос, немногословны, но красноречивы: «На языке кайнас пусть говорят в селе и да не забудем его вовеки»; «Нужно, чтобы те старые селяне, которые остались в селе, говорили на кайнас молодым, как называются горы, поля, реки, чтобы это пребывало неизменным»; «Приложим труд, чтобы выучить наших детей языку кайнас»; «Составить букварь и словарь. Дома говорить на этом языке с нашими детьми»; «Членами общества могут быть все люди <...>, происходящие из старых семей в Бобоштице и Дреновене, в которых говорили и говорят на языке кайнас».

Кайнас в системе ценностей бобоштенцев неразрывно связан с обрядовой и культурной традицией: «Общество должно сблизить селян. Пусть сохраняется верно традиция, бывшая в селе, обычай

¹³ В нашем распоряжении находится версия устава, включенная в рукопись С. Дамко [Dhamko 2010: 87–91]; см. также краткое сообщение об уставе: [Антонова-Василева 2009: 16]. С. Дамко не владеет кайнас, кроме того, в рукописи не проставлена диакритика, поэтому мы будем цитировать ее в русском переводе.

свадебные, погребальные, крестильные. Будем петь песни на языке кайнас, рассказывать сказки, соблюдать обычай праздников»; «Сделаем и невозможное, чтобы найти документы, в которых говорится и пишется о культуре сел наших, о церквях, школах, источниках¹⁴, дорогах, о всем благом¹⁵, что было когда-либо в селах наших».

И ландшафт (горы, поля, реки), и архитектурные объекты (церкви, школы, источники, дороги), и обрядовая и культурная традиция существуют через язык и не мыслятся в отдельности от него. Вспомним, например, списки топонимов, составленные Эльпи — что это, как не попытка удержать через язык распадающийся со смертью большинства носителей традиции космос («что-бы это пребывало неизменным»).

Вслед за ландшафтом («горы, поля, реки») в космос бобоштенцев входит растительный мир, прежде всего *шелковица*: «Оба этих села <Бобоштица и Дреновене> как вокруг, так и внутри словно скрыты бесчисленным количеством шелковичных деревьев, черных, посаженных в незапамятные времена». Во всем регионе шелковица растет только в Бобоштице, Дреновене, а также в окрестностях Трески и Требицки (в округе Виткуча — *gethi i Vithkuqit*). С. Дамко пишет, что согласно устному преданию, шелковица была принесена в эти места св. Наумом, учеником Кирилла и Мефодия. «Каждый бобоштенец, который уезжает из села, целует и гладит ствол шелковицы, как будто, чтобы получить ее благословение на всякое благое дело. <...> Другое символическое действие — это нанесение при помощи шелковичного сока пятен на [кожу? — М. М.] многочисленных гостей села. Идея этого обычая — благопожелание, а также подтверждение того, что человек был в Бобоштице. Этот обычай приурочивается ко дню Успения — 15 августа <...>. Что касается бобоштенцев, то для них нет нужды в таком подтверждении, потому что их руки и так черные во все сезоны, из-за того, что они собирают плоды шелковицы для изготовления ракии» [Dhamko 2010: 8].

¹⁴ *çezmјete*.

¹⁵ *dobrinjete*, от *dobrina* ‘bienfait’ [Mazon 1936].

Из приведенных фрагментов становится ясно, что шелковичные деревья являются одним из символов идентичности для бобоштицев. Это особенно подчеркивается тем фактом, что шелковичные плоды нельзя перевозить, поскольку они легко сминаются, и поэтому их можно встретить только в регионе, где они произрастают.

Наш материал показывает, что система базовых ценностей носителей славянского говора Бобошицы подвергается изменениям. Это прежде всего касается языка, который превращается из средства коммуникации в знак идентичности. Другие зоны системы ценностей изменяются в значительно меньшей мере: свой высокий статус сохраняют образование, родное село с его ландшафтными и природными особенностями. В случае Сотира Бамбуллы основанием для идентичности является религия, но на наш взгляд, это достаточно редкий и нехарактерный для ситуации в целом случай. По всей видимости, даже с окончательным переходом на албанский язык система ценностей не подвергнется полной перестройке, за исключением потери кайнас своего статуса.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова-Василева 2009 — *Антонова-Василева Л.* Съвременни документи за езика на с. Бобошица, Корчанско (Р. Албания) // Информационен бюллетин на БАН, № 2 (132), год. XIV, февруари 2009. С. 16.
- Асенова 2007 — *Асенова П.* Бележки върху българските говори в Албания // Българските острови на Балканите. София, 2007. С. 45–51.
- Видоески 1981 — *Видоески В.* Бобошица (Boboshtica, OLA 106) // Fono-loški opisi srpskohrvatskih / hrvatskostrpskih, slovenačkih i makedonskih go-vora, obuhvaćenih opštесlovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981. S. 753–761.
- Макарцев 2011 — *Макарцев М. М.* Образы России и Европы у славян Бобошицы (область Корчи, Албания) // Образ России на Балканах. Мифологемы, идеологемы, политические и культурные связи. Доклады российской делегации к международному коллоквиуму (Варшава, 7–9 ноября). М., 2011.
- Милетич 1937а — *Милетич Л.* Нови сведения за македонските българи в Бобошица (Корчанско) и техният език // Македонски преглед, № 3–4, 1937, год. X.

- Милетич 1937б — *Милетич Л.* Образци от говора на с. Бобошица (Корчанско) // Македонски преглед, № 3–4, 1937, год. X.
- Милетич 1937в — *Милетич Л.* Най-старинният днес български говор е в Македония // Македонски преглед, № 1–2, 1937, год. XI.
- Селищев 1931/1981 — *Селищев А. М.* Славянское население в Албании. София, 1931 (репринт: 1981).
- Спасов 2001 — *Спасов Й.* Говорот на Бобошт(шч)ица денес (врз основа на нов снимен материал) // XXVII Научна Конференција на XXXIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001. С. 227–231.
- Шклифов 1971 — *Шклифов Б.* Общността на говора на село Бобошчица с костурски говор // Български език, № 1, 1971, год. XI.
- Courthiade 1988 — *Courthiade M.* Les derniers vestiges du parler slave de Boboščica et Drenovene // Revue des études slaves, t. 60, № 1, 1988.
- Courthiade 1993 — *Courthiade M.* Un parler slave singulier: le “kajnas” d’Albanie orientale // *Balcanica Posnaniensia. Acta et studia.* VI. 1993. P. 237–326.
- Dhamko 2010 — *Dhamko S. T.* Boboshtica. Historie. (Një variant.) Boboshtica, 2010 (рукопись).
- Djamo-Diaconița 1968 — *Djamo-Diaconița L.* Contributions à l’étude du lexique d’une patois slave d’Albanie (Boboscica et Drenovjâne) // Romanoslavica, № 16, 1968.
- Djamo-Diaconița — *Djamo-Diaconița L.* Formarea cuvintelor în graiul slav din Boboștița // Македонски јазик, № 32–33, 1982.
- Elsie 2001 — *Elsie R.* A dictionary of Albanian religion, mythology and folk culture. London, 2001.
- Mazon 1936 — *Mazon A.* Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du Sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d’études Balkaniques — V.)
- Mazon, Filipova-Bajrova 1965 — *Mazon A., Filipova-Bajrova M.* Documents slaves de l’Albanie du sud. II. Pièces complémentaires. Paris, 1965. (Bibliothèque d’études Balkaniques — VIII).
- Šrámek 1934 — *Šrámek E.* Le parler de Boboscica en Albanie: étude expérimentale d’une poronciation // Revue des études slaves, t. 40, № 3–4, 1934.
- Steinke, Ylli 2007 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. Münich, 2007.

И. А. Седакова
(Москва)

Аксиологический статус вещи (по материалам книги Е. Гинзбург «Крутой маршрут»)*

«С вещами» — Какое содержание скрывается за этой короткой формулой! ...Ты лишена свободы. Тебя волокут, как вещь, куда вздумается хозяевам.

Е. Гинзбург. Крутой маршрут

Роман Е. Гинзбург «Крутой маршрут. Хроника времен культа личности» — одновременно автобиографическое, историческое и художественное свидетельство. Особый статус предметного мира, о котором здесь будет идти речь, задается «сакральным» формулой: «С вещами» [Гинзбург 2007: 159], маркирующей кардинальный поворот¹ в человеческой жизни. Превращение жизненного пути в «крутой маршрут», разделение бытия на два четких временных отрезка — «тот, долагерный» и «этот, в застенках» описывается во всех «лагерных» произведениях ([Волков 1989; Солженицын 1999] и др.) и нередко обозначается именно подобными клише (ср. другие фразы при аресте: «Бельишко ему соберите» (22)², «С ве-

* Статья написана в рамках Программы Президиума РАН (Направление 6. «Историко-культурное наследие в языках, литературах и фольклоре народов России», проект «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: история и современность», 2009–2011).

¹ У А. И. Солженицына эта роковая черта обозначается как *излом, молния*, ср. также: «Арест!! Сказать ли, что это перелом всей вашей жизни?...» [Солженицын 1999/1: 15].

² Здесь и далее обозначается только страница по изданию [Гинзбург 2007].

щичками», «С вещой»)³. Варианты этой фразы сигнализируют об изменении судьбы арестованного, всегда непредсказуемой, которого, как бездушный предмет, как *вещь*, перемещают из одного пространства в другое, что отражено в цитате, взятой в качестве эпиграфа к статье.

У Е. Гинзбург разделение жизни на отрезки «до» и «после» ареста проводится последовательно по всей книге, более того, два периода жизни получают разнообразное обозначение — числовое, порядковое: «В той, другой, первой моей жизни, которая теперь казалась приснившейся⁴...» (714), «последний Новый год первой моей жизни» (37) и линейно-временное «Было у меня, в моей прошлой жизни...» (447) и др. Так жизнь получает темпоральное определение и соответствующую аксиологию: первая часть видится как *неправдоподобная, обольстительная, чистая, светлая* (прошлое), а вторая как *жизнь безумная, лагерная, камерная, тюремная* (настоящее). Перекличка этих двух отрезков нередко осуществляется через предметы, вещи — иногда даже через их отсутствие, всегда значимое, маркированное. Это сравнение эксплицируется, и *вещи* из «той» и «этой» жизни сопоставляются. Но через вещи сопоставляются не только отрезки на жизненном пути автора, но и жизнь в заключении и жизнь обычных людей на свободе, ср. картину, открывшуюся заключенным из окна эшелона при пересылке в другой город: «Подошел дачный поезд, и из него вылилась веселая, пестрая толпа людей с букетами цветов, с улыбками, с детьми, с вещами. Нет, не с теми страшными узлами, какие именуются “вещами” у нас в тюрьме, а с теми милыми, трогательными вещами, которые остались там, за стенами. Пакеты с фруктами, чемоданчики, игрушки» (170). Не случайно, здесь тюремные *вещи* поставлены в кавычки: действительно, для многих предметов, которыми располагают заключенные, используется другая лексика: *лохмотья, рванье, тряпье, отрепье* и т. д. Это или остатки прежнего устройства быта, или приобретения и окружение нового су-

³ Ср.: «... если “с вещами” — все бледнели... “на суд”, “срок объявить”... “без вещей”... камера охватывало волнение другого рода» (148).

⁴ Сном кажется автору и «та» жизнь, и «эта»: «Мы пришли из страшных снов» (301).

ществования, во всяком случае, не домашние и не женские, они и обозначаются лексемами из другого словаря: чуни, бушлаты, малахи, хламида, лапти, пайка и т. д. Переносятся эти вещи (*пожитки*) именно в упомянутых выше в цитате узлах⁵ («С вещой». Увязываю в узел мое окончательно обтрепавшееся баражлишко» (486); «Мое имущество — узелок с бельем — галантно выносит конвойр» (93)), узлы же прочно ассоциируются с нищетой, бродяжничеством и лишениями, ср. «узелок, исконный, сермяжный, уводящий в проселочную Русь» (163).

Мы обозначили контрастность предметов в двух мирах, чтобы перейти к краткой характеристике общей семантики, семиотического и аксиологического потенциала вещи. Вещь как объект материальный по определению имеет ценность, стоимость, особенно если иметь в виду, что само слово *ценность* многозначно ('стоимость, цена', 'важность, значение', 'ценный предмет, ценное явление' [Шведова 2007: 1078]). Ценность вещи выражается не только и не столько в ее «стоимостном» эквиваленте (хотя и эти параметры релевантны в романе), сколько в ее включенности в определенный контекст (пространственные, временные и др. обстоятельства) и в многоаспектном соотнесении с человеком и его поведением⁶. Это согласуется с многочисленными определениями ценности как социокультурного, политического, этического, философского понятия (ср. [Maslow 1959; Goldthwait 1985, 1996; Рябов, Курбангалеева 2003; Бартминский 2005; d'Andrade 2008] и мн. др.).

В самой семантике слова *вещь*, столь емкой (она обозначает целый класс — 'неодушевленные предметы', отсюда и *вещи* 'личное имущество, скарб, пожитки') и в то же время конкретной ('о произведении искусства'), содержатся колоссальные возможности для семиотизации и аксиологии (ср. хотя бы оценочное выражение «Пирог с грибами — это вещь!» [Шведова 2007: 87]).

⁵ Узлы противопоставляются привычным сверткам, пакетам, чемоданам и сумкам, ср. язвительные замечания надзирателей: «Чемоданы ваши еще не прибыли, мадам туристка» (307).

⁶ О персонификации вещи как знаковом свойстве культуры см. [Бодрийяр 1995].

При этом метафорические значения у *вещи* почти не развиваются, а значение этого слова может минимизироваться и сводиться практически к нулю ('нечто'), становиться вспомогательным членом конструкции (ср. выражения: «Это непростая вещь», «Странная вещь...» и др.).

В романе Е. Гинзбург любая упоминающаяся вещь значима и получает оценку, эксплицитно или имплицитно. Утилитарность, незаменимость, эстетичность, способность аккумулировать историю и воспоминания, ассоциации с людьми, местом, эмоциональным и духовным состоянием — все это составляет аксиологический ореол вещи. Ценность каждого предмета во всех этих аспектах — и прагматических, и символических — в разы возрастает в условиях заключения, лишения необходимых вещей и: удаленности от дома и привычного хода жизни.

Как и в аксиологии других понятий, ценность предмета проявляет себя в ситуации сравнения, но особенно в ситуации его отсутствия. Здесь можно вспомнить А. Маслоу, который писал, что понятие ценности возникает там, где есть неудовлетворенная потребность [Maslow 1959; Маслоу 2001], то есть где актуализируется отсутствие как отрицательный член оппозиции «наличие — отсутствие» в ее преломлении «духовное — материальное».

Эти оппозиции следует рассматривать в контексте основополагающей аксиологической пары «жизнь — смерть»⁷, которая коррелирует с другими базовыми противопоставлениями: «культура — природа», «социальность — асоциальность», «человеческое — нечеловеческое (животное)». Эти оппозиции приводят и к другим аксиологическим парам: «душевность — бездушие», «одушевленность — неодушевленность», «человек — вещь» и некоторым другим. Такие цепочки бинарных противопоставлений, переход одного в другое отражают сложность аксиологической картины мира, в том числе и аксиологического статуса вещи в услови-

⁷ Жизнь относится к сверхценностям и служит мерой для всех ценностей, особенно это проявляется в экстремальных ситуациях. В «лагерной» прозе оппозиция «жизнь — смерть» получает разное аксиологическое прочтение [Седакова 2010а; Седакова 2010б].

ях заключения. Оппозиции могут быть контрастными, как черное и белое, как заключение и свобода, а могут иметь более сложные переходные тона, в зависимости от того, с чем сравнивается тот или иной объект. Не случайно в романе постоянно присутствует сравнение, что так важно в процедуре оценки. В путешествии по «крутым маршруту» сравниваются новые арестантские впечатления со старыми — помещения, «интерьеры», кровати, окна, предметы одежды, еда: «По сравнению с известными мне двумя казанскими тюрьмами здесь почти комфортабельно. Большое окно. Вместо нар — деревянные раскладушки» (133); после хламиды в карцере «серо-синяя ужовская форма кажется удобным и красивым платьем» (202); «каким дворцом кажется мне наша камера» (197); «штаны с коричневой полоской — еще более каторжные, чем наши юбки» (312) и мн. др.

Вещь в условиях заключения входит в круг витальных ценностей, являясь порой основным условием для выживания. Питание (калорийность, витамины и пр.: «Масло — фосфор» (76)), обувь, гигиена, лекарства, крыша над головой, форточка, через которую поступает свежий воздух, дрова становятся средоточием жизни и в сущности ее синонимом. Одежда спасает человеку жизнь — прежде всего в прямом ее предназначении, укрывая от ветра, морозов, дождей и пр., но не только, ср. «Казанская кофточка оказалась для меня в этот момент гриневским заячьим туалетом» (336). На вешах строятся отношения между надзирателями и заключенными, «политическими» и «бланкими», а также внутри «политических» заключенных⁸. Красивую одежду можно дать нарядчице и получить более легкую работу («Эта кофточка вам, может быть, жизнь спасет» (334)); вещами можно подкупить надзирательниц («У меня много шелковых тряпок. Я буду раздавать их надзирательницам, чтобы не мучили» (165))⁹. Кроме того, вещами можно откупиться от «бланчиков», а «модную», необычную для заключенных вещь можно обменять на теплую и спастись от обморожения или его по-

⁸ О сложной статусной иерархии и о классовом обществе внутри заключенных см. с. 600.

⁹ Наоборот, из-за добротной вещи человек в среде уголовников может лишиться жизни (о чем повествуют «Колымские рассказы» В. Шаламова).

следствий: («За поношенные материковые ботики, только потому, что они на каблуках, мне дали бурки, хоть и подшитые, но вполне еще крепкие» (479)).

Но даже физиологические, жизненные потребности в калорийном питании, в теплой удобной одежде и пр. передаются в романе через другие отношения к вещи и чаще всего через противопоставление культуры природе, человеческого — звериному, бесчеловечному. Обладание вещью и ее верное применение, наличие имущества в исторической перспективе позволяет человеку противопоставить себя животному. Е. Гинзбург через предметный ряд описывает, как заключенные вынуждены проходить эволюционный путь от природы к культуре: «... попав в положение Робинзона, каждый индивид повторяет развитие вида, проходя через все стадии “технического прогресса”» (189), ср. «изобретение» иглы из рыбьей кости; использование женских волос или нитей из махрового халата для штопки; носки из ниток, надерганных из американских мешков (464); хлебный мякиш в качестве ластика и др.¹⁰.

Изъятие личных вещей, обыск с «личным досмотром» — переходный момент от человеческого к нечеловеческому, асоциальному и бесчеловечному, от своего — к чужому. Эта процедура повторяется неоднократно, что должно показать и доказать заключенным, что они не люди и не имеют права на что-либо человеческое, в том числе на имущество, ср.: «...беспощадно изымаются так называемые наши личные вещи [разрядка Е. Гинзбург]. В помойку летят все изобретения нашего технического гения: самодельные котелки и сковородки. До основания разрушена та кустарная оседлость, которую с неистребимой женской изобретательностью создала себе каждая на своих трех досках. “Фотографические карточки?”... “Вышивка на мешковине?”... “Собственная ложка?” “Нет тут у вас ничего собственного!”» (407). Отбираются предметы, необходимые для элементарного удобства (пояс с резинками для

¹⁰ Аллюзия к первобытным и кочевым народам в книге очень много: «Я рвала вареную курицу... так же алчно, как, наверное, мой пращур в сумраке неандертальской ночи свежевал какого-нибудь бизона» (327) и др. Ср. также способ отсчета: «На подоле моей рубашки четыре надрыва. Уже четырежды мне предлагали хлеб, и четырежды я не приняла его» (199).

чулок, ремень) и — что особенно важно — для ориентации, например, во времени (изымаются часы) и др.

Сознательно уничтожаются при этом гендерные различия: «Отходили в дамском... — издевательски бросил корпусной... умная в мешки наши хорошие домашние пальто» (185). Стремление спрятать при досмотре что-либо из привычных женских вещей (белья, предметов гигиены) отчасти объяснялось и тем, что их «надо было сохранить как воспоминание о несокрушимости “эвиг вайблихе”» (186), ведь «...превратиться в чучело — это чего-нибудь да стоит для тридцатилетней женщины, даже если ее никто не видит» (185)¹¹. Именно в бесполых роботов, в безликую толпу постепенно и превращают заключенных, которые вынуждены носить «ежовскую формочку», не человеческую, особенно в сравнение с привычными «женскими» вещами. Многочисленные описания внешнего вида и одеяний арестанток свидетельствуют об этом: «в ватных брюках, тряпичных чунях, в нахлобученных на глаза маляхаях, отрепьях» (360); «76 женщин в одинаковых грязно-серых одеяниях со страшными коричневыми полосками вдоль и поперек кофт и юбок» (247), «А мы полностью казенные, без единой своей тряпочки, и чуни наши разлезаются....» (365), «вылинявшие, заплатанные, рваные платья и кофточки» (300) и др.

Описанию одежды в романе уделяется особое внимание, пожалуй, о ней говорится больше, чем в произведениях «мужской» прозы. Пословица «Встречают по одежке» получает еще более глубокий смысл, поскольку одежда, подобно тексту, информативна, и в этом состоит ее дополнительная ценность. Предметы туалета рассказывают о том, в какое время года, дня (ночи) арестовали человека, при каких обстоятельствах. О «новичках», взятых из театра, говорит нарядная одежда на арестованных: «Какие-то нелепые вечерние платья с большими декольте, туфли на высоченных каблуках» (136), еще не изъятые добрые вещи — «дорогое изящное котиковое пальто» (52). Эти вещи в разных ситуациях

¹¹ Ср., однако, далее: «Через два-три года я просто не буду замечать, как выглядит чья-либо женская голова, прикрытая лагерной шапкой, напоминающей уборы печенегов-кочевников» (292).

претерпевают метаморфозы: «Ее белоснежная воздушная блузка казалась на фоне камеры белоснежной чайкой, непонятно зачем приземлившейся на помойной яме... [После допроса] Белая кофточка, смятая и изодранная, была залита кровью и походила теперь на раненую чайку» (113). Случайные, не подходящие для заключения вещи преследовали арестанток на всем «кругом маршруте»: «Бахил в одиночных тюрьмах не хватало. Поэтому на некоторых этапницах была еще собственная обувь, та самая, в которой арестовали. С отваливающимися, перевязанными веревочками подметками, с отломанными каблуками» (296).

Через одежду отчетливо передаются представления о «своем» и «чужом». Эта оппозиция, всегда аксиологичная по своей сути, принимает разнообразное семантическое наполнение, и объекты противопоставления оцениваются амбивалентно. Одежда и обувь указывают на иностранное происхождение арестантки. Так, стоящие перед дверью карцера «изумительно изящные, маленькие, не больше 33-го номера, модельные туфельки на высоких каблучках» (203) соотносятся с образом итальянской коммунистки, чьи страшные крики на итальянском языке раздавались ночью в карцере.

Одежда выдает «новичков», как мы отмечали, а также и «блатнячек», которые обычно одеты значительно лучше, чем «политические»: «в ладном лубленом полуушубочке и пуховом платке» (336), по своей моде: «Блатнячки — все в длинных шароварах с низко надвинутыми на глаза платочками, завязанными особым блатным узлом, в платьях фантастических расцветок и фасонов...» (338). Надсмотрщики тоже повторяют моду «блатных»: «высокие фетровые бурки с франтовски загнутыми голенишами, со свисающими на бурки по блатной моде брюками» (367). Совсем иная одежда у следователей — так, на фоне заключенных и надзирателей «резко выделяется Веверс, одетый в элегантный штатский костюм цвета голубиного крыла» (126).

Еще один ракурс изучения аксиологии вещей в «лагерной» прозе дает описание пространства и локусов. Заключенные попадают в нечеловеческий мир («человек, загнанный бесчеловечными формами жизни...» (390)), где арестант уподобляется животному

или вещи («По Бутырским правилам счет людского поголовья велся не по головам, а по кружкам» (142)), а то и вообще считается «пустым местом» (51). Предметное пространство этого мира представляет собой инверсию привычной для человека среды, «жилые» помещения не имеют ничего общего даже с самым неустроенным человеческим домом. Это мир инверсии, перевернутый мир, когда по ночам светло («ночью когда ослепительная электрическая лампочка заливала камеру светом...» (186)), а днем, наоборот, темно; когда еда ставится на пол; когда все предметы изготовлены «не из тех» материалов (камня, железа); когда многих обычных предметов интерьера в камерах нет, другие же — отвратительны (параша, нары). Поэтому таким контрастом видится комната следователя («Прекрасная комната с высоким потолком. Ведь есть же такие на свете...» (154)), с часами на стенке, телефонными аппаратами и красивой посудой на столе. Здесь намечаются более конкретные оппозиции с аксиологической составляющей: «свет — тьма», «чистый — грязный», «сухой — сырой» и др.

Из «привычной квартиры и чистой постели» (21) арестованый попадает в «преддверие ада», а затем и в «сам ад»: «Узкий коридор, тускло освещенный одной лампочкой под самым потолком. Справа сырая, серая, в подтеках стена. Слева двери, двери, двери... Они заперты на засовы и огромные ржавые замки» (51–52). Устройство камеры, его «интерьер» также не соответствуют представлениям о человеческом быте: «Железная дверь¹² с откидной форточкой и глазком. Железная, привинченная к стене койка, а у противоположной стены — железный столик и откидная табуретка, на которой очень мучительно сидеть, но которую зато хорошо видно надзирателю в глазок. Ничего, кроме камня и железа!» (173). Еще хуже карцер: «Ни окна, ни лампочки. Узкие нары, заменяющие койку...» (195–196). Не случайно камеры обозначаются как «каменный мешок», «кирпичный гроб», «клетка», то есть используется лексика, не применимая к понятиям человеческого

¹² Ср. восхищение, которое вызывает дверь кабинета начальника тюрьмы: «Дверь деревянная! Окрашенная масляной краской! Красавица! Без глазка и дверной форточки... запирается, конечно, изнутри» (238).

жилья. Продолжением камеры или барака служат и прогулочные дворики — «собственно, те же камеры, только без крыши» (176). На зоне не привычные для городского жителя (жительницы!) жилье — это «две хижины, обросшие льдом, засыпанные снегом», «самодельные шалаши» и пр.

Освещение, цвет стен, непропорциональные двери с форточкой и крошечные окна — все это получает оценку в романе даже без особенных экспрессивных оборотов, но с помощью ярких эпитетов. Однако нередко в описании окон, дверей и ворот появляется образность, которая соответствует идеи сознательного уничтожения людей, их «пожирания» сталинской государственной машиной: «Дверная форточка точно пасть дракона. Захлопывается точно лязгают металлические челюсти чудовища (208); «Подъем! — лязгает железное чудовище» (216); «Колючая проволока, симметричные вышки, скрипучие ворота, алчно разинувшие зев навстречу нам» (360).

Окно и дверь (на зоне появляются и ворота) в условиях заключения являются основными контактами с внешним миром, и здесь нужно говорить о нескольких аксиологических перспективах. Через дверь (или форточку в ней) происходит коммуникация с конвоирами, однако через нее иногда можно чудом увидеть других заключенных, получить информацию о внешнем по отношению к тюрьме мире¹³.

В романе Е. Гинзбург особенно подробно описываются окна, и здесь оценку задает лексика, не применимая к жилому человеческому пространству: окна забиты досками, щитами; на них решетки, засовы; форточки заперты на ключи. Окно ассоциируется со свободой, но при этом рассматривается и через призму витальных потребностей, поскольку через него поступает свежий воздух: сокращение времени проветривания в контексте заключения — это и ущемление свободы, и угроза жизни. Окна в кабинетах следовате-

¹³ Отметим, что предметный мир иногда преподносит радостные сюрпризы и уподобляется миру волшебных сказок с его чудесами и помощниками. Так, серые стены, оказывается, могут говорить (азбука Морзе и «оживающие стены» (67)); неожиданно появляются «сказочные дары — миска, наполненная пончиками» (347) и др.

лей привлекают внимание Е. Гинзбург не только «человеческой» эстетикой («окно здесь не с решеткой и деревянным козырьком, а с красивой гардиной» (59)); но и возможностью увидеть через них свободный мир: «Широкие зеркальные окна — сквозь них каток, лампочки разноцветные» (62).

Еще одна важная часть жилого пространства, которая постоянно присутствует в описаниях Гинзбург, — это место для сна. Кровать замещается целым рядом локусов и предметов, которые не должны использоваться в этих целях: «грязный тюремный пол с тараканами», «две доски вместо ложа», «большой некрашеный стол», нары из «кругляшей», необрубленные сучки которых впиваются в тело и др. Одним из привлекательных обстоятельств в работе врачом в зоне, помимо относительной свободы, питания и пр., считается именно наличие «удобного» места для сна: «Как хорошо быть врачом. Он спит на двух отдельных табуретках...» (325).

Поскольку реальность заключения кардинально отличается от привычного домашнего, аксиология вещи получает иные, чем на свободе, измерения. Так, возрастает ценность того, чего попросту не замечают в будничной жизни, — предметов гигиены, атрибутов женского гардероба; в воспоминаниях остаются «милые мелочи», отобранные при досмотре. Некоторые же вещи, как отмечалось, абсолютно теряют свою ценность, причиняют страдания и мучения (нарядная одежда, обувь не по сезону и пр.). Ряд предметов приобретает совершенно неожиданную прагматическую значимость: из зимнего пальто вытаскиваются кусочки ваты для затыкания ушей, чтобы по ночам не слышать звуков пыток; из неуместного махрового купального халата выдергиваются нити, необходимые для самых разных целей и пр.

Особый ценностный статус приобретают сигареты и папиросы. Стереотипическое мышление соотносит человека, душевно страдающего, находящегося в состоянии стресса, с курением, ср. диалог в преддверии ареста: «Директор завода... протянул мне раскрытый портсигар. — Как не курите? Да разве можно в нашем положении? А чем вы тогда это самое... — он колотит себя в грудь мелкими ударами... — чем заглушаете? — Театрами. — Неужели

помогает? — Вроде» (30). Присланные в передаче две пачки папирос подтверждают это расхожее суждение («Почему маме пришло в голову положить их в передачу? Я никогда не курила. Может, она думала, что в такой обстановке надо курить?»), но одновременно задают и еще одну аксиологическую перспективу — дружбу и товарищество сокамерников («Или [мама] приняла в расчет моих возможных товарищей?» (75)). Курильщикам же отсутствие сигарет причиняет страдания, и поделиться куревом означает выразить гамму чувств — эмоциональную поддержку, сострадание, братство, ср. эпизод героической передачи сигарет из женской камеры в мужскую. Показателен при этом противоположный жест — по идеологическим причинам даже в момент невыносимых страданий заядлая курильщица-эсерка после консультации с однопартийцами отказывается взять у Гинзбург папиросу.

Еще одна непреходящая ценность в заключении — это бумага, будь то обычная чистая, папиросная («Запрет курить в вагоне — чтобы не бросали записок. Из-за бумажек» (250)) или тетрадные листы. Бумага потенциально является опасным носителем знания, с ее помощью можно передать свои мысли, обменяться информацией или получить ее, она запечатлевает образы родных (ср. эпизод с втаптываем в грязь остатков фотографий при переселении (245)). «Бумажка» — это и документ на зоне. Особое место в «лагерной» аксиологии занимают газеты как источники информации: «Кусочки газетной бумаги, выдаваемой вместо туалетной, могут оказаться страшно интересными» (209). Еще до ареста Гинзбург отмечает метаморфозы газетной информации: «Потом приносили кучу газет. И уже нельзя было отличить... все они одинаково выли и кричали о врагах, заговорах, расстрелах...» (44). Появление книг в камере тотально преображает жизнь арестантов, давая пищу для ума и возвращая человеческие эмоции.

Вещей, которые дают положительные эмоции, очень мало, в заключении они кажутся подарком судьбы или чудом, делая жизнь арестанта «нормальнее» и человечнее, напоминая о доме («уютные угождения — леденцы») и напоминая о возможностях другой жизни, о свободе (ср. эпизод с кулечком малины, который посчастливилось купить на станции во время пересылки: «Нам

удалось урвать последний кусочек со стола великолепного пиршства жизни, в котором нам не суждено больше участвовать» (127–128)).

Предмет способен вобрать в себя всю силу эмоций: «Натягиваю на голову одеяло, пахнущее пылью и горем, вцепляюсь зубами в угол соломенной подушки» (146), а также передать чувства. Духовная близость, сострадание и человечность выражаются через «братскую готовность поделиться последней тряпкой» (313) — так, дарятся столь ценные предметы туалета, например чулки перед этапом: «...бери, бери, у меня две пары, а ты совсем босиком» (241) и др. Знаком дружбы и поддержки может быть сбереженный сахар («мне уступался весь камерный сахар, в количестве шести пиленных кусочков» (83)); шоколад («На закуску Ира торжественно выложила два квадратика шоколада из своей передачи» (121)) и мн. др. Сахар, вывалианный в махорке, передается возлюбленной как высший дар любви; вода, подслащенная собранным за месяц сахаром, служит аналогом шампанского и создает атмосферу радости при встрече в камере Нового года.

В романе многие предметы, связанные с домом, приобретают ценность эмоциональную и переходят в разряд меморабилий. Они отделяют заключенного от другого мира и вместе с тем соединяют его с ним, благодаря ассоциированию вещи с воспоминаниями о доме и родных: «байковое домашнее одеяльце¹⁴ (клетчатое, Алешенькино, родное)» (133); домашние стоптанные тапочки и цветистый платок няни Фимы «были теперь единственными светлыми пятнышками среди всего окружающего нас» (184).

И, наконец, вещи и манипуляции с ними «пронизаны» идеологией и в лагере, и на свободе. Даже в заключении («ошибочном» и «временном», по мнению некоторых партийных заключенных) соблюдаются идеологические установки, которые заставляют молодую девушку видеть в немке, спрятавшей в волосах колечко на память о муже, шпионку и «чуждый элемент». Из описания долгерной жизни Гинзбург мы видим, что атрибуты большевистской

¹⁴ Ласкательно-уменьшительные суффиксы последовательно используются для обозначения домашних вещей («Мама жарит картошечку» и др.).

аскетической «uniformы» — кожаные куртки, рваная шинелишка свидетельствует и о безоглядной преданности партии (37), и об агрессивности и непримиримости идеологии, и о лицемерии и начальном этапе «ковельможивания»¹⁵. Партийные привилегии высокопоставленных чиновников выражаются именно в возможности пользоваться вещами, не доступными основному населению, что простому человеку порой кажется «роскошной жизнью» и идеалом. Так, медсестра спрашивает: «Что же вас заставило-то, а? Ну, против Советской власти, что вас заставило? Чего же вам еще не хватало? И машина, и дача казенная, а одежда-то, поди, все из комиссионных?» (95).

Таким образом, базовые оппозиции «наличие — отсутствие» и «духовное — материальное», имеющие отношение к вещи и порождающие другие оппозиции, получают в романе многоплановую интерпретацию. Если выбор стоит между имуществом и жизнью, духовным, то ценность материального отрицается: «Жить! Без имущества! Да на что оно мне!» (156); «Все отняли? Платье, туфли гребенку, чулки... Стихи — со мной» (198) и др. Однако, как мы видели, во многих случаях материальное (кусок сахара, вода, валенки и пр.) по существу равнозначно жизни и в иерархии ценностей занимает главенствующее место.

Ценостную значимость вещи в условиях лишений следует анализировать в свете новейших теорий социальной справедливости, которые соотносят уровень жизни с представлениями о равных возможностях и об индивидуальной свободе выбора [Nussbaum, Sen 1993; Sen 1987, 1996; Nussbaum 2001, 2011]. Согласно этим теориям, материальное благосостояние (то есть вещи в широком понимании) не столь важны, сколь те возможности, которые группируются вокруг основных 10 постулатов, способных обеспечить

¹⁵ Так, в начале знакомства секретарь обкома: «...резал перочинным ножичком колбасу на газете... потом построил “Ливадию” и в ней отдельный коттедж» (18). Предметный мир важен в статусной характеристике партработников: в санатории отдыхали «“ответственные” дети, делившие окружающих на категории соответственно марке машин. “Линкольнщики” и “бьюишники” котировались высоко, “фордошников” третировали» (39).

жизнь, подобающую человеческому достоинству. Отметим вкратце некоторые положения, основываясь на последних публикациях [Подузов 2008; Нуссбаум 2011]: это сама жизнь (в противовес преждевременной смерти), физическое здоровье (отдельно упоминается здоровое питание и хорошие жилищные условия); телесная целостность (включая безопасность от насилия); чувства, воображение, мышление (использование интеллекта); эмоции («иметь возможность испытывать привязанность к вещам и людям»; практический разум (планирование жизни); аффилиация (общественная жизнь, равная ценность индивидов); контакты с другими видами живых существ (а также растениями и миром природы в целом); игры (радости и развлечения); контроль над окружающей средой (политической жизнью и материальным состоянием и что особенно важно для нашей темы — возможность «быть свободным от несанкционированных обысков и конфискаций», то есть лишения привычных вещей).

Четко сформулированные, эти положения имеют отношение не только к уровню жизни и социальной справедливости, но и к более общим идеям гуманизма. «Лагерная» проза Е. Гинзбург подтверждает правомерность теории А. Сена и М. Нуссбаум, которые ставят аксиологию «благосостояния» и вещей в прямую зависимость от предоставления человеку возможностей или их лишения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартминьский 2005 — Бартминьский Е. Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М., 2005.
- Бодрийяр 1995 — Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
- Волков 1989 — Волков О. Век надежд и крушений. М., 1989.
- Гинзбург 2007 — Гинзбург Е. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. М., 2007.
- Маслоу 2001 — Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 2001.
- Нуссбаум 2011 — Нуссбаум М. Новый стандарт справедливости. Трансформации демократии // Русский журнал, 24.11.2011 (беседу вел Д. Узланер) (<http://russ.ru/pole/Novyj-standart-spravedlivosti>).
- Подузов 2008 — Подузов А. А. Концепция уровня жизни: очерк современных представлений // Проблемы прогнозирования. М., 2008. № 6. С. 69–84.

- Рябов, Курбангалиева 2003 — Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалиева. М., 2003.
- Седакова 2010а — Седакова И. А. Жизнь как ценность и ценности в жизни (на материале книги А. И. Солженицына «Архипелаг Гулаг») // Etnolingwistyka. 22. Lublin, 2010. S. 29–38.
- Седакова 2010б — Седакова И. А. Базовые ценности и их метаморфозы: жизнь (от выживания до «искусства жить») // Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 года. Материалы и сообщения. М., 2010.
- Солженицын 1999 — Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Собр. соч.: В 9 т. М., 1999.
- Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- d'Andrade 2008 — d'Andrade R. A Study of Personal and Cultural values: American, Japanese and Vietnamese. New York, 2008.
- Goldthwait 1985 — Goldthwait J. T. Value, Language & Life: An Essay on Theory of Value. Prometheus books, 1985.
- Goldthwait 1996 — Goldthwait John T. Values: what they are and how we know them. Prometheus books, 1996.
- Lemos 1995 — Lemos R. M. The Nature of Value. Axiological Investigations. Univ. Press of Florida, 1995.
- Maslow 1959 — New Knowledge in Human Values / A. Maslow (ed.). New York: Harper & Row, 1959.
- Nussbaum 2001 — Nussbaum M. C. Women and Human Development. Cambridge, 2001.
- Nussbaum 2011 — Nussbaum M. C. Creating Capabilities: The Human Development Approach. Cambridge, Massachusetts, and London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011.
- Nussbaum, Sen 1993 — The Quality of Life / Ed. by Martha C. Nussbaum and Amartya Sen. New York, 1993.
- Sen 1987 — Sen A. The Standard of Living. Cambridge, 1987.
- Sen 1996 — Sen A. Inequality Reexamined. New York, 1996.

T. M. Николаева
(Москва)

Эволюция ценностей
в экстремальных условиях.
Комментарий к мемуарам
Валентины Леонидовны Горбуновой
(Номикос)*

Краткие сведения о биографии В. Л. Горбуновой примыкают к ее воспоминаниям о лагере и ссылке. В данном же тексте я хочу собрать — в соответствии с темой нашей Программы Президиума РАН по метаморфозам ценностей — свои соображения об эволюции /стабильности нравственных ценностей в экстремальных (лагерных условиях и условиях ссылки) условиях, сознательно не привлекая воспоминания известных людей, а опираясь только на свои совсем детские воспоминания и публикуемые в настоящем сборнике мемуары моей тети.

Все нравственные ценности я делю при этом на следующие группы:

1. **Вечные, неизменяемые** или — по крайней мере — неизменяемые для одного человека.
2. Появившиеся **новые**, которым раньше не придавалось значения, то есть, они не входили в разряд ценностей первого плана.
3. **Прежние «мирные» ценности**, которые в новых условиях потеряли свое значение или минимизировались.
4. Прежние минимизированные (или не очень важные) ценности, которые вдруг вышли на одно из первых мест в новых, экстремальных условиях.

---

* Статья написана в рамках Программы Президиума РАН (Направление 6. «Историко-культурное наследие в языках, литературах и фольклоре народов России», проект «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: история и современность», 2009–2011).

Вопреки предъявленному перечню я хочу начать с основной новой ценности. Это — **НОЧЬ**. Люди жили прожитой ночью, прислушивались к каждому подозрительному звуку и облегченно вздыхали, когда нужно было идти на работу или даже просто наступал рассвет. В прежнее же время кто-то ночью мирно спал, кто-то веселился на вечеринке, кто-то провожал любимую девушку, а кто-то зачитывался увлекательной книжкой.

Начиная с определенного времени, все ночью — **прислушивались**. Все-таки я помню (или помню рассказ об этом), как в середине ночи послышался звук лифта, и лифт остановился на нашем последнем восьмом этаже. «Ну, все!» — подумали мои родители. Раздался звонок в дверь. Открыли. В белых халатах стояли врачи. Оказывается, этажом ниже вызвали «Скорую помощь». Какая радость!

До лета 1936 года мои родители (естественно, и мы с сестрой) жили в Ленинграде, а отец мой вообще был потомственный петербуржец, сын чиновника, окончивший классическую гимназию и Военно-медицинскую академию. Но после убийства Кирова все с радостью принимали приглашения в другие города. И отец мой принял приглашение заведовать кафедрой в Первом московском медицинском институте. Таким образом, «там» он выбыл из пласта доносимых, а «здесь» еще не успел в него включиться. Считалось, что это его спасло.

В вещах моей матери и вещах моей свекрови после их смерти я обнаружила огромное количество вышитых ими вещей: салфетки, скатерти, полотенца... Свекровь моя была выпускницей Института благородных девиц, а мама была доктором наук, известным ученым. Разглядывая все ее вышивки, я жестоко думала: «Лучше б почитала». Но разгадку этих вышивок я нашла недавно, после смерти моего мужа, Андрея Дмитриевича Михайлова, в послесловии ко второму тому трехтомника «От Франсуа Вийона до Марселя Пруста» (М., 2011). На это послесловие, вероятно, мало кто обратил внимание, но я все-таки приведу его здесь:

Марсель Пруст как-то заметил, что доведись ему сделаться библиофилом-коллекционером, он стал бы собирать прежде всего старые

книги, то есть не те, которые были напечатаны невесть когда, а те, которые он читал, нередко еще ребенком, то есть читал впервые. Он стал бы разыскивать «первые» издания своей молодости, так как прекрасно помнил и их простенькие бумажные обложки, и холодный глянец или шероховатую теплоту переплетов (См.: Proust M. A la Recherche du temps perdu. IV. Edition publiée sous la direction de Jean-Yves Tadié. Paris, Gallimard, 1989. Р. 465). Я знал двух-трех таких чудаков; я очень хорошо их понимал, даже немного им завидовал, но ни недоумения, ни тем более насмешки они у меня не вызывали.

Очень трудно вспомнить, какая же книга была у меня «первой». Из книг французских писателей, думаю, на первое место надо поставить «Сказки» Перро с гравюрами Доре (этую книгу я не мог не сохранить). А за этой — большой и красивой, пошли маленькие книжонки серии «книга за книгой» — Мериме «Таманго» (не понравилось), «Малыш» и «Прекрасная Нивернеза» Доде (был очарован) и т. д. Очередь Гюго с его «Собором», вереница книг Дюма, от которых меня буквально насилино отрывали, и многие-非常多的 другие еще ждали своей очереди.

Но сейчас мне хочется рассказать о книге уже взрослой и, главное, о не очень простых обстоятельствах моего с ней знакомства. Мой отец, военный инженер, много повоевавший, трижды раненый, окончил то же Александровское юнкерское училище (что на Знаменке), что и известный писатель Куприн. Но войну отец мой не любил и, пожалуй, больше всего любил природу и книги. Книг у нас дома всегда было очень много и чуть ли не каждый день отец приносил новую.

Вот и однажды отец принес новую книжку. Небольшого формата, в сером твердом переплете. Писатель какой-то совсем неизвестный — некий Клод Тилье. Название тоже ни о чем не говорило: «Мой дядя Бенжамен». «Почитаем и про этого дядюшку», — сказал отец. Дело в том, что в последнее время, уложив меня спать, отец читал матери что-нибудь, пока она вышивала. Читался Чехов, Мопассан, Доде, Тургенев... Много лет спустя я обратил внимание на то, что отец выбирал для чтения произведения довольно короткие — о его любимых «Братьях Карамазовых» или «Господах Головлевых» и речи быть не могло. Такое чтение затягивалось далеко за полночь,

а я не спал и подслушивал под дверью. Так я прослушал не один рассказ, не одну небольшую книгу. Отец читал довольно громко, но иногда он на какое-то мгновение замолкал и прислушивался.

Мы жили тогда на Чистых прудах в очень большом пятикорпусном доме — не менее тысячи квартир. Дом назывался «военным» так как был построен на кооперативные деньги военнослужащих. Тут было много военных врачей, инженеров, летчиков-испытателей, но попадались и «комбриги», и «комбаты» и даже «комдивы». Книжка Тилье вышла из печати в апреле 1937 года. Представляете, что творилось в это время (а точнее, в эти ночи) в нашем большом доме! Аресты, а на худой конец обыски и даже самоубийства почти каждую ночь Мы, ребята, думаю, знали от этого, но родители строго настрого запретили об этом говорить, и мы молчали; мы молчали, даже разговаривая с приятелем, чьего отца вчера увели навсегда».

Одной из «вечных» ценностей, как ни странно, оказалось **мировоззрение**. Моя тетя, дочь довольно богатого греческого купца, 1893 г. рождения, после окончания гимназии вышла замуж за брата моей матери, который был ее двоюродным племянником, не работала, вела хозяйство и вроде бы собственного мировоззрения не имела. Но она, судя по ее тексту, четко понимала роль власти и даже разъясняла это окружающим ее женщинам, не боясь ничего. Пожалуй, ее мировоззренческой слабостью было приписывание всего только одному Сталину. Вместе с тем в ее мемуарах упоминаются убежденные коммунистки, которые считали себя заслуженно наказанными и пытались понять свою вину и свои грехи перед Партией. Нет ни одного случая перемены мировоззрения, сдвига точки зрения, который был бы описан в этих мемуарах. Твердость и последовательность мировоззрения моей тети сказалась и при моем рождении. Отец мой был религиозным человеком, несмотря на работу в области теоретической медицины и биологии; он настоял на том, чтобы обвенчаться с более авангардной мамой, и всю жизнь потом носил обручальное кольцо, на внутренней стороне которого были выгравированы имя мамы и дата венчания. Это был вызов, демонстрация. Когда родилась я, понадобились крестные родители. И, интересно, найти крестного отца оказалось почти

невозможно — отказывались все, даже родной брат отца, учитель русского языка в школе. Наконец, нашли какого-то мужа дальней папиной родственницы. Тетя Валя же согласилась тут же и любила меня и особенно мою дочь Таню беззаботно.

Пошатнувшейся «мирной» ценностью, как ни грустно, можно считать **женскую честь и верность**. Это очень наглядно показано в серийном фильме «Московская сага», по В.Аксенову, когда красавица — жена комкора Вероника, безусловно остававшаяся бы верной женой на воле, в лагере отдается начальнику лагеря, и сопровождающему ее рядовому. Тетя моя пишет о таких женщинах мимоходом, о том, что они этим улучшили свою жизнь, однако из ее текста не следует, чтобы кто-нибудь домогался именно ее, хотя ей было 43 года и она, видимо, была красивой женщиной, несколько холодного античного типа.

Слишком много мы уже знаем о ситуациях в мужских лагерях, но в данном случае — это не наша тема.

Ценностью первого плана безусловно стала ЕДА. Страшно читать про «шрапнельные», то есть, вероятно, перловые жидкые супы с кусочком хлеба. Даже странно, что столько людей выжили. И выжило оно благодаря пошатнувшейся следующей заповеди **«Не укради»**.

Только воровство — чего? да моркови и картошки с полей, которую дружно запекали, чтобы не видели надзиратели и съедали тут же, помогало выжить. Без воровства, как пишет моя тетя, «мы бы не выжили». Еще помогали редкие разрешенные посылки, и я уже помню, как моя бабушка искала, что бы продать, чтобы послать посылку Валечке (а ведь тогда шла война). Валечке можно было посыпать письма и редкие посылки, а ее мужу, сыну бабушки — нет. Он был «без права переписки», то есть, давно расстрелян, но об этом не знали. Но случалось, чтобы «жены» воровали друг у друга, в мемуарах моей тети нет. (Уголовницы содержались отдельно.)

Лично моей тете, попавшей в больницу с гангреной, помогло масло, которое посыпал ей родственник, тоже заключенный, который, к счастью, оказался грузчиком на маслозаводе в Казахстане. Его биография все же небезынтересна. В 20-е годы сестра моей

матери, русская, вышла в Ростове-на-Дону замуж за армянина, у них родился сын. Они жили себе, жили, и его подданством никто собственно не интересовался. В 1937 году обнаружилось, что он — подданный Ирана. Тогда на юге России жило много людей с всевозможным гражданством. Как же поступили с этой семьей? Своеобразно. Его отправили в лагерь на восемь лет с последующей ссылкой на пять лет. А его русскую жену, сына и его мать выслали в Иран, о котором до этого они не имели ни малейшего представления. Там они и перебивались восемь лет. Сын, еще по сути подросток, играл на скрипке вочных ресторанах, а сестра моей матери, по специальности преподаватель английского языка, зарабатывала тем, что шила огромных брачных кукол, которых иранцы сажали на машину во время свадьбы. В 1946 году началось «возвращение депатриированных армян», муж к этому времени вышел из лагеря, и им всем вместе позволили приехать «на Родину», т. е. в Ереван, в котором они раньше никогда не жили. Там они и прожили всю оставшуюся жизнь.

Из тех ценностей, которые неожиданно вышли на первый план, оказалась **ДРУЖБА**. Казалось бы, должно было быть наоборот: люди должны замыкаться в себе, отчуждаться, становиться недоверчивыми. Но нет. В мемуарах В. Л. Горбуновой достаточно ярко описано, как, только по-дружески сговорившись, они могли переговариваться с той камерой, где были мужчины, и узнавать какие-то «внешние» новости. Женщины группировались по сходству интересов и происхождения и иногда даже гуляли перед сном, смотрели на яркие звезды, вспоминали мужей и плакали. Дружба эта сохранялась и после лагеря. Когда тетю перевели в ссылку из Караганды в Александров (как это было сделано — я не знаю: думаю, что за большую взятку), к ней можно было приезжать, и я видела сохранившуюся дружбу бедных бывших страдалиц, и тетя водила меня по всем этим несчастным комнатушкам. Числились эти женщины в основном на маленьких фабричках, где шили толстые варежки для электромонтеров и ватники для дальнобойщиков.

Что-то подобное проступает именно во фронтовых мемуарах, очень много ведь пишут о «фронтовой дружбе», о фронтовых товарищах. Вероятно, именно в экстремальных условиях у людей воз-

никает потребность в простой человеческой близости и поддержке. «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались...» А очень благополучные «комплектные» семьи часто, как можно теперь видеть и в жизни, и в киносериалах, страдают от своего одиночества.

Нечто совершенно противоположное происходило в это время в «свободной» жизни. Люди стали подозрительными, недоверчивыми, не верили даже бывшим близким друзьям. Мама моя говорила мне потом, что, приехав в 1936 году из Ленинграда, они не знали, кому можно доверять в научных кругах Москвы этого времени. Поэтому наш дом оживал, когда приезжали из Ленинграда бывшие однокурсники и сослуживцы отца. Хотя, возможно, «провокаторы», как говорили тогда, уже были и среди них. Длилось это долго. Помню, как одноклассницу моей дочери хотели исключить из школы, когда она сказала, что чешские босоножки лучше русских. Исключили — неизвестно за что — ее одноклассника Андрея Деллоса, которому теперь принадлежит половина ресторанов Москвы.

Среди интеллигенции ходила легенда о том, как Михаил Морозов (Мика), прия к своим старым друзьям Габричевским, начал с того, что дал пощечину хозяйке дома. Когда от него потребовали оправданий, объяснений и извинений, он отказался это делать. Тогда хозяин дома попросил его покинуть их дом навсегда. Много лет спустя он объяснил, что его заставляли «следить» за хозяевами этого дома и их друзьями. Нечто аналогичное мы видим и в «Московской саге», по В. Аксенову, когда женщина при таких же требованиях приходится отказываться от своей большой любви. Даже осенью 1954 года мой будущий муж нездолго перед свадьбой завел меня под Бородинский мост, поставил спиной к стене и спросил, каково мое мировоззрение. «Такое же, как у тебя!» — «А как ты узнала?» — «Догадалась». Вероятно, подспудно и поэтому, несмотря на непомерную влюбчивость, он не женился до 25 лет, подсознательно ища «такую же» девушку.

Итак, моя тетя была в 1956 году реабилитирована и ей сообщили, что муж ее давно расстрелян. Ей дали комнату на Ломоносовском проспекте, немножко стандартной мебели и маленькую пенсию. Жила она то «у себя», то у родственников (если

раздавался звонок в дверь, то она стремительно бежала в уборную и там запиралась), а все лето жила у нас на даче. Хозяйством нашим я не позволяла ей заниматься, а она все время боялась, что куда-нибудь убежит наша девятилетняя дочь, которую она страшно любила и завещала ей свою единственную ценность — скромную «возвращенную» облигацию (дали всего одну).

Теперь о ценностях и их эволюции. Я мысленно видела свою тетю, натерпевшуюся небывалых страданий, необыкновенно мужественной и не боящейся ничего. В моей голове носились то «Отверженные» В. Гюго, то романы Ч. Диккенса, то «Записки из Мертвого дома» Ф. Достоевского.

Но — нет!

Постепенно к ней стали возвращаться ее прежние, долагерные ощущения. Например, оказалось, что она страшно боится даже самой пустяковой грозы, закрывает все окна. Она поражалась, как в дождь я решаюсь идти на рынок на станцию. Выросшая на юге России и много лет прожившая в центре Москвы, она боялась деревьев на нашем участке в Салтыковке и удивлялась, как мы с моим мужем Андреем решаемся гулять в лесу. То есть, она одновременно боялась и простора, и тесноты (леса).

Но самое трудное было с едой. Естественно, лагерную еду она вообще едой не считала и помнила, как нужно готовить «по Молоховцу». Но ничего этого, всех этих специй, добавок, вкусных соусов уже давно «на свободе» не было, да и готовила я примитивно, хотя ужасно хотелось ее побаловать чем-то вкусным. Незадолго до ее смерти (46 лет тому назад) мне удалось достать что-то вкусное мясное. И вдруг она мне говорит: «Таня, а я уже с утра чувствовала, что ты сегодня привезешь что-то хорошее поесть». До сих пор мне стыдно, что я мало занималась ее едой.

Но самом деле она оказалась **очень мужественной**. И это основная ценность, которую она приобрела в лагере. После лагеря она, как нам казалось, вела себя странно. Она ни за что не хотела показываться врачам. На даче у нас по соседству жила прекрасный врач, мать приятельницы детства Андрея. Договорились, что она придет пить чай и между прочим посмотрит тетю Валю. Но та вспыхнула и убежала. Только после ее смерти в 1965 году обна-

ружилось, что она умерла от рака молочных желез, знала о своей болезни, лечиться не хотела и мужественно ждала предначертанной ей судьбы. Неслучайно на Введенском (Немецком) кладбище именно на ее могиле очень пышно цветут цветы.

Т. М. Николаева
(Москва)

Воспоминания В. Л. Горбуновой
(Номикос).
Заметки публикатора*

Предлагаемые читателю мемуары — воспоминания о годах лагеря — написаны моей крестной матерью Валентиной Леонидовной Номикос (по мужу — Горбуновой).

Хочется сказать подробнее о нежно любимой тете Вале.

Дочь богатого предпринимателя-грека, она была двоюродной сестрой моей бабушки, хотя и значительно моложе ее по возрасту. Очень рано, едва кончив гимназию, она вышла замуж за брата моей мамы, то есть за своего двоюродного племянника. Их даже не хотели сначала венчать.

Они жили вместе долго и очень счастливо.

Брат мамы, Леонид Михайлович Горбунов, был технолог-изобретатель, в частности, работал над созданием синтетического каучука.

Однако в семье, если понимать ее разветвленно, была очень сложная фигура — Николай Петрович Горбунов, двоюродный брат мамы и Леонида. Единственный член партии ВКП(б) в семье, сын владельца бумажной фабрики в Петербурге, он стал Управляющим делами большого Совнаркома, был, кажется, секретарем Ленина, Ученым секретарем Академии наук, академиком, он также развивал альпинизм и т. д. Судьбу его предсказать легко. Он и его родной брат были расстреляны. Двоюродные братья тоже. Сестры уволены с работы, в частности, моя мать, которая успела стать за-

*Статья написана в рамках Программы Президиума РАН (Направление 6. «Историко-культурное наследие в языках, литературах и фольклоре народов России», проект «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: история и современность», 2009–2011).

ведущей лабораторией в знаменитом тогда ВИЭМе (Всесоюзный Институт Экспериментальной Медицины) и написать докторскую диссертацию о влиянии наркотиков и снотворных на центральную нервную систему. Она переменила фамилию на фамилию мужа — Николаева.

В 1946 году кто-то позвонил в дверь. Я открыла и увидела бедно одетую и чем-то смущенную старушку. Это была тетя Валя. Она каким-то образом выехала из Казахстана, где была в ссылке, договорившись с хозяйкой ее не выдавать. Не знаю, как, но ее удалось устроить за «101 километр». Покров, Александров... Я бывала у нее. Страшные города. Летом она жила у нас на даче. Ужасно любила мою дочь Таню и ей завещала единственную ценность — одну облигацию.

В 1956 г. ее реабилитировали и дали комнату и какую-то мебель. Она была тяжело больна: рак груди, но не хотела показываться врачам и скрывала это. Просто тихо ждала смерти и писала эти мемуары. Много читала. Умерла в октябре 1965 года.

Мемуары печатаются почти без сокращений, убраны лишь незначительные технические повторы. Сохранена орфография и пунктуация автора.

Валентина Леонидовна Горбунова
(24 января 1893 — 20 октября 1965)

Воспоминания о тюрьме и лагере
(март 1937 — июнь 1945)

Правосудие есть освящение установившихся несправедливостей.

A. Франс

Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучать друг друга. Люди считали, что священно и важно не это весеннее утро, не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом.

Л. Н. Толстой. «Воскресенье»

Справедливость не составляет цель суда. Суд есть только административное орудие для поддержания существующего порядка вещей, выгодного нашему сословию.

Там же

Я не писатель и, может быть, очень нескладными словами, но все равно хочу описать весь тот ужас, несправедливость, дикую жестокость, которой подверглась я и миллионы ни в чем не повинных женщин.

Наступил роковой 1937 год, когда начались массовые аресты — забирали партийных работников, инженеров, врачей. Никто ничего не мог понять, за что берут, люди стали бояться друг друга, не спали по ночам — ждали, что придут эти сволочи и заберут, хотя ты и ни в чем не виноват.

Я все время спрашивала Леонида¹, что такое творится: вот ведь забрали людей, которых мы хорошо знаем. Ведь они не шпионы,

¹ Мужа Леонида Горбунова (*примеч. Т. М. Николаевой*).

не вредители — за что же их взяли? А Леонид всегда отвечал, что наверное у них было что-нибудь в прошлом, неужели ты думаешь, говорил он, что у нас в стране могут взять человека без вины?

Но я была как-то очень напугана этими арестами и однажды спросила Леонида: «А если тебя возьмут?».

Но Леонид ответил: «Что за глупости? Что ты говоришь? За что меня возьмут? Ведь я никаких преступлений не совершил».

А я все-таки настаивала: «Ну, а если возьмут?». Он отвечал: «Неужели ты думаешь, что я не смогу доказать свою невинность?».

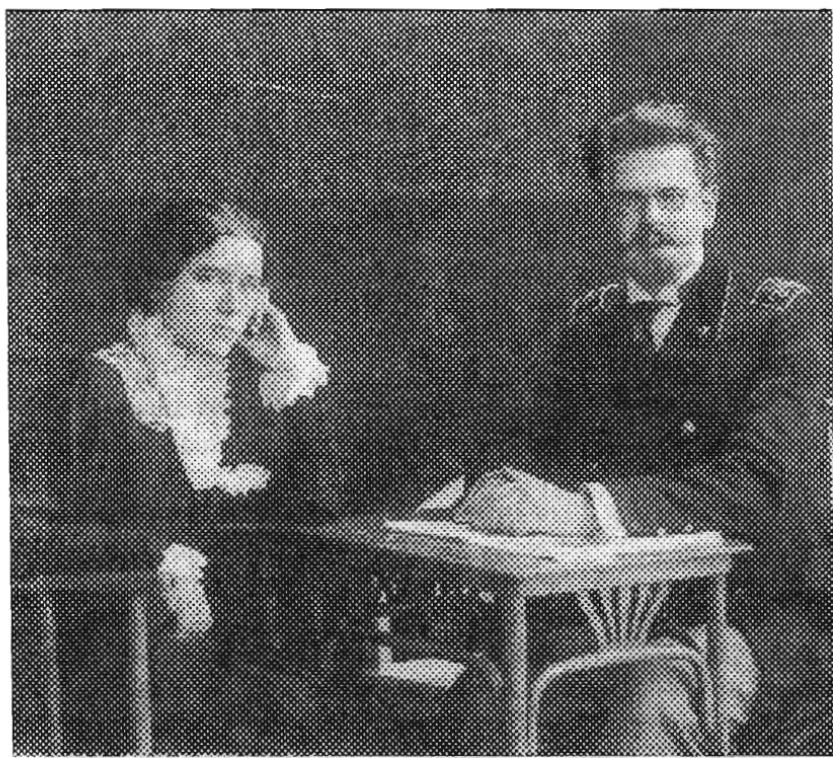
Бедный Леонид. Он тогда не знал, что никто не будет слушать его доказательств, а будут мучить, подвергать всевозможным пыткам, чтобы заставить человека подписать уже готовое обвинение в самых страшных преступлениях.

12-го декабря 1936 года арестовали начальника Главрезины Биткера; Леониду предложили сдать дела Осипову (до этого он был начальником синтетического каучука). Леонид постоянно с ним воевал, потому что они давали каучук плохого качества. Осипов занял сразу две должности: начальника Главрезины и должность Леонида, главного инженера. В «Известиях» была заметка: «Главный инженер Главрезины Л. М. Горбунов освобождается от занимаемой должности ввиду перехода на другую работу». Но, конечно, никакой другой работы не было — никуда не принимали. Ясно было, что Леонида тоже заберут.

Страшно вспоминать то время, много лет прошло с тех пор, а как больно вспоминать, как ясно стоит перед глазами весь ужас.

Я перестала спать, прислушивалась к шагам на лестнице. Все казалось, что они идут, эти мучители, изверги — опричники.

Вспоминается последняя ночь. Леонид до часу читал, потом уснул, а я свет не тушила, потому что было очень страшно, лежала и все смотрела на Леонида, на его умный, красивый лоб и вдруг поняла, что скоро они его у меня отнимут, и, может быть, какой-нибудь палач выстрелит в эту умную красивую голову. Я так ясно себе это представила, прямо сердце от тоски разрывалось, и я с плачем бросилась к Леониду на грудь. Он проснулся, стал успокаивать меня. «Ну что ты? Сама подумай, ведь уже три месяца,

Валентина Леонидовна и Леонид Михайлович Горбуновы
1920–1930-е годы

как Биткера взяли, ведь, если бы меня думали взять, давно бы уже взяли», — говорил он.

Под утро я уснула, и мне приснился ужасный сон — будто я входжу в столовую и вижу, что стены оборваны, потолок обвалился. Всюду паутина. Я вошла в спальню, и там потолок грязный, половина отвалилась, стены копченые. Когда я проснулась, то еще большая тоска охватила меня.

Под впечатлением этого сна иочных дум я умоляла Леонида покончить жизнь самоубийством. Я говорила: «Давай умрем вместе, как это сделал инженер Лисицын с женой, когда жизнь стала для них пыткой». Я предлагала принять какой-нибудь яд или отравиться газом. Но Леонид сказал: «Никогда я этого не сделаю, они тогда подумают, что я виновен». И опять повторил: «Не беспокойся, я сумею доказать, что я невиновен».

В этот же день. 23 марта 1937 года, в 12 часов ночи явились люди из НКВД за Леонидом.

Особенно ясно я помню одного — это был тип убийцы-палача, омерзительная рожа, мутные белесые глаза. И эта сволочь подошла к Леониду. Он крикнул: «Руки вверх!» и обыскал его карманы. Леонид был бледен, как мертвец, я вышла из комнаты: не могла видеть, как унижают Леонида. За мною по пятам ходил молодой мерзавец. Начали обыск в спальне. В три часа Леонида увели, и с тех пор я его больше не видела и ничего о нем не знаю. В 1947 году мне сказали, что он умер.

С 23 марта 1937 года началась для меня Голгофа.

Леонидавели в три часа ночи. Я позвонила Николаевым и приехала Маруся. Мы плакали. Утром нужно было узнавать, где Леонид. Кажется, каждый советский гражданин знал тогда, куда нужно было обращаться в этом случае, всем известен был дом — Кузнецкий мост, 24. А за углом страшная Лубянка и дом ужаса и пыток. Все знали, что пытают, это было известно еще по шахтинскому делу 27 года, об этом говорил Фросе Андрей Кириллович, привлеченный по шахтинскому делу. Его привели в подвал НКВД. Подвал ужасный: на стенах следы крови, пол какой-то скользкий, может быть, тоже от крови. И два следователя начали точить ножи и при этом приговаривали: «Ну что же, раз он не сознается, то мы

заставим». Но А. К. был сильным здоровым человеком, а эти садисты — шуплые поганые наркоманы. Он схватил скамейку, швырнулся в них и начал кидать в них все, что попадало под руку. Решил, что лучше пусть сразу застрелят, чем допустить, чтобы какие-нибудь негодяи тебя мучили. И вдруг — он глазам своим не поверил — оба героя двадцатого века быстренько забрались под стол и оттуда кричат: «Успокойтесь, мы Вам ничего не сделаем». Когда он перестал кидать, они вызвали стражу и приказали увести, но в отместку сказали: «А все-таки Вас расстреляют». Его не расстреляли, а приговорили к десяти годам.

И вот теперь все это мне вспомнилось. Мне казалось, что, может быть, в эту минуту Леонида пытают, может быть, посадили в каменный мешок, пытают электричеством, не дают спать — это называлось у проклятых садистов «конвейер»: тебя допрививают двое, трое суток, следователи меняются, а ты стой. Спать не дают, мучают, пока не доведут до такого состояния, что ты сам подпишешь себе смертный приговор, чтобы только избавиться от этих сволочей.

Я стала, как сумасшедшая, не могла спать, есть, мне казалось преступлением жить, когда Леонида мучают. Что они пытают, мы знали. Я старалась не сидеть дома; столовую и кабинет опечатали, я все больше ходила — была у Иверской, в какой-то церкви, где служил новомодный митрополит Введенский, но, конечно, нигде покоя не находила.

Если существует что-то Высшее, то похоже, что злое начало победило добро, и наша несчастная земля попала под власть злой силы, добра нигде не видно, только одни прекрасные слова о справедливости, благе, а на деле люди пожирали друг друга.

Как-то зашли ко мне две жены-резинщицы — жена Реймаруса и еще одна, из Ярославля; они сказали, что забрали жену Васильева, директора «Треугольника». Мы не могли понять, за что ее могли взять; нам и в голову не приходило, что ее могли за мужа взять, она была студенткой, и мы решили, что она, может быть, что-нибудь сказала и за это ее забрали. Да разве нормальному человеку может прийти в голову, что ни в чем не виновного человека за несуществующую вину другого могут посадить в тюрьму, как это сделали с нами, женами, ведь такая «гениальная» мысль могла прийти

в голову только нашему «Гению», «Корифею науки», «Отцу, учителю, другу». Для этого нужно было быть умалишенным садистом. Миллионы людей загубил этот проклятый «Гений».

Я заметила, что за мной следят. У той калитки, через которую я обычно ходила, посадили какого-то шпика. И несколько раз я видела, как он ходит за мной по улицам.

18-го июля я пошла в Бутырки передать для Леонида деньги, но мне сказали, что его нет и передачу не приняли; я решила, что, может быть, он в больнице. Я пошла по тем воротам, которые ведут в больницу, там сказали, что такого нет; тогда я поехала на Кузнецкий, 24. Там заставили заполнить какой-то бланк с целой кучей вопросов — кто спрашивает, адрес спрашивающего, о ком спрашивает и еще много всякой ерунды. Когда я подала этот бланк в окошко, я заметила, что он подчеркнул слово «жена» и адрес, и мне стало как-то жутко, я подумала, к чему он это сделал? Через два дня мне обещали ответ.

С Кузнецкого я поехала в Таганскую тюрьму, думала, что, может быть, туда перевели Леонида, но увидела, что там народ совсем другого рода: сразу видно по тем, кто приносит передачу, что в Таганке сидят одни уголовники. Решила ждать два дня и идти за ответом на Кузнецкий.

Я была совершенно убита — человек исчез в тюрьме. Значит, его убили. Тогда я еще не знала, что в нашей стране существуют живые мертвецы: забирают человека, судят заглазно, а потом тебе преподносят: «Осужден на десять лет без права переписки». Ты исчезаешь, и десять лет превращаются в вечность: ни передач, ни писем, не говорят, где ты, жив ли или умер, могут убить. Когда вздумается этим сволочам, так ведь и поступили с нашими мужьями.

Это что-то до того жестокое, дикое, восточное, равнное по жестокости, может быть, еще более жестокое, чем средневековая инквизиция.

Идти на Кузнецкий не пришлось. Когда я вернулась домой, Лиза, домработница, говорит мне: «Управдом тут спрашивал, не уехали ли Вы в Ленинград, что-то он Вас давно не видел». Я подумала: «Какое ему дело до меня?». А, оказывается, дело было: он знал, что меня арестуют.

Весь вечер я только и думала, где Леонид, убили ли его уже или решили еще больше замучить и лишили передач.

Часа в два ночи я задремала и увидела ужасный сон — мне приснилось, будто я стою в каком-то дворе, кругом высокие кирпичные здания, уже вечер. И вдруг — я вижу перед собой открытый «Черный ворон», тюремную карету. Я заглядываю внутрь и вижу: две скамьи по бокам, маленькие оконца с решеткой под самой крышей, в потолок ввинчена лампочка с проволочной сеткой.

Когда я впоследствии попала в этот ужасный «Черный ворон», все оказалось именно таким, как я видела во сне.

От страха я проснулась, пролежала минут двадцать, и — вдруг звонок. На мой вопрос: «Кто там?», управдом ответил: «В. Л., откройте, это я». Я, конечно, знала, что он не один, ему нечего было делать у меня в три часа ночи.

Вошли трое. Первая мысль была, что решили сделать дополнительный обыск, но один из троих предъявил ордер на мой арест. Я было совершенно спокойна, с арестом Леонида жизнь моя стала ужасной, мне было уже все равно: тюрьма, смерть — один черт; я не могла жить, когда знала, что где-то Леонида мучают, пытают. На воле, если бы я осталась, я бы покончила с собой, а когда попала в тюрьму, а потом на каторгу, я решила: «Вам, сволочам, хочется замучить меня до смерти, а я на зло вам, проклятым, выживу». В лагере я была очень больна и только силой воли заставила себя жить и не падала духом. Я была уверена, что какие-то враги убедили кремлевского вампира в том, что у него хотят отнять власть, а его убить, вот он и его приспешники все это устроили — Варфоломеевскую ночь 1937 года, засадили всех честных людей с женами и взрослыми детьми, а делалось это, по-моему, чтобы ослабить страну перед войной с немцами.

Все время я говорила женам: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Я была уверена в том, что мы, может быть, и не доживем, но когда-нибудь через много лет разберутся во всем этом ужасе и в том, кто повинен в гибели миллионов ни в чем невиновных людей...

Сталинские опричники быстро окончили обыск, я собрала самое необходимое из вещей: две смены белья, два платья, подушку и по-

крывало. Простилась с мамой, она, бедная, была совсем убита, целовала мне руки, обнимала, а я прямо окаменела, ни одной слезинки. Меня интересовало, зачем это они меня забирают, какой интерес для них арестовывать меня — домашнюю хозяйку. Потом уже, в лагере, я вспомнила, что у «гения» был указ репрессировать семьи изменников родины, а ведь наших бедных мужей объявили изменниками. Декрет этот мы все читали и поняли так, что это касается семей невозвращенцев (в то время было командировано несколько лиц за границу, и они не вернулись). А, оказывается, и нас приравняли.

У ворот ожидала легковая машина, один мерзавец сел с шофером, а другой — рядом со мной. Мне казалось, что это дикий, кошмарный сон — ну что я совершила преступного, чтобы меня нужно было сажать в тюрьму? Пока мы ехали, я все думала, какое обвинение мне предъявят. Может быть, они хотят заставить Леонида подписать какую-нибудь гадость и будут мучить меня у него на глазах — от этих «рыцарей XX века» можно было ожидать всего!

Когда я попала в тюрьму и увидела множество таких же жен, как и я, я поняла, что уже «кампания» сажать жен и взрослых детей за несуществующие преступления мужей и отцов, и что это, конечно, всерьез и надолго.

Бутырки были недалеко от нашего дома, через пять минут мы подъехали к воротам, шофер дал гудок, в окошко в воротах выглянул дежурный стражник и загромыхал ключами, замками, открыл толстые броневые ворота, и машина въехала во двор и остановилась, а ворота с грохотом замкнулись. И это было так ужасно, как будто меня живую посадили в могильный склеп, я поняла, что это конец моей прежней жизни, Леонид не вернется, и я, может быть, погибну на советской каторге.

Мне омерзительно даже название «Трудовые исправительные лагеря», это только в романах изображают, что преступник ангелом безгрешным выходит из лагерей, а на самом деле уголовники через некоторое время возвращались опять в тюрьму, а затем и в лагерь. Причем в лагере они друг от друга научались еще большим мерзостям.

А мне исправлять было нечего, мы преступниками не были, нас они только ожесточили, мы всех возненавидели, а уж та безмозглая

шантрапа, которая была нашим начальством в тюрьме и лагерях, никакого влияния на нас не могла оказать: мы смеялись над ними.

Я вышла из машины, я не плакала, я превратилась в какой-то автомат. Исчезли человеческие чувства — страх, горе, тоска, исчезло все, и только одна мысль сверлила мозг: «А что же дальше?».

Сейчас я пишу и чувствую, что от этих воспоминаний у меня повысилось кровяное давление и начался какой-то озноб. Понять все это может только тот, кто сам все это пережил.

Меня ввели в какой-то коридор. Потом направо в комнату, где было несколько арестованных женщин и три «энкаведиста», они дали нам заполнить анкеты обычного типа, мы их заполнили, анкеты забрали, а нас повели с вещами в большую комнату, где несколько женщин-энкаведисток подвергли нас омерзительному осмотру: раздели догола, пересмотрели каждую вещь, распустили волосы, прощупали их. Что, по их мнению, я могла спрятать в волосы? — совершенно не понимаю. Потом полезли смотреть между ног, не засунули ли мы чего во влагалище. То было так омерзительно. Неужели это можно забыть?!

А где же вы, власть имущие, тогда были? Неужели вы не видели, что творится? Ведь вы в это время под стол пешком не ходили, вы тоже стояли у власти, как вы могли допустить такую несправедливость, жестокость, неужели вам не пришло в голову, что не могут десять миллионов людей самых талантливых, умных, ученых, быть изменниками, ведь если бы то было так, они бы все перевернули! Как же все это омерзительно!

После обыска меня всунули в какой-то стенной шкаф в коридоре, там стояли уже три перепуганные женщины, шкаф был без окна, на потолке лампочка, долго в шкафу в таком не простишь, можно задохнуться без воздуха. Продержали нас в этом шкафу минут сорок, а потом вызывали по одной и стали отводить по камерам. Меня отвели на второй этаж, во вторую камеру, которая находилась в бывшей церкви. Камера — метров двадцать, два окна с решетками даже снаружи, еще окна заделаны деревянными щитами на расстоянии двух четвертей от стекла, с боков тоже доски, так что ничего не видно из окна, только если подойти к окну, поднять голову, видно небо; направо и налево по стенам нары, посередине комнаты стол.

В камере уже было несколько женщин, я заняла место на нарах и стала рассматривать товарищей по несчастью: сразу было видно, что это не уголовницы, а такие же, как я, жены, у всех был вид напуганный, некоторые плакали. Через каждые пятнадцать-двадцать минут дверь открывалась, вводили новую заключенную. Часам к восьми утра камера была набита.

Многие женщины плакали, вспоминали прощание с детьми, у многих дети остались одни, в таких случаях с энкаведистами приезжала какая-нибудь баба, и она отвозила детей в детдом.

Одна, рыдая, рассказывала, как ее маленькая дочь уцепилась ручонками за ее платье и кричала: «Не дам маму!», ее оторвали и унесли в другую комнату, а мать быстро увели.

Ведь от этого просто можно сойти с ума, кажется, что мы живем не в двадцатом веке, а в самом страшном средневековье.

У другой женщины был грудной ребенок, ребенок остался с бабушкой, ее же забрали в тюрьму, от молока у нее разболелась грудь, от дикой боли она лишилась сознания, и ее унесли в тюремную больницу, через неделю она вернулась.

На моих глазах во второй камере одна немка Фридман сошла с ума. Это была нормальная молодая женщина, ее вызвали к следователю, и от него она вернулась сумасшедшей. Что было у следователя — мы не знаем, она говорила только: «Я погубила мужа, я сказала, он шпион, он сказал, мой муж шпион». И больше не говорила ничего за все свое пребывание в камере и в лагере, я попала с ней в один лагерь, а потом ее отправили в дом умалищенных.

Она не спала ночи и все время вырывала себе волосы по одному и складывала их рядом, друг около друга, потом вдруг начала есть мыло, а тюремщицы-надзирательницы называли ее симулянкткой.

А ведь сколько раз встречала я эту Фридман на Петровке с мужем, оба молодые, всегда веселые, и вот такой ужасный конец — бежали из Германии от фашистов, а попали в пасть проклятому удаву.

Часов в десять устроили проверку, всех поставили по два человека друг за другом и пересчитали. После этого повели в уборную, там же и умывальня, затем отвели в камеру, выдали по куску

черного хлеба грамм 300–400 и по два куска сахара на человека, потом принесли кипяток, часа на два — обед: суп или щи требуховые, очень вонючие, или рыбные, часов в пять давали немногого каши размазни и кипяток; вечером опять проверка и вели в уборную. Это я описала распорядок дня.

Когда нас набилось столько, что уже некуда было помещать — принесли щиты, сколоченные из досок, положили их на козлы и положили еще четыре человека, а четверых положили прямо на пол на щитах.

Первый день мы приглядывались друг к другу, и оказалось, что мы все — жены, что у всех у нас арестованы мужья, и тогда мы поняли, что это новая «кампания» — забирать жен, и нам стало ясно, что нас не выпустят, и, может быть, мы здесь погибнем, и многие из нас так и не вернулись, погибли в лагерях».

Мы все только и говорили: «За что, за что нас взяли? Ведь мы преступления не совершили?». И тут нам стало ясно, что и мужья наши ни в чем не виновны, что они кому-то мешали. Я-то не сомневалась в Леониде ни минуты.

Некоторые из жен-партиек говорили: «Вы не беспокойтесь, разберутся, что мы не виноваты и нас выпустят. В Советском Союзе невиновные не могут страдать, нас скоро выпустят». Была в нашей камере партийка Каплан, по-моему, партийный работник. И она все старалась перед нами, беспартийными, показать непогрешимость всяких партийных указов и постановлений. Еще она говорила, и это нас особенно возмущало: «Значит, партия нашла необходимым нас изолировать». А я ей сказала, что в нормальном государстве не должно быть такого положения, чтобы было необходимо ни в чем не повинных людей «изолировать», мягко выражаясь, а попросту посадить в тюрьму, и еще я ей сказала, что вы, партийцы, никак власть не поделите, передрались из-за власти, а из-за вас беспартийные страдают. Она возмутилась и закричала на всю камеру: «Вы слушайте, что говорят! Что из-за партийцев пострадали беспартийные!». И они начали там шушукаться на мой счет, должно быть, сказали: «Вот махровый контрреволюционер», а мои все были довольны, что я ей такое ляпнула, уж очень нам надоела со своей сталинской непогрешимостью партии.

Первый день окончен, и мы кое-как улеглись на голых досках, без каких-либо матрасов, подушек, одеял; причем доски на нарах были сколочены не как полы, плотно одна около другой, а на расстоянии примерно 6-8 сантиметров друг от друга, и были это уже не доски, а горбыли. Один потолще, другой потоньше, так что лежать на них было просто мукой. Снизу тоже дуло, у многих совершенно нечего было постелить, я постелила летнее пальто, а укрылась пикейным одеялом, подушка у меня была только маленькая. Рядом со мной поместились молоденькая женщина, которая была только шесть месяцев замужем, у нее почти ничего не было из вещей, так что я ее прикрыла своим покрывалом, а под голову она положила свой маленький узелок. Потом я узнала, что в Бутырках был «показательный» тюремный корпус с откидными парусинными койками, которые на день прикреплялись к стене: вдруг какомунибудь иностранцу пришла бы в голову дикая мысль посмотреть, как содержат заключенных — вот его и вели в это корпус.

Когда в камере все затихло, вдруг, из камеры, над нами, раздался мужской голос: «Вторая! Вторая! Слушайте: вторая, кто вы, женщины?». Оказывается, они весь день прислушивались к тому, что творится в нашей нижней камере, и не могли понять, почему столько женщин засадили сразу в тюрьму; то, что мы новички, они узнали по нашим рыданиям.

Мы еще не знали, как в тюрьме надо переговариваться, и потому одна женщина, что лежала у окна, села на нарах, подвинулась к окну, подняла голову и начала довольно громко отвечать на их вопросы. Она сказала: «Мы жены». Они не могли понять, какие жены, тогда она объяснила: «Наши мужья арестованы, за что — мы не знаем, теперь забрали и нас». Мужчины пришли в ужас: «Как же это? Ведь, может быть, и наших жен посадили?». На это мы ничего не могли сказать. На этом разговоры окончились, надзорительница увидела в дверной глазок, что женщина разговаривает с верхней камерой, неожиданно открыла дверь и увела эту бедную женщину, куда — не знаем.

На другой день начали нас водить по десять человек в какую-то камеру, где несколько мерзавцев сфотографировали нас и делали отпечатки наших пальцев. Когда снимали, нацепили на грудь

какой-то номер, снимали в двух видах. Эта процедура была ужасна, с некоторыми женщинами сделалась истерика.

Вообще невозможно описать то чувство, которое испытываешь, когда попадаешь в тюрьму. Ты теряешь самое дорогое в жизни человека — свободу, ты превращаешься в вещь, злые силы могут сделать, что хотят, а ты не можешь ничего — ты вещь.

На другой день по алфавиту нас стали вызывать к следователю, опять пошли обычные анкетные вопросы: кто папа, кто мама, есть ли родственники и где они живут, а потом — как будто мы ведем милый светский разговор: «Ну, рассказываете о контрреволюционной деятельности Вашего мужа». Я сказала, что ничего не могу сказать, поскольку никакой контрреволюционной деятельности не было. «Кто у вас бывал? С кем вы дружили?» — «Бывали мы у родственников, ни с кем не дружили, а предпочитали ходить в театр, имели несколько абонементов, ходили в кино, в концерты». — «Ну, не поверю, чтобы вы не устраивали приемы!». — «Мы жили очень скромно, муж зарабатывал не столько, чтобы мы могли устраивать приемы». — «А сколько Ваш муж зарабатывал?» — «1750 рублей».

По все вероятности, Леонид тоже так же ответил на эти вопросы, а этот тип приставал ко мне, потому что надеялся, что я наговорю чего-нибудь другого. Ну, он и прекратил опрос, дал мне прочесть и подписать. А потом спросил: «Что у вас делается в камере?». Я сказала, что женщины плачут, не могут понять, за что нас посадили, ведь никакого преступления мы не совершили. А он ответил: «Ну, ничего, немного посидите, а потом вас отпустят». Это «немного» оказалось пять лет и восемь лет.

Целый день нас по одной вызывали к следователю, и все быстро возвращались. Одна молодая женщина вернулась и говорит: «Он сказал, что мой муж террорист. А что это такое?». Когда мы ей объяснили, что это, она в ужасе упала на нары и целый день только и говорила: «террорист... Но ведь это неправда, он ни на кого не покушался». Мы утешали ее, как могли, сказали, что всех наших мужей обвиняют в страшных преступлениях. Не знаю, могло ли такое утешение кого-нибудь утешить?

С одной женщиной, Ниной Николаевной Винклер, мы очень подружились и до осени тридцать девятого года были в одном лагере,

а потом меня перевезли в Сегежу, а она осталась в Потьме. И вот она приходит от следователя какая-то очень расстроенная. Я спрашиваю ее, что случилось. Оказывается, когда стражник вел ее от следователя по лестнице, он вдруг застучал большим ключом по пряжке пояса и крикнул ей: «К стенке!». Она, бедная, решила, что он будет ее убивать, и заметалась по площадке, он схватил ее за плечи и ткнул носом в стену, а в это время другой конвойный провел мимо какого-то мужчину. Арестованным не полагалось видеть друг друга и потому конвойные стучали большими ключами по пряжкам, чтобы встречный конвойный успел своего арестанта ткнуть носом в стенку, вот только когда меня вел от следователя, пропустил момент и не застучал ключом, и я прямо на лестнице столкнулась с другим арестантом; то был совсем молодой человек.

Каждый день нас водили гулять, гуляли мы в одном из внутренних дворов Бутырок, ходили гуськом по кругу, останавливаться было нельзя, разговаривать тоже.

Три раза в месяц водили в баню, там мы и стирали свои вещи. Бани я страшно боялась, там было очень жарко, а нас запирали и хоть умри — никому нет дела, сиди в бане, сколько полагается.

Мы научились переговариваться с мужчинами так, что уже не попадались. Мы узнали, что мужчины эти были арестованы несколько лет тому назад и сосланы в лагеря на Колыму. Несколько месяцев тому назад их привезли в Москву для пересмотра их дел, и они теперь видят, что ничего хорошего ожидать нельзя. Так оно и вышло; потом, через некоторое время, они нам сказали, что сегодня им стало известно, что профессор из их камеры, который раньше был осужден на пять лет высылки, теперь получил пять лет лагерей. Потом они сообщили, что таких случаев еще несколько: всем увеличивали сроки: кому была высылка — давали лагерь, кому пять лет лагерей — давали десять лет.

Мы тоже ждали от этих извергов самого плохого, но все-таки нам и в голову не приходило, что могут нам дать пять лет или восемь лет. Ведь это даже страшно подумать, присудили человека ни в чем не виновного к пяти или восьми годам каторги!

С мужчинами мы научились разговаривать и не попадаться таким образом: одна из нас, обычно Разумовская, садилась на на-

рах спиной к стене, закидывала голову кверху и начинала обмазываться полотенцем, как будто ей очень жарко, а я и еще одна высокая женщина начинали разгуливать по камере и старались загораживать глазок, останавливались около глазка и говорили о всякой чепухе, а она в это время спрашивала у мужчин все, что нас интересовало.

Месяца через два из нашей камеры в первый раз вызвали несколько женщин с вещами. Мы обрадовались, решил: раз с вещами — значит на волю. Сказали мужчинам, они обещали узнать, куда вызывали женщин. Мужчины, находясь в тюрьме, все узнавали, они перестукивались. Как начиналась ночь, все утихало, слышно было только одно постукивание. Я удивляюсь, как наши тюремщики не слышали его.

Через несколько дней мужчины нам сообщили: «Мы должны вам сообщить очень печальную для вас новость, жен не отпустили, а приговорили на пять, а некоторых на восемь лет лагерей, но вы не отчайвайтесь, может быть, вас и не приговорят на такие сроки». Но это нас не утешало, мы были в ужасе. Пять или восемь лет! За что? Мы не совершили никакого преступления!

Мы просили мужчин рассказать о лагерях, очень ли там трудно; они ответили, что трудно, но некоторые женщины устраиваются хорошо, но, как они выразились, от этого «страдает женская честь».

Потом мы в этом убедились сами, лагерь — это просто омерзительный публичный дом: кто продает себя стрелку, культработнику, начальнику и даже бригадиру из заключенных — тот получает легкую работу, а остальных мучают тяжелой работой и всякими придирками. Девчонки, которые получили пять лет за какой-нибудь метр ткани, который они стащили на фабрике, в лагере обязательно делаются проститутками.

Окна нашей второй камеры выходили в этот же двор, куда выходили окна следовательских кабинетов, по ночам были слышны крики следователей и допрашиваемых. Один крик я никогда не забуду: днем и ночью человек просто выл: «А-А-А-А!» Что с ним сделали? Как довели человека до такого состояния? Этот крик продолжался с месяц, а потом прекратился. Убили ли они его? Или

он сошел с ума и его поместили в сумасшедший дом — я не знаю, но это было так жутко! Все казалось, а, может быть, это кричит Леонид. Однажды ночью — мы все только уснули — и вдруг во дворе раздался дикий крик мужчины: «Куда ты меня ведешь!!?». Мы все проснулись и от ужаса стали плакать: ведь, может быть, этого беднягу убийца вел на расстрел, а другой голос закричал в ответ: «Иди, иди!». Слышна была возня, может быть, его потащили; потом все затихло.

И вот живи после этого ужаса и славословье: «Ах, как все замечательно!». Я при одном воспоминании плачу и шлю тысячи проклятий всем причастным даже косвенно к этому дикому злодеянию 37-го года.

Не знаю, какой-то идиот сказал: «Нигде так быстро время не идет, как в тюрьме»... Враки! Время тянется. Мне казалось, что я не пять месяцев просидела, а сто лет.

Первый месяц у нас из камеры забрали человек пятнадцать, и мы уже знали, что не на свободу, а в лагерь; в камеру приводили новых, и все это были — жены. Потом, когда нас осталось человек пятнадцать, перестали забирать и приводить, и мы опять стали беспокоиться, почему такое затишье, ведь от этих сволочей всего можно было ожидать.

У нас в камере одна женщина понимала перестукивание, и вот однажды днем начали откуда-то нам стучать, она стала отвечать, и нам передали, что оба брата Межлаук объявлены врагами народа и арестованы. Межлаук были комиссарами, то есть министрами.

Как-то на поверхку явился начальник тюрьмы — Попов, страшный, как Дон Кихот, с какими-то остановившимися глазами, как будто он ничего не видит. И опять размышления — почему он явился к нам? Может быть, нас решили расстрелять? Рассказывали, что он сам расстреливает заключенных. Нас задержали во второй камере месяца два, а потом приказали взять вещи и перевели в соседнюю камеру № 3. В этой камере были не только жены, было много женщин «по своим делам», было несколько монашек, баптисток, около двадцати польских евреек, которые бежали из Польши от плохой жизни. Года два их не тро-

гали, а в 37-м году всех забрали, и статью-то им объявили оригинальную: «Подозрение в шпионаже». И за это «подозрение» они все получили по десять лет каторги.

Было несколько полек из польской газеты, была венгерка, она возмущалась, что у нас сажают в тюрьму беременных, все говорила, что в Венгрии, в то время капиталистической стране, беременных не сажают. В камере № 3 было несколько беременных, потом они родили в тюрьме, и с грудными детьми их отправили в лагерь, ведь это именно «сталинская» забота о людях — беременную в тюрьму, и с грудным ребенком — в лагерь!

В этой камере я встретила одну «резинщицу» Босняцкую, а потом явилось несколько женщин из «Синтетического каучука», они сказали, что посадили Осипова, который был после Леонида главным инженером Главрезины, по правде сказать, я была довольна, что его посадили: он, когда была начальником синтетического каучука, обвинял Леонида и Биткера, что они саботируют синтетический каучук. Но это была ложь: синтетики давали каучук плохого качества, Леонид показывал мне образцы — то почти жидкий, то хорошего качества, а то самый ужасный, крепкий, с желваками, при вытягивании его через каландры в лист он от трения воспламенялся.

Однажды привели в камеру женщину, и она с плачем рассказывала, что следователь щипал и бил ее, и действительно, все тело ее было в синяках. Это услышала наша староста Разумовская и заявила, что это ложь, у нас в стране этого не может быть. Она постучала в дверь надзирательнице и заявила: «Мы не хотим, чтобы в нашей камере была эта женщина, она говорит, что следователь ее избил, а в советском государстве этого не может быть». Женщину вызвали в коридор; потом она вернулась и сказала: «Я обманула вас, следователь меня не бил». Но мы, конечно, ей не поверили, ведь каждому ясно, что не сама же она все свое тело сделала черным, как чугун.

В третьей камере было сто семьдесят душ. Спали на нарах, приставных щитах и под нарами на щитах. Было так тесно, что лежать приходилось на боку, на другой бок поворачивались все сразу, духота была ужасная, хотя оба окна все время осенью и зимой были открыты.

Всем полькам и польским евреям за «подозрение в шпионаже» дали по десять лет. Их часто вызывали на допросы, и они были уверены, что их отпустят, а оказалось — десять лет!

Сегодня 11 апреля 1956 года. Давно я не писала. Сколько событий произошло за это время!

Пятого марта не отметили день смерти нашего «гения»; в Грузии по этому случаю были беспорядки; потом был XX съезд, на котором «гения» совсем развенчали и его проклятые «экономические проблемы» раскритиковали, а до этого каждый день по радио передавали: «Гениальное произведение тов. Сталина “Экономические проблемы” переведено на 120 языков». Потом было письмо Хрущева, в котором он дал полную характеристику «гения» и его царствования: одно сплошное зверство. У меня сердце разрывается, когда я думаю обо всех муках, которым подвергали заключенных ни в чем не повинных людей, а значит, и бедного Леонида.

Я рада, что дожила до XX съезда, я всегда — и в лагере, и потом на воле — говорила, что все зло от этого удава проклятого: он боялся, что кто-нибудь отнимет у него власть и потому всех мучил и убивал. Но я не понимаю, как можно было допустить это... Неужели нельзя было убить его и его ближайших опричников? В третьей камере был у нас такой случай — мужчины из верхней камеры хотели нам что-то сообщить и с большим трудом на каком-то шнуре из тряпочек спустили из своего кона в наше записку, эту записку схватила заключенная, польская еврейка. Не успели мы опомниться, как она кинулась к двери и отдала ее коридорному надзирателю. Мы чуть ее не побили, ругали, как она смела сделать такую гнусность. А она ответила: «Вы что, не верите, что они врачи народа, изменники Родины, ведь они за это сидят в тюрьме?». А мы ей ответили: «А Вы-то отрицаете, что Вы шпионка, а раз Вы сидите в тюрьме за шпионаж, значит, Вы шпионка». На это она нам ничего не могла ответить.

Мужчинам мы сейчас же передали, что одна наша идиотка отдала записку надзирателю. Через некоторое время они нам сообщили, что все обошлось благополучно — их на неделю лишили прогулок.

Одна молодая женщина — жена — сочинила стихотворение, и я его как-то запомнила, записать ведь было не на чем: нам не давали ни бумаги, ни карандашей, ни книг.

*Нас в третьей камере сто семьдесят,
Но все же мы одиноки;
Нас скоро будут высылать
И всех на длительные сроки.
Не все ль равно — что пять, что восемь?
Когда не знаем мы вины
И горькую обиду носим
В своей истерзанной груди!
Нас скоро с семьями разлучат,
В далекий край нас всех ушлют.
И, может быть, мы там погибнем,
А лучшей доли не найдем.
У всех у нас один вопрос —
Зачем все это? Зачем мы здесь?*

В третьей камере я пробыла до первого декабря, а потом меня и еще двадцать человек вызвали из камеры с вещами. Мы уже знали, что это значит не на волю. Отвели нас в нижний этаж, вещи оставили там, а потом повели в другое здание, поместили человек сорок в маленькой комнате и начали вызывать по одной к какому-то военному, он давал нам прочесть отпечатанное на машинке постановление «особого Совещания», что такая-то, «член семьи изменника Родины», приговаривается в пяти или восьми годах исправительных трудовых лагерей. Женщины возвращались совершенно убитые, со многими делалась истерика. Вызвали и меня и приговорили к восьми годам лагерей. Я этого ожидала. Даже как-то дико, не совершив никакого преступления, получить восемь лет каторги, ведь лагеря — это та же каторга, только к тачке не приковывали, как при Николае «кровавом», как его называли, и то тогда так просто не бывало, нужно было все-таки совершить какое-нибудь преступление, чтобы получить восемь лет каторги.

Потом нас отвели в камеру нижнего этажа, и мы знали, что нас скоро отправят в лагеря, но куда отправят — никто не знал,

мы были во власти злой силы, с нами могли сделать все, что им вздумается.

Еще когда я была во второй камере, как-то ночью открываю глаза и вижу, что у меня в ногах на наре сидит как будто бы старик. И я подумала, что столько людей засадили, что в женские камеры стали сажать стариков, а потом, когда пригляделась, то увидела, что это очень старая женщина, а посадили ее, как она сказала, за контрреволюционные разговоры, а на самом деле — у нее была хорошая комната, у соседа же квартирного — похуже, и он предложил ей поменяться, а она не захотела. Вот ей и приписали контрреволюционные разговоры и посадили в тюрьму.

Потом с этой бедной старушкой произошел интересный случай. Ее вызвали к следователю, и она пробыла больше суток, потом опять явилась, и, оказывается, ее, когда вызвали, посадили в одиночное отделение «Черного ворона» и куда-то повезли, должно быть, на Лубянку. Всех заключенных, которых везли, высадили, она это слышала, а ее не выпустили и опять привезли, потом «Черного ворона» остановили, а она все сидит и думает, что это так надо. Ее, конечно, привезли в Бутырки, а через несколько часов нужно было везти на Лубянку новых заключенных, тогда открыли дверь одиночного отделения «Черного ворона» и увидели старуху, перепугались и закричали: «Как ты сюда попала?». Она ответила, что ее посадили и катали. Оказалось, что они каким-то образом потеряли ее документы и потому не высадили ее на Лубянке. О дальнейшей ее судьбе — не знаю, меня вызвали, а она осталась в камере.

После того, как нам объявили приговор и нас отвели в камеру нижнего этажа, женщины совсем упали духом и твердили, как идиотки: «За что? Сталин, конечно, не знает, что творит НКВД». А я говорила, что все это делается по его приказу.

Недели две мы ждали этапа, наконец, ночью десятого декабря нас вызвали с вещами в коридор, опять обыскивали и под конвоем вывели во внутренний двор. И тут я первый раз увидела «Черного ворона» и вспомнила тот ужасный сон, который приснился мне в ночь моего ареста, и все было так, как в этом сне.

Нас повезли по улице Каляева; проезжали мы мимо той калитки, через которую я выходила из дома на Каляевскую улицу.

Я, конечно, ничего не видела, ведь узенькие окошки в этом ужасном «Черном вороне» под самой крышей, а только чувствовала, что мы проезжаем так близко от моего дома, где я была счастливой, любимой таким прекрасным человеком, каким был Леонид. Бедная мама, через несколько дней она придет передать мне очередные пятьдесят рублей (три раза в месяц разрешали передачи не больше 50 р.), и ей ответят: «Такой нет», а куда делась — ничего не скажут, думай, что хочешь: может быть, умерла, может, расстреляли, может, увезли на каторгу.

Мы все плакали, ведь жизнь кончилась, наступило что-то ужающее дикое, что нельзя было назвать жизнью: нас везли на муки и неизвестно было, выдержим ли мы, вернемся ли или эти восемь лет превратятся в вечность.

Нас привезли на Казанский вокзал, было около часа ночи, высадили нас у какой-то дальней платформы. Несколько железнодорожных служащих и носильщиков, которые случайно оказались на платформе, смотрели на нас с ужасом и жалостью: ведь видно было, что мы не воровки, не проститутки.

Как только мы вышли из «Черного ворона», наши конвойные дико закричали: «Садись, а то садовить будем». Мы замешкались, не могли понять — зачем садиться, ведь кругом снег, никаких скамеек, и потом это непонятное страшное слово: «садовить будем». Мы перепугались, не могли понять, что они хотят делать с нами, давить что ли, а они, видя, что мы не садимся, покидали нас на снег и потом, тыкая каждую пальцем, пересчитали, это так называется «проверка». Они боялись, что во время езды мы могли сбежать. Сбежать из этого «Ворона», конечно, невозможно, просто лишнее мучение.

Конвойные выстроили нас по двое и грозно объявили: «Шаг назад, шаг в сторону считаем попыткой к бегству и стреляем».

После этого повели к вагону столыпинского образца и опять всех пересчитали. В вагоне мы просидели часа два, потом привели несколько женщин с грудными детьми — такого злодействия ни в какой другой стране не было, чтобы женщины с грудными детьми отправляли на каторгу...

После посадки женщин с младенцами наш вагон прицепили к поезду и повезли нас на муки и страдания. Мы все плакали, так

это было страшно, не верилось, что это действительность, все казалось диким страшным сном: этот ужасный вагон с решетками по всему коридору, за решеткой по коридору ходят конвойные, а мы сидим по другую сторону, как дикие звери. О, будь вы все прокляты, причастные к этому!

Мы превратились в рабов, попали в лапы омерзительных сволочей, потерявших человеческий образ, каких-то полузверей с человеческими мордами.

Мы не знали, куда нас везут; везли на восток, а там много сальных ужасных лагерей.

Везли нас часов двенадцать, потом отцепили на какой-то станции и повезли уже по лагерной зоне. Нас привезли в Потьминский лагерь. Они имел много лагерных точек, главное управление и лагерная тюрьма потьменского лагеря находились в бывшем монастыре Серафима Саровского. Станция называлась «Потьма», а лагеря — Темниковские. Поезд остановили, открыли двери, стали выводить и опять считали и ставили рядами, душ по шесть в ряд, нас встретило лагерное начальство, конвой, собаки-овчарки, ведь мы были очень опасные, «государственные» преступники. Вели не очень долго и привели к лагерю № 15.

В каждом лагере очень много было отдельных маленьких лагерей, которые назывались «лагерная точка № такой-то». В каждой лагерной точке — около 1000 заключенных, каждая такая точка — это площадь, может быть, гектар или два гектара, без единого дерева, она окружена двумя заборами из бревен, поставленных стойм друг около друга высиной пять или, может быть, шесть метров, словом, заборы очень высокие, между заборами расстояние два метра, перед забором, внутри лагерной точки, два метра земли вскопано, програблено и считается запретной зоной. Было объявлено, что ступать на эту полосу нельзя, стражники будут стрелять. По углам забора вышки, там стоят стражники и смотрят, чтобы мы не убежали и не наступили на запретную зону.

Нас ввели в зону № 15 и мы увидели длинные одноэтажные бараки, бараков шесть, я сначала приняла их за сараи для сушки кирпича, мне почему-то вспомнилось библейское сказание о евреях. Когда они были угнаны египтянами в рабство, то их заставили

работать, главным образом, они делали кирпичи, и я почему-то решила, что мы тоже будем делать кирпичи. Но я скоро увидела, что эти сараи — не для сушки кирпича, а для жилья людей.

Нас ввели в один из пустых бараков, явилось несколько комендантов и начали обыскивать наши вещи, в тюрьме обыскивали, везли под стражей, а тут опять смотрели. Не понимаю — что они искали у нас.

Потом повели нас на так называемый «медицинский осмотр», а, попросту говоря, омерзительный обыск. Нас не спрашивали, на что мы жалуемся, что у нас не в порядке, не прослушали ни сердце, ни легкие, а просто приказали раздеться догола, прощупали все вещи, даже всякие грязные женские бинты, вату, а потом опять смотрели, не спрятали ли мы чего-нибудь во влагалище, я не понимаю, что мы могли туда спрятать? Бомбу? Револьвер? Кинжал? И ведь это старалась врач!

После обыска нас повели в барак. Началась следующая ступень нашего рабства.

Нам объявили, что две недели мы не имеем права ходить по лагерной зоне и встречаться с женщинами, приехавшими раньше, так как мы находимся в карантине. Но мы все-таки встречались с ними, они приходили к нам в уборную, и мы расспрашивали их о здешних порядках, а мы им рассказывали, кого еще арестовали после их отъезда.

Через две недели нас перевели в другой барак, и было нас там 350 душ. Барак был большой, по обе стороны шли двухэтажные нары. Нары были устроены, как купе, только в купе два места сверху и два внизу, а тут было четыре наверху и четыре внизу; спали головами внутрь, в купе между нарами был узкий проход, посередине барака стояло два стола и несколько скамеек, в конце барака была комната с умывальниками, самыми примитивными. Конечно, не было ни водопровода, ни канализации, уборные во дворе. Один дурак комендант решил показать свою ученость и прочел нам целую лекцию о пользе умывания и подмывания и объявил, что комната «гигиены» (так он называл умывальную) — это «святая святых». Почему ей выпала такая честь — мы не могли понять и — как нам ни было тяжело — все-таки посмеялись над этим дураком.

На этой лагерной точке № 15 была швейная мастерская: шили телогрейки, белье и безобразные платья — все для лагеря.

Нас тоже переодели во все лагерное, и мы превратились теперь в настоящих каторжан, только у нас не было на спине туза, как это было у царских каторжников.

Те женщины, что приехали раньше, работали в мастерской, а нас послали пилить дрова, убирать зону лагеря.

На каждой лагерной точке была столовая, туда нас водили завтракать и обедать. Утром нам давали немного каши и чай, в обед — «шрапнельный» или чечевичный суп и опять немного каши или чечевицы, вечером — кипяток. Хлеба выдавали 400 г.

К нам в барак часто являлся начальник лагерной точки № 15 Маслов, выхоленный щеголь, и мы ему все говорили: «Зачем нас арестовали, ведь мы ничего не сделали?». А он отвечал: «Вас прислали, и я вас должен держать». Когда же ему говорили, что будем жаловаться Сталину, он отвечал: «Каши маслом не испортишь. Пишите. У меня уже целый вагон ваших посланий лежит». И мы понимали — писать бесполезно, он все равно никуда и ничего не отправит. Да и кому писать? На кого жаловаться?

В марте нас перевели на 23-ю лагерную точку. Опять конвой, собаки. Сначала везли по зоне Темниковских лагерей до станции Яvas, потом высадили и повели от железной дороги в сторону. Конвоиры тоже были как собаки: когда одна женщина сорвала ветку от куста, один из конвойных подскочил, выхватил ветку и крикнул: «Бросить! Не рвать!».

И вот мы уже на 23-й лагерной точке. Такие же бараки, только меньше, такой же двойной забор из высоких бревен, запретная зона перед забором, четыре вышки по углам и на них стражники, которые через определенные промежутки времени кричали: «Слушай!» и били чем-то об рельсу; было очень жутко.

Как я смогла пережить это все? Теперь уже прошло четырнадцать лет после освобождения, а когда вспоминаю весь этот ужас, волосы на голове шевелятся, и шлешь тысячи проклятий Сталину и всем причастным к этому бесчеловечному делу.

Эта зона была песчаная и когда дул ветер, песок переносило с одной стороны на другую. Так наши мудрые стражники додумались

лись — когда ветер прекращался, они заставляли нас носилками переносить песок обратно. Для чего это было нужно — неизвестно, потому что через несколько дней ветер дул с другой стороны и песок все равно ветром отнесло бы обратно. Это было просто желание нас помучить.

И здесь за зоной жили надзиратели, стража и начальник 23-й лагерной точки, и, конечно, их семьи. Как-то я была около запретной зоны и слышала разговор двух девочек, по всей вероятности, дочерей наших начальников. Одна спрашивает: «Кто живет за этим забором?», а другая отвечает: «Здесь живут гадкие тети». Очень больно было слышать такое. Особенной работы на 23-й точки не было: пилили дрова, носили туда-сюда песок, иногда помогали на кухне. Летом 38-го года в лесу был пожар. В этом лесу был расположжен весь Темниковский лагерь, и нас под конваем водили рыть канавы и рубить деревья. Через несколько дней пожар затушили, а было очень страшно, ведь эти сволочи могли нас сжечь, а сами спастись.

На 23-й точке был молодой комендант, которого мы прозвали «Фиалка», потому что во время своего дежурства он, должно быть, выливал на себя флакон духов «фиалка», по всей вероятности, он считал это хорошим тоном. Вот как-то во время проверки — а ведь нас считали утром и вечером — этот душистый идиот заявляет: «Имейте в виду, что мне известно, что у вас происходит. До меня дошли ваши разговоры, что вы, культурные женщины, попали под власть неучей. Да, мы, неучи, вошли в доверие правительства, оно поручило произвести аресты и держать вас в лагерях. И мы с честью выполнили и перевыполнили программу». Мы просто поразились его глупости, бывают идиоты, но такие, пожалуй, встречаются редко, как этот фиалковый дурак.

8-го мая 1961 года.

Как-то явился начальник лагерных точек, в которых находились жены. Фамилия его была Прянишников. Женщины, конечно, опять стали кричать: «Почему нас держат в лагерях? Мы не совершили преступлений? Где наши мужья? Где наши дети?». Он же ответил: «Ваши мужья — изменники родины, и вы никогда не увиди-

те ни детей, ни мужей». С этими словами он отправился к воротам. Приезжал он с какой-то омерзительной бабой, говорили, что она депутат совета. И этот прекрасный депутат быстренько побежал впереди своего начальника к выходу, а мы бежали за ними до ворот и все кричали: «Зачем нас здесь держат!??», а он, когда добежал до ворот, обернулся и крикнул нам: «Что вы бежите за мной, как бешеные собаки?».

Все женщины плакали, и постепенно этот плач перешел сначала в одном бараке, потом в другом в дикую истерику — все кричали, бились головой и ногами об пол, стены. Я выскочила из барака, дикий вой разносился по всему лагерю. Когда все кричат, беснуются, удержаться, быть спокойным — невозможно. Я тоже начала кричать, примчались коменданты с каплями, водой, но никто не стал пить их капли и воду, они бросились, замкнули колодец, чтобы мы не утопились, и несколько раз ночью заглядывали в бараки, по всей вероятности, боялись, что мы повесимся или подпалим бараки.

Каким бездушным мерзавцем надо быть, чтобы сказать несчастным, без всякой вины заключенным женщинам, что никогда они больше не увидят своих детей и мужей.

После этого у нас пошли разговоры, что, скорее всего, мужей наших уже нет в живых, раз он говорит, что мы их не увидим, а детей мы не увидим, потому, что они, должно быть, решили замучить нас в лагерях.

Как-то ночью меня, Фриду Беккер и еще одну женщину послали качать воду в баню. Была тихая лунная ночь, и мне почему-то так ясно представилось, что Леонид где-нибудь на Колыме, или еще в каком-нибудь ужасном лагере, и тоже не спит и смотрит на эти же звезды, луну и вспоминает меня — просто сердце разрывалось от горя, и я как-то мысленно обратилась к нему в стихотворной форме:

*Мой милый, любимый, быть может,
На каторге дальней в этот час, как и я,
Смотришь на лик серебристый луны
И вспоминаешь меня.
Ты вспоминаешь былое,
Как мы росли и учились,*

*Как я любила тебя.
Помнишь ли вечер тот дивный —
Мы на скале приютились,
Море шумело у ног.
Месяц светил серебристый, все освещая вокруг.
Мы поклялись любить. Вечно.
Клятву мы эту сдергали,
Долгие годы прошли уж с тех пор.
Злая судьба нас разлучила —
Вдруг, объявили мне,
Что враг ты народа.
Скоро забрали в тюрьму и меня.
Но не печалься, мой милый, любимый,
Знаю, что мы невиновны с тобою:
Сволочь проклятая Сталин с опричниной мучит,
Терзает несчастный народ.
Но отольются проклятым
Слезы, страданья замученных жертв.
Может быть, вновь мы с тобой съединимся
И насладимся гибелью наших заклятых врагов.*

Тогда я подумала, что Леонид жив. Я не знала, что «10 лет без права переписки» — это значит: расстрел! Просто наши прекрасные власти считали для себя удобнее выносить смертные приговоры в такой форме.

На 23-м нас задержали недолго. Осенью 38-го года часть женщин, и меня тоже, перевели на 24-й пункт.

На 24-м было очень много грузинок. Были четыре ненормальных женщины: немка Фридман, о которой я писала, что она сошла с ума в Бутырках, потом грузинка, потом молодая русская, она ходила по лагерю и все время разговаривала сама с собой, а четвертая была ненормальной еще на воле, и, несмотря на это, ее посадили в тюрьму, а ведь в капиталистических странах сумасшедших не сажают...

Как-то во время ночной проверки (ведь нас утром и вечером считали) грузинка заговорила по-грузински с комендантом. Он потребовал, чтобы ему перевели, что она сказала. Ему и перевели: «Вы погубили наших мужей и детей, всех вас нужно утопить в ко-

лодце!». В лагере их продержали до весны 39-го года, а потом увезли в сумасшедший дом. Два года — 37 и 38-й — мы были без права переписки, родные наши ничего не знали о нас — где мы, живы ли? И только в 39-м нам разрешили написать родным и разрешили раз в месяц присыпать посылки. На 24-м нас заставили вышивать женское белье и мужские косоворотки, я делала мережку на женских рубашках.

Помню, как-то одна женщина заявила коменданту, что у нее износилась обувь, чтобы ей дали какие-нибудь ботинки. А он ответил, что не дадут ничего: пусть ходит без обуви. Она сказала, что может заболеть или даже умереть. На что слышала: «Ну что же, положим в больницу, а умрете — спишем со счета, вас много».

Кто-то из женщин в нашем бараке был осведомителем, а мы, конечно, не знали этого. Как-то раз вызвали двух женщин в комендатуру, а затем мы узнали, что их отправили в главное управление Темниковских лагерей, посадили в лагерную тюрьму, а потом судили и присудили за контрреволюционные разговоры в бараке еще два года. Через некоторое время они вернулись и все рассказали. Никаких контрреволюционных разговоров они не вели — просто одна из них, жена военного, была довольно глупой и все восторгалась заграничными вещами, театрами, литературой, а другая каким-то образом достала газету (ведь нам ни газет, ни книг не давали) прочла ее и о прочитанном говорила с женщинами. И получила за это, бедная, два с лишним года. После этого мы были очень осторожны, так было мерзко, что среди нас был осведомитель, может быть, это и вообще не была жена, а просто посажена в барак с определенной целью.

Как-то человек двадцать женщин, и я в том числе, сидели в тени за последним бараком около запретной зоны и разговаривали. Вдруг явился комендант и говорит: «Здесь опасно стоять, здесь бывают змеи». Тогда одна из женщин ответила: «Змей мы не боимся, мы боимся людей, люди хуже змей». Он прямо весь передернулся и тут же ушел, а мы остались со змеями.

Когда нам разрешили писать, многие узнали, что их дети, которым уже исполнилось восемнадцать лет, тоже арестованы. Одна наша женщина, Нина Николаевна Бинклер, долгое время не знала,

что сын арестован, все писала ему и не могла понять, почему он не отвечает, и, наконец, получила письмо от соседки по квартире, что сын ее арестован и находится в лагере около Куйбышева, и что она послала ему две посылки и переслала письма матери. С Винклер сделался припадок, она кричала, плакала, каталась по полу, насилиу мы ее успокоили и уговорили написать письмо сыну, адрес соседка прислала. Вот загублена и молодая жизнь.

На 24-м пункте я пробыла до сентября 1939 года. А потом очень много женщин, в том числе и меня, с 24-го пункта и с других пунктов, где были жены, отправили в Сегежу на границу с Финляндией, но, конечно, нам не сказали, куда везут. Мы долго стояли на какой-то станции, на соседний путь подошел пассажирский поезд. Люди с ужасом смотрели на нас: нас везли в товарных вагонах, с верхних нар, через большие окна мы переговаривались с людьми. Нас спрашивали, кто мы, за что сидим, куда везут. Мы все рассказали, и женщины, слушая нас, плакали.

Мы проехали Петрозаводск, потом Медвежью гору, и за станцией Медвежья гора — начались сплошные лагеря: участки, огороженные колючей проволокой, по углам вышки и на них стражники. А нас, несчастных белых рабынь, все везут и везут, и вот, наконец, привезли на станцию Сегежа, открыли вещи и приказали брать вещи и выходить: опять проверка, не убежал ли кто из запертых вагонов. Потом нас выстроили душ по шесть в ряд и снова услышали: «Шаг вперед, шаг в сторону считается попыткой к бегству и будут стрелять». Потом повели. Конечно, конвой, ружья наготове, собаки: ведь мы ужасные, не совершившие никакого преступления, преступники.

Мы были поражены: ввели нас во двор огромного завода, тут же во дворе проверили по спискам, всех ли довезли, а потом разместили по баракам. Бараки лучше, чем в Потьме, комнаты небольшие, поместили человек по 25 в комнате, нары двухэтажные, два человека наверху, два внизу, между нарами маленький проход, и таких нар по одну сторону было пять, а по другую четыре, направо от входной двери стоял стол, стульев или скамеек не было, сидели на нарах. Месяца два мы жили во дворе завода, там бараки были одноэтажными, женщины помоложе. Их посыпали работать

на завод, это оказался бумажный комбинат, некоторые женщины kleили мешки для продуктовых магазинов, другие шили на особых машинах большие мешки для грубой бумаги, разорвать которую было трудно. Часть женщин послали на очень трудную работу, они должны были стоять на мостках, устроенных на каналах, идущих от озера Сегежа к комбинату, и гнать баграми бревна к Целлюлозному комбинату.

Через два месяца нас перевели в бараки на остров, сообщавшийся с заводским двором мостом. На этом острове было три лагеря: один мужской, мужчин там было очень много, главным образом, уголовники, затем два двухэтажных барака для нас, столовая, где мы должны были есть, и даже клуб, где два раза в месяц устраивали концерты силами заключенных. Я принципиально на эти концерты не ходила. Еще был лагерь для всяких бандиток, отделенный забором от нашего. Одни женщины работали в конторе, другие в столовой, в прачечной, а я устроилась банщицей. Работа была не очень трудной — нужно было мыть баню, шайки, предбанник, топить печь в бане и предбаннике. Воду же грел для бани истопник-азербайджанец, отец его был богатым человеком, когда пошли разговоры о колхозах, он успел продать часть имущества, каким-то образом перенес в Турцию стадо баранов и перешел сам, жену же и сына оставил в СССР, обещал их потом забрать. Но забрать их не пришлось, сына и жену несколько раз вызывали в НКВД и все им угрожали, сын обозлился так, что убил какого-то начальника, но так как ему было только 16 лет, то его не расстреляли, а приговорили на десять лет, но когда мы приехали в Сегежу, он эти десять лет уже отсидел, а выпускать его и не думали. Второй истопник был пожилой, очень несимпатичный, сидел за спекуляцию.

Баня стояла на берегу озера, за лагерной зоной, во дворе комбината. Весь завод тоже был окружен очень высоким забором, вход был по пропускам. Работали там и вольные, но работало много инженеров-заключенных — те, кто имел десять лет с правом переписки, здесь работал друг Леонида Розенберг, тоже резинщик, он был арестован в 35-м году и потому получил десять лет с правом переписки. Он разыскал меня, расспрашивал о Леониде и других

резинщиках, а при прощании сказал: «Я счастлив, что меня арестовали в 35-м году. Если бы тогда не арестовали, то, конечно, арестовали бы в 37-м году без права переписки». Вот такое у людей было счастье при этом нашем Сталине!

За забором очень близко от бани стояло несколько домов, в которых жили раскулаченные из других областей, они работали на лесозаготовках, а некоторые на заводе. В лагерной зоне была продуктовая палатка: можно было купить бараки, пряники, карамель, иногда селедки, но ничего хорошего, вкусного не было.

Я сутки работала, сутки отдыхала, мыться приходили часов с двух, а я с восьми часов была уже на работе. Я выдавала чистое белье заключенным: рубашки и трико, а они сдавали мне грязное. Когда заканчивалось мытье, мы с заведующей все пересчитывали и сдавали в прачечную. В бане мылись и уголовницы, и за ними приходилось следить, чтобы они не стащили чего-нибудь друг у друга, но уследить за ними было трудно: один раз кто-то у женщины стащил всю одежду — пришлось какую-то бандитку посыпать за одеждой в барак. Удивительный народ! Ничего святого для них не было.

День начинался в шесть часов: будил заводской гудок. Мы быстро вставали, одевались, умывальная и уборная были на каждом этаже. Потом появлялся комендант, считал нас, и мы отправлялись в столовую, ели кашу, обычно «шрапельную» и кусочек трески, пили чай; у кого были деньги — покупали в ларьке карамель. После еды шли на работу, каждая бригада во главе со своим бригадиром. Дежурный комендант проверял перед лагерными воротами, какая это бригада идет и на какую работу, сколько человек. Я проходила одна, называла свой номер, фамилию, где работаю. Приходя, я отпускала свою напарницу, поддерживала огонь в печке, готовила для смены белье. До обеда обычно приходили мыться инвалиды, которые работали в самих бараках, плели авоськи, а также конторские особы. В полдень я все запирала и уходила обедать: «шрапнельный» суп, немного каши и кусочек трески, хлеб, черный, получала утром — приносила дневальная: 400 г. Работникам конторы, столовой, прачечной и бани, а остальным — по выработке. Выполнили норму — получал 400 г, а перевыполнил — 500 и 600 г. Женщины работали и на заводе, и в городе на земляных работах, рыли канавы

для водопровода по десять часов в сутки и час на обед, а вольные в то время работали по восемь часов.

Завод приносил, должно быть, огромные прибыли, ведь все заключенные — это рабы, которым не платили ничего, только давали немного отвратительной пищи.

По утрам мимо бани шли на работу мужчины, их было очень много, я думаю, несколько тысяч; работали они на рубке леса, а некоторые, как и наши женщины, гнали баграми по каналам бревна на завод.

И опять шли — день за днем — одинаковые дни: ни книг, ни газет... Раз в месяц можно было написать письмо и получить одно письмо и одну посылку.

В бане на стенке каморки, в которой я обычно сидела, когда мылись женщины, я написала, сколько дней осталось до освобождения, сколько это составляет часов, сколько минут. Получилось что-то грандиозное. Все время мучила мысль — выживу ли я? Как найду силы дожить до освобождения? Тогда я еще не знала, что подлинный лагерный ужас еще впереди — это карагандинские лагеря.

Сразу по выходу из ворот завода начинался город Сенеж, дома небольшие, двухэтажные, трехэтажных очень мало. Город был построен для вольных рабочих и служащих, заводских и на лесоповале, была там больница, школа и ремесленное училище.

Как-то в городе ремонтировали баню, и лагерное начальство разрешило ученикам ремесленного училища вымыться в нашей бане. Учеников приводили их воспитатели, и один из них заинтересовался, за что же мы сидим — такие непохожие на уголовниц. Нас было четверо, и все мы сказали: «Мы сидим за мужей». Он пришел в ужас и спрашивает: «Что же вы сделали со своими mujeres? Неужели убили?». И тут мы ему все рассказали, он был поражен — неужели у нас в стране такие вещи возможны?

В это время шла война с Финляндией, но мы ее совсем не замечали, никто над нами не летал, даже затемнения не было, хотя мы жили на границе с Финляндией.

Как я уже писала, уголовницы тоже мылись в бане, им я тоже выдавала чистое белье и принимала грязное. Некоторые из них с каким-то удальством и гордостью рассказывали о грабежах и мо-

шеннничествах, в которых они принимали участие, они совершенно не стыдились своей жизни, исправляться в лагере они и не думали, а только мечтали поскорей выбраться и начать новую прежнюю жизнь, полную интересных для них приключений. Одна узница была совсем молоденькой, восемнадцати лет, из хорошей семьи, отец — моряк, капитан. Она рассказывала, что отец ее — начальник ленинградского порта, а втянул ее в банду брат матери. Никто не знал, что он главарь банды. Орудовал он в Одессе и как-то приехал к сестре в Ленинград погостить. Через некоторое время отец и мать девочки уехали, а дома остался только бандит дядя. Как только родители уехали, дядя забрал племянницу в Одессу, она нужна была ему как «фортовичца»: его банда задумала ограбление, и нужно было через форточку проникнуть в помещение и тихо открыть дверь. Девочка все это выполнила, ограбление удалось, но бандитов вскоре забрали, дядю расстреляли — за ним было очень много дел — а девочку отправили в колонию. После колонии она вернулась домой, но на воле побыла недолго, опять с кем-то спуталась и угодила в колонию. Когда она немного подросла, ее сделали поездной воровкой. Она ездила в поезде, обычно в скром, в мягком вагоне, где у людей обычно хороший багаж. Она уговаривалась со своим напарником, когда и в каком месте будут сбрасывать чемоданы. Он подбирал чемоданы, а она из этого вагона исчезала, и, как только поезд замедлял ход, прыгала. В лагерь она опять попала года через два.

Все тело у нее было татуировано: на одной ноге моряк, на другой — молодой человек в шляпе, на груди орел, и еще вся в каких-то изречениях. Я ее как-то спросила: «Ну, а если ты захочешь переменить жизнь? Ведь каждый увидит, кто ты: ведь вольные не разрисовывают свое тело?» Она ответила, что все можно будет вывести электричеством. Ее отец приезжал на свидание, и наши женщины, у которых тоже в это время было свидание с родными, видели, что действительно моряк, прекрасно одет, видимо, человек очень культурный, а дочь — бандитка. Чего только не бывает в жизни!

В 1940 году ко мне на свидание приезжали мама и Лера, и водили нас, женщин, на свидание опять с конвоирами, но без со-

бак. Свидание происходило за зоной лагеря, в небольшом доме. Соглядатаи при свидании не присутствовали; только один раз, во время свидания, в комнату вошел комендант дома, что-то несуразное пробормотал и вышел. Свидания разрешали дня на три, каждый день заключенного приводили на два часа. Родственники и останавливались в этом небольшом доме.

Так вот и жили — все дни одинаковые, от самоубийства удерживало желание дожить — узнать, чем же все это кончится, ведь не может же быть того, чтобы все, что произошло с нами и нашими мужьями, было возможно, было правильно.

Как-то в баню привели под конвоем двух узников, оказалось, что они и двое мужчин бежали, мужчинам удалось скрыться, а женщин поймали и, конечно, прибавили им еще несколько лет заключения.

Наступило лето 41-го года, началась война. Начальник лагеря Климин приказал всем женщинам собраться во дворе и объявил, что немцы ночью напали на СССР, началась война, и он сказал, чтобы мы вырыли рвы высотой в человеческий рост, сверху закрыли досками и засыпали землей и, когда будет тревога, чтобы все, кто в лагере, прятались в этих рвах. Потом добавил: «Потому что вы все-таки тоже люди», а я подумала, что мы-то люди, а вот вы — сволочи и звери.

Как-то во время тревоги мы сидели во рву, а над нами очень низко пролетел немецкий самолет — видна была свастика на крыльях. Наш лагерный остров он пролетел, а над городом сбросил бомбу. Мы раза три спускались в ров, а потом перестали, оставались там, где заставала тревога. Немцы, видимо, знали, что это лагерь, и бомб не кидали. После начала войны стали освобождать многих узников и тех, кто попал в лагерь за опоздание на работу: ведь наш дорогой «Отец» приказал всех, кто опаздывает на работу на десять минут, отправлять на год, на два в лагерь. И в 40-м, и в 41-м году масса народу попала в наш лагерь за опоздание. Ну их всех, а также многих узников освободили. Некоторые из наших женщин подали начальнику заявление, чтобы их освободили и отправили на войну: сестрами, санитарками, врачами. Но он ответил, что узников освободили потому, что они «стопро-

центные советские граждане, а вам — доверия нет». Мы были поражены. Нас, почти всех жен, стали под конвоем водить за город, мы устраивали аэродром — ровняли площадь, выкалывали корни, кусты.

В июле заключенных начали перевозить в другие лагеря, в первую очередь отправили мужчин через Петрозаводск, и до нас дошли слухи, что поезд был обстрелян, и было много убитых и раненых.

Нам было объявлено, что нас отправляют на следующий день, приказано было брать вещей как можно меньше, потому что какая будет поездка — неизвестно, может быть, придется и идти пешком. Мы решили взять все свои вещи, а если будет нужно их бросить, то бросить по дороге.

Повезли нас в товарных вагонах, через Кандалакшу на Вологду, потом уже не знаю, какой дорогой, довезли до Урала, а дальше мы очутились уже в Азии.

Немного съехали мы от Сегежи и пошли по обе стороны железной дороги лагеря — колючая проволока, бараки, по углам вышки со стражниками, эта приятная картина тянулась почти до самой Вологды, я никогда не предполагала, что у нас такое количество лагерей, ведь это только в европейской части, а сколько же — в Казахстане, на Колыме, да и по всей стране. Это было целое государство рабов, бесплатных работников и ведь большинство было — политических!

Вполне понятно, почему наше правительство могло продаивать заграницу лес по бросовым ценам и подрывать торговлю иностранных фирм, торгующих лесом, ведь у нас работали рабы. Их немного кормили, кое-как одевали и ничего не платили. А если они умирали от голода, то заменяли другими. Настоящих рабов надо было покупать, а этих поставляли «бесплатно», «перевыполняя программу», как выразился комендант Темниковских лагерей.

Везли нас двадцать суток и, наконец, привезли в Казахстан на какую-то станцию Карабасс или Карабугаз — не помню, но что-то дикое, чужое. Нас высадили и отвели в приемочный лагерь, тут же, в двух шагах от станции. Лагерь был окружен колючей про-

волокой, опять по углам вышки со стражниками, всего было два небольших барака, поместиться в них мы, конечно, не могли, нас было очень много, да к тому же в бараках уже были уголовницы — и мы остались под открытым небом. Первые две ночи прошли благополучно, привезли нас в августе, было еще тепло, но на третью ночь пошел дождь, и пришлось прямо втиснуться в бараки, а там не то что лежать, а и сидеть было негде. Утром начальство распорядилось поместить нас в конюшни (лошади были на полевых работах, и конюшни пустовали), но, по правде сказать, конюшни были гораздо лучше бараков. Прожили мы в конюшне дней десять, а потом половину женщин и меня в том числе, отправили в другой лагерь. Вели нас, конечно, по всем правилам, под конвоем, шли мы очень долго и подошли к какой-то речке, и нам было приказано переходить ее вброд. Мы сказали, чтобы нас отвели к мосту, ведь был же мост через эту речку, но нас стали толкать в воду и заявили, что мост далеко и туда нас не поведут. Тут подъехало какое-то начальство и приказало переходить немедленно. Мы были рабы и ничего не могли поделать, а они ведь и могли стрелять в нас, а потом заявили бы, что такие-то и такие-то убиты при попытке к бегству.

После этой речки мы еще шли долго, проходили мимо галерей и, наконец, нас привели к лагерю, в котором были расположены коровники и барак для рабочих. Нас поместили в коровниках, лагерь назывался «Калпак», должно быть, по-казахски это что-нибудь означало.

Нас отвели в баню, потом дали жидкий суп и немного хлеба, а затем мы легли спать прямо на полу, постелив немного соломы. Разбудили нас очень рано, в шесть часов, ударами об рельсу: приказано было быстро собираться на работу; выдали 400 г хлеба, паек на день, на завтрак опять жидкий суп. На работу вели нас опять по всем каторжным правилам — конвой, ружья наизготове, объявлено: «Шаг назад, шаг в сторону считаем попыткой к бегству и стреляем».

Вели нас очень долго, опять переходили речку вброд, а тут мы с удовольствием позлили наших стражников: начали умываться, стирать, а они бегали около нас, кричали, чтобы мы бросали

стирку и переходили на другую сторону. Но мы не спешили. Когда умылись, постирали, тогда опять выстроились по восемь и отправились дальше; привели нас на огород и приказали выкапывать лук, в двенадцать часов привезли обед, опять суп; работали до захода солнца. На работу нас водили километров за семь, мы были все очень слабые, вечно голодные, уставали очень, рядами идти не могли, шли толпой, отставали. Один из стражников был отвратительным — настоящий царский жандарм, как он издевался над нами! Как-то вел он нас с работы, мы очень устали и, перейдя реку, сели отдохнуть. Он прямо взбесился — бегал, орал, требовал, чтобы мы выстроились стройными рядами. Мы немного отдохнули и стали рядами, как он требовал, выслушали: «Шаг вперед, шаг в сторону считается попыткой к бегству и буду стрелять! Мне надоело с вами нянчиться, я приехал из лагеря, где ваши мужья, мы возили их на работу на грузовиках с пулеметами, они узнали, что им оттуда возврата нет, все там погибнут, и потому они устраивали иногда побеги, а мы в них стреляли из пулеметов, а кто оставался живой, тех судили и приговаривали к смерти, и я их стрелял. За каждого получал сто рублей и три дня отдыха». Мы кричали ему: «Садист! Садист!». Но, по всей вероятности, он не понимал, что это означает.

На «Калпаке» мы прожили недели две, а потом нас перевели в другой лагерь — «Новый коксун». Трудно было представить себе что-нибудь ужаснее карагандинских лагерей! Не понимаю, как мы там все не перемерли!

Вели нас там долго, проходили мы мимо многих лагерных точек — колючая проволока, вышки по углам; заборов из бревен, как в Потьме, здесь не было. Наконец, привели нас на «Новый коксун» — обычная лагерная карагандинская картина: забор из двух рядов колючей проволоки, вышки со стражниками, четыре длинных барака — землянки на полтора метра в земле, стены полтора метра над землей, в них сделаны окна. Я сначала подумала, что это овощные сараи, на жилье совсем не похожи. Внутри по обе стороны сплошные нары, нам дали матрасные чехлы и мы набили их соломой. Лежать было очень тесно. В этом лагере нас поселили с уголовницами, в нашем бараке их было человек двадцать; но

они нас не трогали. Один барак был мужской; там были и политические, и уголовники. Отдельно, в маленьком бараке, жили два агронома и нарядчик. Еще был маленький домик, там жили врач и сестра, тоже наши женщины. Была баня — маленькая хибарка, с водой здесь было очень плохо, воду привозили и каждой женщине давали для мытья две шайки. Была и отдельная кухня, но столовой не было, еду в бочках приносили в барак и там мы ели ту мерзость, которой нас кормили.

В бараке, где жили врачи и сестра, был медпункт, лекарств почти никаких — только кастрорка, марганцовка, хина, валерьяновые капли, несколько градусников. Если чувствовали себя плохо — шли в медпункт, измерять температуру, если было выше 37,5, то на работу не посыпали. Желудок лечили кастроркой или марганцовкой, малярию — хиной; очень часто заражались друг от друга чесоткой — эту мерзость лечили черной мазью, ихтиоловой, кажется. Если была высокая температура, то отвозили в больницу. Больница была за зоной и обслуживала наш лагерь и соседний, «Старый Коксун», от нас он был на расстоянии двух километров. Это был страшный лагерь: там были просто бандиты.

А теперь я опишу один день в нашей каторге... День на каторге начинался рано, мы быстро одевались в лагерную робу — коричневые платья, телогрейки, бутсы номера на четыре больше ноги, латаные-перелатанные, зимой умывались тут же в бараке, а летом — около барака, потом дневальные приносили завтрак и раздавали хлеб по списку — сколько кому полагается. На завтрак давали жидкий суп из пшена, перловой, а иногда из ячменя — прямо в шелухе, не ободранного, из щавеля — когда появлялся весной, потом ботва свекольная. Суп из щавеля или ботвы — это была просто вода и эта жуткая трава, без картошки, без какой-либо заправки. Я — да и многие из нас — пакость эту не ели, а просто пили кипяток с черным хлебом. В шесть часов вели на работу, ходили мы здесь без конвоя, бежать в Караганде некуда — кругом одни лагеря. Ходили мы бригадами, бригадиром тоже была одна из наших женщин. Осенью нас посыпали выкапывать картошку, без какой-либо техники — кетьменями, так, кажется, называется это допотопное орудие казахов, потом выдергивали сахарную свеклу, морковь. Нам запре-

щалось печь картошку или свеклу, но мы плевали на запрещения: как только приходили — часть начинала работать, другие — разводили костер, пекли на всю бригаду картошку, а одна кто-нибудь стояла и наблюдала, не едет ли какая-нибудь лагерная сволочь, но мы обычно успевали испечь и поесть.

В двенадцать часов привозили так называемый обед — кашу, давали очень мало, меньше поллитра. Если бы мы не воровали картошку, свеклу и морковь, то, пожалуй, месяца через полтора все поумирали бы с голоду. Работали до захода солнца, в сумерки возвращались в барак, на ужин давали капустные щи. После ужина была проверка, а в десять часов они дубасили по рельсу, и все должны были ложиться, да и делать-то было нечего: книг не было, освещения — на весь барак горели две коптилки, какая-то плошка мазута с фитилем, от нее было больше копоти, чем света. Ночью барак сторожила ночная дневальная, она должна была следить, что кто-нибудь не ушел из барака или чтобы не пришел кто-нибудь чужой. Часов в 12 ночи опять была проверка.

Когда все овощи убрали, нас стали посыпать рыть ямы для посадки фруктовых деревьев; земля уже промерзла, стала, как камень. Никаких машин нам не давали, заставляли рыть кирками, кетменями и лопатами. Это была работа адская, рабская, норма была — четыре больших ямы, обычно за день я могла сделать только одну, мне давали 400 г. хлеба, а кто выполнял норму — тем 500 г., а если делал пять ям — то 600 г. Когда закончили ямы, то послали рыть арыки для орошения, ведь в этом Казахстане ничего не растет без орошения. Рытье арыков — это тоже был адский труд, ведь механизации никакой, земля промерзла, и мы, слабые, голодные женщины должны были рубить эту промерзшую землю кирками и кетменями; было сказано, что в стены арыков нельзя класть глыбы земли, их нужно дробить, а то, когда будет тепло, глыбы начнут таять и стены попортятся, но мы плевали на это запрещение: начальство обычно долго на работах не задерживалось, а мы и клали большие комья, а потом присыпали мелкой землей и трамбовали ручными трамбовками. На качество работы нам было наплевать, нам нужно было только как-нибудь выжить, а выжить в этих проклятых карагандинских лагерях было очень трудно. Солженицын

в своей повести «Один день Ивана Денисовича» пишет, что даже в лагере они все верили партии и своей работой старались доказать, что они советские граждане, а мы — ничего не старались доказывать, мы знали, что мы и наши мужья ни в чем не виновны, а раз верхушка партии творит такие дела, то верить ей трудно.

В зимние дни нам были выданы ватные телогрейки и штаны, но я и многие женщины от штанов отказались, это были не штаны, а просто какая-то мерзкая зараза. У кого не было никакой обуви — давали безобразные бутсы или валенки. Когда мы напяливали всю эту мерзость на себя, вносили бочку с так называемым «завтраком». Потом мы, если мороз был больше 25 градусов, сидели и ждали, когда термометр поднимется до 25, и тогда опять колотили об рельсу и по бригадам выводили на работу, аркы делали почти всю зиму. Зачем нас так мучили? Ведь это просто была пытка — заставлять так работать голодных, замученных, плохо одетых женщин, при таком морозе до захода солнца. У меня были фетровые валенки, но они не грели, и я отморозила ноги. Когда я доходила до места работы, я уже ног не чувствовала, ходила, как на деревяшках, целый день, а когда возвращалась в барак, мне приходилось оттирать ноги снегом. Через некоторое время палец большой на правой ноге почернел, лопнул, краснота пошла по ноге, я была у врача, но она сказала: «У Вас валенки, освободить от работы не могу». Я ходила на работу еще несколько дней, нога болела ужасно. Наконец, одна наша женщина Айкануш, которая во время первой войны была сестрой и видела много обмороженных, сказала мне: «Иди к врачу, устрой ей скандал, у тебя же гангрена, пусть тебя кладут в больницу». Кое-как я дотерпела до утра и отправилась к врачу опять. Она опять начала мне морочить голову, что у меня, мол, валенки, а я ей сказала, что у меня гангрена и на работу я не пойду. Тогда она мне измерила температуру и, вытаращив глаза, показала термометр сестре, и они опять поставили мне градусник. А потом она мне сказала, что сегодня меня отправят в больницу. В больнице я пролежала больше месяца. Айкануш сказала мне потом, что температура у меня была 40, потому врач так и перепугалась. Когда я вернулась, все женщины смотрели на мою ногу, цела ли она, потому что прошел слух, что ее отрезали.

Валентина Леонидовна Горбунова
1962–1963 годы

После этого меня на арыки уже не посыпали, потому что я болела еще долго, все время была температура, а нога после больницы еще болела, и я все время ходила на перевязки.

До весны я работала на кухне, чистила овощи, работала в саду, топила печку, а весной подрезали кусты малины, деревья, рыхлили землю около деревьев, проводили канавки для арыков к деревьям для полива.

Так я прожила два года в этих ужасных карагандинских лагерях — там как будто все было устроено так, чтобы замучить как можно больше людей. Ведь сказал же один комендант еще в Потьме: «Ну что ж, умрете — спишем со счета, вас много». После двух лет жизни в этих лагерях я превратилась прямо в скелет, заболела пеллагрой — так называли у нас полное истощение, и меня положили в больницу. Перед отправлением в больницу я мылась в бане, и в это время в баню вошла еще одна женщина и, увидев меня, дико закричала. Я спросила: «Что с тобой?» Она ответила: «Ты такая худая, я приняла тебя за скелет». В больнице я пролежала больше месяца, там при мне несколько женщин умерло от истощения. Я каким-то чудом выжила, помогла мне посылка, которую прислал мне Тадеос, муж моей золовки Лены. Он был сослан все тем же «гением» в Меркэ, это поганое mestечко в Казахстане, ему там удалось устроиться на маслобойный завод. Без его посылки я, должно быть, не выжила бы.

Когда я вернулась в лагерь, меня назначили ночной дневальной: всю ночь я должна была смотреть, чтобы все женщины, вышедшие в уборную, возвращались и чтобы никто чужой не вошел. Не спать целую ночь было трудно: в бараке темнота, даже не было керосиновых ламп, горели всего две плошки с жиром, от них больше было копоти, чем света. В полночь приходили комендант со стражником и спрашивали меня, сколько людей на ночной работе, сколько всего живет в бараке, потом всех пересчитывал и уходил. Утром проверка была опять. Как-то ночью приходили проверять три раза. Я не могла понять, в чем дело, а утром мы узнали, что убежали двое мужчин, один молодой инженер и парень лет восемнадцати, немец-колонист. Этот мальчишка попал в лагерь, потому что сбежал с работы: после окончания школы их, несколько

человек, послали работать в шахты, работа была очень трудная, они сбежали, их посадили. Всем дали по пять лет, а этому бедняге, как немцу, дали восемь лет. Бежать было очень глупо, ведь в Карагандинской области кругом лагеря, степь, больших городов мало, да и вид у заключенных таков, что сразу видно, откуда ты. Их, конечно, поймали. Инженер вскрыл себе вены, его нашли мертвым, а мальчика забрали и поступили с ним по-зверски: сели в тарантайку, мальчика привязали рядом с лошадью, били лошадь кнутом и мальчика тоже. И так они прибыли в лагерь. Нас всех собирали во дворе, мальчика поставили посередине, чтобы все его видели, и комендант сказал обвинительную речь, потом беднягу посадили в карцер, а утром повезли в главное управление, это было километров за десять от нашего лагеря. И через несколько дней до нас дошли слухи, что по дороге мальчика замучили.

Дневальной я работала до весны 1945 года, а весной меня послали работать в сад, но я себя работой не утруждала: моя работа была настоящей «потемкинской деревней» — видимостью работы. Освободили меня 20 июня 1945 года. Удивляюсь, как я все это пережила. Ведь там было все так устроено, чтобы осталось как можно меньше! Никогда не забыть слова коменданта Темниковского лагеря: «А умрете — спишем со счета, вас много».

inlav

Научное издание

Эволюция ценностей в языках и культурах

Книга утверждена на Ученом совете
Института славяноведения РАН

15 п. л. Тираж 80 экз.

Отпечатано в типографии «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

inlav